

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЛАДИМИРСКИЙ
ФИЛИАЛ**

**Н. В. Юдина
О. В. Котлярова**

**ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

МОНОГРАФИЯ

Владимир • 2019

УДК 808
ББК 81.2Рус-5
Юд16

Рецензенты:

Картухин Вячеслав Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, директор Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель председателя Законодательного Собрания Владимирской области;

Мельничук Марина Владимировна – доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор, директор Центра инновационных языковых стратегий Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Скачкова Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Юдина Н. В., Котлярова О. В.

Юд16 Языковой портрет государственного служащего: региональный аспект: монография. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2019. – 208 с. ISBN 978-5-907140-18-9

Настоящая монография является результатом масштабного регионального исследования языковой личности государственных и муниципальных служащих Владимирской области. Следствием эффективного взаимодействия Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации стали выявление, категоризация и анализ актуальных тенденций и трендов административно-политического дискурса XXI века, являющихся современными речевыми стандартами для представителей ряда лингвоинтенсивных профессий. Работа имеет практическую значимость в контексте организации непрерывного образования государственных гражданских и муниципальных служащих Владимирской области и может быть использована при реализации программ бакалавриата и магистратуры по направлениям «Государственное и муниципальное управление», а также дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, направленных на совершенствование коммуникативной компетентности государственных гражданских и муниципальных служащих.

Печатается по решению ученого совета Владимирского филиала РАНХиГС.

УДК 808
ББК 81.2Рус-5

ISBN 978-5-907140-18-9

© Н. В. Юдина, О. В. Котлярова, 2019
© Владимирский филиал РАНХиГС, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ	9
1.1. Теория языковой личности в отечественной лингвистике: анализ подходов	9
1.2. К вопросу об изучении языкового/речевого портрета в современном языкознании	20
1.3. Языковая личность государственного служащего как объект лингвистического описания	26
Глава 2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ КАК ОСНОВА КОНСТРУИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО	33
2.1. Государственная языковая политика России: диахронный аспект	33
2.2. Формирование положительного имиджа государственного служащего	39
2.3. Современная языковая политика России: синхронный аспект	49
2.4. О роли языковой личности государственного служащего в формировании языковой политики	56
Глава 3. ДЕЛОВАЯ РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В XXI ВЕКЕ	65
3.1. Общие характеристики официально-делового стиля и административно-политического дискурса	65
3.2. Особенности устной речевой реализации языкового портрета государственных служащих	76
3.2.1. Орфоэпические особенности	76
3.2.2. Лексические и словообразовательные характеристики	83
3.2.3. Сочетаемость лексических единиц в речи	106
3.2.4. Изменения в сфере грамматики	125
3.3. Особенности письменной реализации языкового портрета государственных служащих	130
3.3.1. Орфографические ошибки	135
3.3.2. Грамматические ошибки	138
3.3.3. Пунктуационные ошибки	141
3.3.4. Логические ошибки	143

3.3.5. Речевые ошибки	144
3.3.6. Оформление	145
3.4. Коммуникативные характеристики речи государственных служащих	149
3.4.1. Стилистические особенности	149
3.4.2. Языковая игра как один из современных приемов реализации лингвокреативной деятельности языковой личности	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	176

ВВЕДЕНИЕ

Представленная работа посвящена исследованию языкового портрета государственных гражданских и муниципальных служащих, реализуемого в двух первых десятилетиях начала XXI века. Речь государственных служащих является одним из показателей культурного развития российского общества, демонстрирует современные языковые тенденции, отражает экономико-политические и культурные тренды XXI века. Коммуникативная компетентность современного государственного служащего заслуживает особо пристального исследовательского внимания, потому что является речевым образцом для всего российского общества в связи с демонстративностью и открытостью профессиональной деятельности. Профессия государственных гражданских и муниципальных служащих относится к лингвоинтенсивным и входит в «зону повышенной речевой ответственности» [Пономаренко 2014: 251].

Язык государственной службы является объектом исследования ряда работ отечественных специалистов (ср. в этой связи публикации Ю. Н. Кузнецовой [Кузнецова, 2009], В. В. Наумова [Наумов, 2010], М. Н. Пановой [Панова, 2004], а также монографию «Государственный язык России: нормы права и нормы языка» [Государственный язык России: нормы права и нормы языка, 2018] и ряд других исследований). Вместе с тем интересно отметить, что достаточно часто большое количество современных научных и научно-популярных работ посвящено не только и не столько изучению языка государственных служащих, сколько критическому анализу языковых характеристик представителей государственного и муниципального управления (см., например, сборники материалов различных научных мероприятий: симпозиумов, конференций, круглых столов и др. (подробнее см.: [Язык как основа этнокультурной идентичности, 2007; Жизнь языка в культурном социуме – 4, 2014; Роль языковых средств в деле формирования положительного имиджа государственного служащего, 2016; Язык. Речь. Культура, 2017] и др.)). Особого внимания заслуживают интернет-ресурсы и комментарии в социальных сетях, посвященные недостаткам устной и письменной речи отдельных государственных служащих (см., например, официальные порталы medvedevu.ru [URL: <http://medvedevu.ru>]; minkult.info [URL: <http://minkult.info>]; mirtesen.ru [URL: <http://mirtesen.ru>]; napisat-pismo-putinu.ru [URL: <http://napisat-pismo-putinu.ru>]; newsru.com [URL: <https://newsru.com>]; newtime.su [URL: <http://newtime.su>]; sobesednik.ru [URL: <https://sobesednik.ru>]; ulpressa.ru [URL: <https://ulpressa.ru>] и мн. др.).

Целью настоящей работы является формирование объективной оценки речевых характеристик государственных служащих; выявление

причин, конструирующих языковой портрет государственных служащих, а также поиск конструктивных подходов к улучшению речи, направленных на формирование положительного образа государственных гражданских и муниципальных служащих (на примере Владимирской области). При этом необходимо отметить, что, на наш взгляд, языковой портрет государственного служащего складывается не только и не столько из отсутствия или наличия орфоэпических, акцентологических, лексических, грамматических, речевых, стилистических и другого рода ошибок, хотя, безусловно, отсутствие ошибок является одной из релевантных характеристик государственного служащего. Изучение языкового портрета представителей органов власти выходит за пределы собственно лингвистического исследования и включает необходимость изучения таких категорий, как точность, логичность, богатство речи, а также, что крайне важно, убедительность и доступность. Важным фактором, определяющим грамотность речи представителей государственного и муниципального управления, является этичность и корректность общения. В этой связи правомерно говорить не только о потребности формирования коммуникативной компетенции государственных служащих, но и о формировании этико-речевой компетенции представителей власти, включающей эрратологическую (ошибковедческую) компетенцию (подробнее см. исследования А. П. Сквородникова [Сквородников, 2012]).

Региональным исследованиям государственного и муниципального управления посвящено достаточное количество работ, затрагивающих, к примеру, следующие вопросы:

- особенности региональной экономики и территориального управления (см., например, работы А. А. Бжассо [Бжассо, 2017], Е. В. Мишон [Мишон, 2012] и др.);

- особенности управления региональными финансами (см. работы С. Н. Медведевой, Н. Ф. Екимовой [Медведева, Екимова, 2016], К. В. Приходько [Приходько, 2014], А. А. Синкиной [Синкина, 2015] и др.);

- особенности управления системой здравоохранения на региональном уровне (см., например, исследования К. Ю. Боевой [Боева, 2017], М. А. Каневой [Канева, 2014], Д. О. Сапралиевой [Сапралиева, 2015] и др.);

- особенности программно-целевого управления молодежной политикой на региональном уровне (см. работы И. Е. Бельских, О. Е. Бельских [Бельских, Бельских, 2015], Т. И. Кравченко, П. А. Нуттунен [Кравченко, Нуттунен, 2016], Е. А. Панфиловой [Панфилова, 2015] и др.).

Новизна представленной работы заключается в изучении языка государственных и муниципальных служащих на региональном

материале, что позволяет не только очертить круг речевых лакун, но и определить потенциальные компетентностные возможности и современные языковые тенденции административно-политического дискурса, а также описать речевые особенности, характерные для представителей сферы государственного и муниципального управления Владимирской области.

В качестве *эмпирического материала* настоящего исследования проанализировано 4560 языковых единиц и 2540 контекстов, извлеченных за период 2015-2019 гг. из письменной и устной речи государственных гражданских и муниципальных служащих, работающих преимущественно во Владимирской области. При этом необходимо отметить, что, судя по результатам проведенного исследования, Владимирская область отличается средним уровнем речевой культуры в целом и государственной служебной культуры в частности.

Поддержанию коммуникативных навыков госслужащих способствует систематическое проведение на территории Владимирской области мероприятий, направленных на повышение грамотности государственных гражданских и муниципальных служащих. К таким мероприятиям необходимо отнести реализацию проекта по прохождению претендентами на замещение вакантных должностей государственных гражданских служащих испытаний по русскому языку, включающих написание диктанта и составление делового письма; работу топонимической комиссии, заключающуюся в том числе и в оказании практической и методической помощи органам государственного и местного самоуправления, общественным организациям в вопросах топонимии; неоднократное проведение образовательными организациями Владимирской области (в частности, Владимирским филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Владимирским филиалом Финансового университета при Правительстве Российской Федерации) дополнительных профессиональных программ повышения квалификации «Деловой русский на государственной гражданской службе», «Деловой русский на муниципальной службе»; ежегодное проведение Комитетом государственной и муниципальной службы администрации Владимирской области региональных конкурсов «Лучший государственный гражданский служащий Владимирской области» и «Лучший муниципальный служащий Владимирской области», включающих подготовку и осуществление эффективного публичного выступления и презентации. Вместе с тем наблюдение за языком государственных и муниципальных служащих, к сожалению, позволяет выявить и описать ряд системных ошибок в сфере

письменной и устной деловой коммуникации, над устранением которых необходимо работать.

Материалы представленной монографии актуализируют исследования административно-политического дискурса за последние пятьдесят лет и могут быть использованы при реализации программ бакалавриата и магистратуры по направлениям «Государственное и муниципальное управление», а также дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, направленных на совершенствование коммуникативной компетентности государственных и муниципальных служащих.

Монография направлена на формирование у читателей научного представления о лингвистических, лингвокультурологических и психолингвистических особенностях языкового портрета современного государственного служащего, а также комплексного впечатления о коммуникативной компетентности представителей властных структур.

Система изложения материала, основанная на традиционных подходах преподавания таких дисциплин, как «Русский язык и культура речи», «Культура речи и деловое общение», «Деловые коммуникации», «Основы деловой и публичной коммуникации», учитывает специфику обучающихся по направлениям «Государственное и муниципальное управление» и охватывает различные аспекты деятельности представителей государственной службы.

Представленная работа имеет исследовательские перспективы и входит в круг научных интересов не только государственных гражданских и муниципальных служащих, но и представителей других лингвоинтенсивных профессий.

Коммуникативная динамика российского общества зависит от ряда факторов, в том числе и от уровня речевой компетентности представителей властных структур. В этой связи изучение языкового портрета современного государственного и муниципального служащего имеет социальную значимость, так как отражает многоаспектное взаимодействие между властью и гражданским обществом.

Глава 1. ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ

1.1. Теория языковой личности в отечественной лингвистике: анализ подходов

Нравственность человека видна
в его отношении к слову.

А. П. Чехов

Исследовательский интерес к *языковой личности* в современной лингвистике логичен и объясним. Связано это с «переходом от изучения структурных уровней языка к антропологической лингвистике, рассматривающей речь и язык как произведение человека – язык, в котором отражается его мышление, опыт практической, в том числе и профессиональной деятельности» [Панова, 2004, с. 3].

Основываясь на авторитетном мнении Ю. Н. Караулова, подробно изложенном в его фундаментальной работе «Русский язык и языковая личность», факт восприятия *языковой личности* в качестве полноценного объекта науки о языке предопределялся четырьмя этапами, предшествующими антропоцентрическому подходу в изучении языка: *историческим, психологическим, социальным и системным*.

Сравнительно-историческое языкознание берет начало с исследований Вильяма Джонса (1746 – 1794), нашедшего аналогию между санскритскими рукописями и современными индийскими языками. В русле историко-генетического языкознания складывались фундаментальные исследования XIX века. Так, основоположниками исторического подхода в изучении языка считаются следующие исследователи: Ф. Бопп (ср. работу «О системе спряжений санскрита в сравнении с таковым в греческом, латинском, персидском и германском языках» (1816)), Ф. И. Буслаев (см. работу «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858) [Буслаев, 1858]), А. Х. Востоков («Сокращённая русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях» (1831) [Востоков, 1831]), Я. Гримм («Словарь немецкого языка» (1852)), Ф. К. Диц («Grammatik der romanischen Sprachen» (1889) [Диц, 1889]), Г. Пауль («Deutsche Grammatik (1916-1920) [Paul, 1916-1920]), R. K. Rask («Samlede tildels forhen utrykte Afhandlinger» (1834) [Rask, 1834]), А. Шлейхер («Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1864) [Шлейхер, 1864]) и многие другие.

В рамках сравнительно-исторического подхода наиболее существенной функцией языка считалась его склонность к динамизму и временно-пространственной изменчивости. Приобретали актуальность проблемы необходимости сопоставления данных живых и мертвых языков, составления этимологических сопоставительных таблиц, реконструкции данных языка и др. Согласно мнению Ю. Н. Караулова, «в этот период на первый план выходят такие черты и свойства языка, как творческий характер, эстетическая функция, психологические основы владения языком, т.е. осуществляется поворот языкознания лицом к говорящей личности» [Караулов, 2010, с. 13].

Начиная с середины XIX века в парадигме гуманитарного знания приверженности к историческому подходу противоречит убеждение, что любое изучение языка в своих истоках глубоко психологично, следствием чего становится смена исследовательской парадигмы с диахронической на синхроническую. К основоположникам *психологического* подхода традиционно относят Геймана Штейнталя (1823 – 1899), который считал языкознание областью психологии, а речь относил к духовной деятельности, в связи с чем язык становится объектом психологического исследования. Среди его фундаментальных работ необходимо назвать следующие: «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения» (1855), «Введение в психологию и языкознание» (1871), «Происхождение языка» (1851), «Классификация языков как развитие языковой идеи» (1850), «Произведения В. Гумбольдта по языкознанию и философия Гегеля» (1848) и др.

К *психологическому* направлению в языкознании относят работы Морица Лацаруса (1824 – 1903) и Вильгельма Вундта (1832 – 1920) «О целях и путях народной психологии» (1888), «Психология народов. Исследования законов развития языка, мифов и обычаев» (1900), «История языка и психология языка» (1901), «Элементы психологии народов» (1912) и др. В России теория психологического подхода связана с именем А. А. Потебни (1835 – 1891). Следствием смены исторического подхода на психологический стало возникновение в середине 50-х гг. XX века междисциплинарной области гуманитарного знания – психолингвистики.

Среди представителей научного мира, признававших в определенный период своих исследований приоритет синхронического подхода в изучении языка, необходимо назвать И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского, Ф. Ф. Фортунатова, Ф. де Соссюра, Л. В. Щербу, Е. Д. Поливанова, Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, Л. Блумфильда, Э. Сепира и др. И. А. Бодуэн де Куртенэ считал одним из двух истоков современной филологии психофизическое понимание сущности фонемы. А. А. Шахматов исходил из психологических категорий в трактовке синтаксических явлений и структур. Фердинанд

де Соссюр в начале исследовательского пути, позиционируя себя как историка и компаративиста, соглашался с необходимостью психологического подхода. Знаменитое «кольцо Соссюра», моделирующее коммуникативный аспект, глубоко психологично.

Системный и *социальный* аспекты исследовательского интереса в языкознании появились в конце XIX – начале XX века. Основоположником такого подхода принято считать Антуана Мейе (1866 – 1936). Несмотря на то, что большинство его исследований начинаются в русле сравнительно-исторического языкознания, он одним из первых провозглашает мысль о том, что человеческий язык глубоко социален, его существование может быть обусловлено только в качестве общественного продукта в сопоставлении с другими явлениями общественной жизни. «Язык существует лишь постольку, поскольку есть общество, и человеческие общества не могли бы существовать без языка», – писал А. Мейе во «Введении в сравнительное изучение индоевропейских языков» [Звегинцев, 1960, с. 420].

В. фон Гумбольдт считал, что национальная субъективность заключается в субъективности всего человеческого рода, основанной на культурно-эмоциональной и социальной общности [Гумбольдт, 1984, с. 71]. В. фон Гумбольдт в качестве постулатов собственных исследовательских интересов поднимал вопросы синтезирования деятельностного и натуралистического подходов, превалирования динамического подхода над статическим, приоритета системности языка в целом, диалектической соотнесенности противоположных начал в языке и другие исследовательские направления, подтверждающие целостность и взаимообусловленность языковой системы в ее динамике. Он был убежден не в постепенном усложняющемся развитии языка, а в появлении и функционировании его в качестве единой сложившейся системы.

Считается, что наиболее точно мысль о двух важнейших свойствах языка – его системности и социальности – сформулировал Ф. де Соссюр.

Логичным итогом вышеназванных этапов развития лингвистической науки, по мнению Ю. Н. Караулова, становится обращение к человеческому фактору, «введение и рассмотрение в лингвистической парадигме языковой личности как равноправного объекта изучения, как такой концептуальной позиции, которая позволяет интегрировать разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка» [Караулов, 2010, с. 22]. Именно языковая личность позволяет в системном взаимодействии соединить фундаментальные этапы развития науки о языке. Связано это с тем, что «личность есть средоточие социальных законов, личность есть продукт исторического развития этноса, личность есть создатель и пользователь

знаковых, т.е. системно-структурных по своей природе, образований» [Караулов, 2010, с. 23].

Однако все этапы развития лингвистической науки до начала антропологической парадигмы нельзя ограничить четкими временными рамками. Связано это с тем, что в любой исследовательской парадигме присутствуют те или иные черты исторического, психологического, социального или системного подхода, а с развитием научной мысли в разные периоды времени лингвистические изыскания приобретают те или иные аспектуальные черты.

Основы *антропологического* подхода можно найти в трудах отечественных философов и лингвистов XVIII – XIX веков (см., например, труды И. А. Бодуэна де Куртенэ «Избранные труды по общему языкознанию» [Бодуэн де Куртенэ, 1963], А. А. Потебни «Язык и народность» (1926) [Потебня, 1926], «Мысль и язык» и «Слово и миф» [Потебня, 1989]), а также зарубежных филологов (см. исследования И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» [Гердер, 1977], В. фон Гумбольдта «О мышлении и речи» [Гумбольдт, 1984], «О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие» [Гумбольдт, 1984], «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» [Гумбольдт, 1984], Э. Б. де Кондильяка «Опыт происхождения человеческих знаний» [Кондильяк, 1980-1983], «Трактат об ощущениях» [Кондильяк, 1980-1983] и др.).

Конец XX – начало XXI века ознаменовались приоритетом *антропологического* подхода, заключающегося в изучении языка как отображения человеческой природы, культурного развития общества, интеллектуального потенциала формирующегося социума. Антропология подводит систему гуманитарных наук к определению основного объекта исследований – человека и всего, что с ним связано. В связи с этим изучение языка выходит на новый уровень: язык и речь рассматриваются как показатели, фиксаторы культурных и духовных достижений индивидуума и общества в целом.

Можно предположить, что антропологический подход становится приоритетным направлением лингвистических исследований с появлением, утверждением и развитием теории языковой личности.

Вероятно, первыми исследователями, практически одновременно употребившими в качестве термина словосочетание «языковая личность», были И. Л. Вайсгербер и В. В. Виноградов. Одно из основополагающих утверждений И. Л. Вайсгербера заключается в том, что язык представляет собой всеобщее культурное достояние. Вайсгербер выделяет родной язык в качестве культурного достояния наравне с правом, моралью и другими ценностями, присущими

определенной культуре: «Именно в отношении языка никто не способен уклониться от этой принадлежности, он всегда является членом какого-то одного языкового сообщества. По этой причине язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной *языковой личности*; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу, он изучает свой родной язык, то есть вращается в это языковое сообщество» [Вайсгербер, 2004, с. 81]. В этой связи, на наш взгляд, немаловажными являются его суждения о том, что при любом использовании языковых средств и связанных с этим изменений формулирующей мысль не ведет себя как независимая личность, а поступает как «человек, сформированный с помощью языка» [Вайсгербер, 2004, с. 82].

Безусловно, значимый вклад в становление теории «языковой личности» внес академик В. В. Виноградов. Несмотря на то, что, по справедливому мнению большинства исследователей, В. В. Виноградов не раскрывает значения термина «языковая личность» определенно, употребляя наряду с этим словосочетанием комбинации типа «литературная личность» и «поэтическая личность», он обращает внимание на некоторые перспективные аспекты в изучении языковой личности. Так, к примеру, он говорит о потребности учета проблемы индивидуального творчества, которая не затрагивалась в исследованиях Бодуэна де Куртенэ: «Его интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения и смешения разных социально-языковых категорий. Поэтому Бодуэну де Куртенэ проблема индивидуального творчества была чужда...» [Виноградов, 1980, с. 61].

В работе «Русский язык и языковая личность» Ю. Н. Караулов, анализируя вклад В. В. Виноградова в разработку теории языковой личности, небезосновательно называет некоторые из направлений его исследований научно перспективными. К примеру, среди приемов построения художественного образа В. В. Виноградов большую роль отводил моментам аудирования, слушания, восприятия персонажами речи других героев, специфики их переписки. В. В. Виноградов уже на этом этапе разработки вопроса уделял внимание многофакторности исследовательского подхода для полноценного раскрытия определенных характеристик языковой личности.

В настоящее время одной из наиболее признанных теорий языковой личности является точка зрения Ю. Н. Караулова, представленная двумя подходами к изучению языковой личности: методическим и «целевым».

Первый подход основывается на обобщении приемов обучения.

В структуре языковой личности Ю. Н. Караулов определяет 3 уровня, каждый из которых имеет специфические элементы: а)

единицы соответствующего уровня, б) отношения между ними и в) стереотипные объединения особых, свойственных каждому уровню комплексов [Караулов, 2010, с. 58].

В качестве нулевого выступает *вербально-семантический уровень*, единицами которого являются отдельные слова. Отношения между словами определяются разнообразными грамматико-парадигматическими, семантико-синтаксическими и ассоциативными связями. Стереотипами на нулевом уровне выступают стандартные словосочетания, простые формульные предложения и фразы как своеобразные «паттерны» и клише.

Обобщенные понятия, концепты выступают в качестве единиц первого, или *тезаурусного*, уровня. Их выражают слова предыдущего уровня, обладающие дескрипторным статусом. Между единицами этого уровня формируются подчинительно-координативные отношения. В качестве стереотипов выступают устойчивые стандартные связи между дескрипторами, выраженные пословицами, поговорками, афоризмами и другими языковыми средствами, которые каждая языковая личность выбирает, «присваивает» по принципу соответствия устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе [Караулов, 2010, с. 60].

На *мотивационном* уровне формируется прагматическая мотивация взаимодействующих единиц. Акцентируется внимание на коммуникативно-деятельностных потребностях личности, заключающихся в желании высказать собственное мнение, повлиять на собеседника, грамотно аргументировать свою позицию, получить необходимую информацию. Такие потребности диктуются экстралингвистическими и прагмалингвистическими причинами.

Отправным моментом *второго подхода* – «целевого» – является идеальный результат обучения, заключающийся в приобретении определенных речевых умений, навыков – готовностей.

На *вербально-семантическом* уровне формируются готовности к номинациям, рецепции лексики, осуществлению отбора языковых средств, прежде всего лексем, относящихся к конкретной области знаний, использованию устной речи, пониманию и воспроизведению в речи значительного богатства средств выражения, качеству чтения, произведению и восприятию текстов повседневного использования, монологическому выступлению, владению темпом спонтанной речи и др.

На *тезаурусном* уровне формируются готовности давать оценку и реализовывать анализ используемой информации, использовать иностранные понятия для сопоставления, придавать высказыванию модальную окрашенность, импровизировать в речи, соединять реплики в диалоге при их нетавтологичности и др.

На *мотивационном* уровне формируются готовности пользоваться внутренней речью, рефлексировать «по поводу фактов родного языка, создавать и использовать универсальные высказывания» и мн. др. [Караулов, 2010, с. 62].

Ю. Н. Караулов считает, что к языковой личности правомерно относиться как к исследовательской задаче, как к объекту и как к приему исследования [Караулов, 2010, с. 28].

Можно с уверенностью говорить, что все последующие исследования теории языковой личности так или иначе основываются на теоретико-практической платформе, разработанной Ю. Н. Карауловым, и продолжают намеченные им исследовательские перспективы.

Одновременно с Ю. Н. Карауловым разработкой теории языковой личности в XX веке занимается, например, Г. И. Богин. В качестве центрального понятия в его работе «Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов» (1984) выступает человек, субъект деятельности, который способен совершать речевые поступки и принимать произведения речи [Богин, 1984, с. 5]. Г. И. Богин в качестве одной из основных задач видит исследование структуры языковой личности, а также определение уровней и компонентов этой структуры. В качестве одного из важнейших условий конструирования языковой личности он выделяет «трактовку языковой личности в качестве структуры, а языка – в качестве субстрата этой структуры, т.е. в качестве предметного основания единства языковой личности» [Богин, 1984, с. 5].

Г. И. Богин предлагает классификацию оценочных суждений, определяющих и формирующих языковую личность. Он выделяет два типа таких суждений: индивидуально-вкусовые (связанные с индивидуальными идиосинкрзиями) и общественно-вкусовые. Подчеркивая важность последних, исследователь определяет для них основной набор требований, к которым относятся: массовидность; логическая форма суждений действительности; логическая форма суждения отношений; соотнесенность с социально релевантным «суждением идеала»; отнесенность к сравнительно ограниченной области достижений или недостаткам речевой деятельности [Богин, 1984, с. 6]. Думается, что наибольшую исследовательскую значимость представляет собой выделение последовательности ряда уровней языковой личности, к которым Г. И. Богин относит правильность, интериоризацию, насыщенность, адекватность выбора и синтеза, а также формирование исходной модели языковой личности.

Одним из основных теоретических постулатов Г. И. Богина становится мысль о непрекращающейся динамике языковой личности. Саму идею развития он не связывал с возрастным или профессиональным факторами. По его мнению, развитие происходит

закономерным образом от одного уровня готовности действовать в речевом отношении к другому. С идеей развития языковой личности Г. И. Богин связывает мысль о том, что формирование языковой личности складывается из противоречий: «...способ формирования языковой личности так же противоречив, как и способ ее существования. Источник противоречий – в факте развития языковой личности» [Богин, 1984, с. 28].

Основателем и руководителем другой научной школы, разрабатывающей проблемы социолингвистики и лингвокультурологии и в частности исследующей вопросы теории языковой личности, является В. И. Карасик. Его коллегами и соратниками в разработке теории языковой личности выступали С. Г. Воркачев, М. Л. Макаров, В. М. Савицкий. В монографии В. И. Карасика «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» (2002) *языковая личность* рассматривается в качестве хранителя и носителя культуры народа. В. И. Карасик замечал потребность определения типов языковой личности, основным аспектом для которых будет понимание и приятие своей социокультурной, этнокультурной или индивидуально-культурной идентичности. Такая позиция подтверждает близость его точки зрения к исследовательской позиции Л. Вайсгербера. Языковую личность В. И. Карасик характеризует в качестве носителя языкового сознания и определяет как «человека, существующего в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик, 2002, с. 24]. Кроме того, он классифицирует различные основания для построения типологии языковых личностей с позиции этнокультурной лингвистики, психолингвистики, социокультурной лингвистики. В. И. Карасик выделяет признаки «модельной личности», под которой подразумевается типичный член определенного этноса или социума, имеющий специфичные отличительные речевые и невербальные черты, а также обладающий определенной системой ценностей [Карасик, 2002, с. 25]. По его мнению, под модельной личностью подразумевается определенный стереотип поведения, оказывающий влияние на культуру, а для других этнокультур являющийся определенным символом данной культуры. Небезосновательно в качестве особо заметных модельных личностей современной России он выделяет *нового русского, брата, телеведущего (телевизионного ведущего)* и констатирует факт открытости набора социальных типов.

Несмотря на то, что большинство лингвистов по-разному формулируют определение термина «*языковая личность*», определение, объединяющее большинство подходов, зафиксировано в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» под редакцией М. Н. Кожинной: «Языковая личность – носитель того или

иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов: а) как индивидуум и автор этих текстов со своим характером, интересами, социально-психологическими предпочтениями и установками; б) как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупный или усредненный носитель данного языка; в) как представитель вида *homo sapiens* (человек разумный), неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [СЭСРЯ, 2003, с. 106].

Необходимо отметить, что на сегодняшнем этапе развития науки о языке вопрос функционирования языковой личности охватывает большинство основных направлений лингвистических фундаментальных и фундаментально-прикладных дисциплин, к которым можно отнести лингводидактику, лексикографию, психолингвистику, лингвокультурологию, этнокультурологию, литературоведение, когнитивную лингвистику. Интересен тот факт, что, к примеру, в научной парадигме *лингводидактики* разрабатывается гипотеза, включающая в себя помимо языковой личности личность речевую и коммуникативную. В *лексикографии* в центре внимания исследований находится попытка создания словарей, основанных на идее антропоцентрического лексикографирования (см., напр.: [ТСРЯ, 2000, ТССРЯ, 2001, Скляревская, Ткачева, 2004, и др.]). В *психолингвистике* внимание исследователей концентрируется в сфере изучения речевой деятельности, в первую очередь – механизмов порождения и восприятия речи [Юдина, 2010, с. 174].

Среди лингвистических направлений, определяющих языковую личность в качестве своего исследовательского приоритета, можно отметить следующие: *психолингвистическое* (И. Н. Горелов, А. Б. Добрович, А. А. Залевская, А. Н. Леонтьев, М. В. Ляпон, С. А. Сухих, К. Ф. Седов, А. М. Шахнарович), *историко-лингвистическое* (Д. В. Аникин, Н. С. Бондарчук, Н. И. Гайнуллина, Е. Н. Иванова, Р. Д. Кузнецова, Н. В. Позднякова, С. А. Шилина), *лингводидактическое* (Г. И. Богин, Н. Д. Голев, Ю. Н. Караулов, Л. П. Клобукова, Т. А. Трипольская), *лингвокультурологическое* (Е. В. Барсукова, И. П. Василюк, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, М. А. Кормилицына, В. А. Маслова, А. Б. Недосугова, В. И. Тхорик), *коммуникативно-деятельностное* (З. В. Баишева, О. В. Попова), *этнолингвистическое* (Е. Л. Березович, Д. П. Гулик, Т. А. Сироткина, Е. С. Шойсоронова), *социолингвистическое* (С. К. Башиева, Л. А. Будаева, З. Р. Дохова, Т. И. Ерофеева, О. Б. Сиротина, М. Ч. Шогенова), *лингвокогнитивное* (А. П. Бабушкин, И. С. Прокудина), *лингвориторическое* (И. В. Анистратенко, А. А. Ворожбитова, Н. В. Сальникова).

Отдельной интегральной наукой о личности в целом является *лингвоперсонология*. О необходимости становления

лингвоперсонологии писал еще Н. С. Трубецкой, который считал, что личность является предметом философского исследования и должна изучаться в контексте ее отношения к миру, к другим личностям, а также с точки зрения ее эмпирического проявления. В качестве особой науки, изучающей личность, он выделял персонологию [Трубецкой, 1995, с. 106-107].

В. П. Нерознак, продолжая мысль Н. С. Трубецкого, развивает теорию языковой личности [Нерознак, 1996, с. 112]. По мнению некоторых исследователей, именно в рамках лингвоперсонологии происходит «выявление индивидуальной, коллективной или национальной языковой личности, вариантов реализации языковой способности носителей языка и конкретных и обобщающих характерных признаков представителей каждого типа, а также типизируемости данных различий и как следствие инвариантных свойств русской языковой личности» [Мельник, 2011, с. 200].

В завершение первого раздела настоящей главы кажется немаловажным наметить исследовательские перспективы и актуальные тенденции развития теории языковой личности, отраженные в современных отечественных публикациях.

I. Одно из самых популярных исследовательских направлений теории языковой личности продолжается в русле *этнолингвистики* и *лингвокультурологии* и затрагивает в основном следующие аспекты:

1) изучение феномена русской языковой личности как фундаментального способа отражения национального сознания (см. исследования Н. А. Максимчук [Максимчук, 2002], Л. И. Плотниковой [Плотникова, 2004], В. И. Тхорик [Тхорик, 2000], Л. А. Шестак [Шестак, 2003] и др.);

2) изучение феномена русской языковой личности в сравнительно-сопоставительном описании относительно других культур и языков в синхронном и диахронном аспекте (см. исследования: Ле Дык Тху [Ле Дык Тху, 2003], Т. Ю. Ма [Ма, 2012], А. П. Седых [Седых, 2005], М. И. Солнышкиной [Солнышкина, 2005] и др.);

3) изучение феномена русской языковой личности с точки зрения диалектологических особенностей (см., например, исследования Е. В. Иванцовой [Иванцова, 2002], В. Д. Лютиковой [Лютикова, 2000] и др.).

II. Не менее актуальное исследовательское направление, находящееся на периферии таких областей гуманитарного знания, как психология, педагогика и лингвистика, реализуется в рамках *лингвопедагогике* и ориентировано на изучение методологии формирования языковой личности. Такие работы условно можно разделить на 3 группы:

- исследования, основывающиеся на характерных особенностях языковой личности, выделяемых на определенном языковом уровне

(лексика, грамматика: морфология, синтаксис и др.) (см. исследования Н. С. Котовой [Котова, 2008], О. В. Шаталовой [Шаталова, 2012]) и др.);

- исследования, посвященные формированию конкретной языковой личности, имеющей специфические языковые характеристики (языковая личность школьника, студента, учителя, педагога, журналиста, переводчика, финансиста) (см. работы А. Б. Бушева [Бушев, 2010], В. А. Григорьевой-Голубевой [Григорьева-Голубева, 2002], М. Н. Пановой [Панова, 2004], С. Д. Пивкина [Пивкин, 2012], Н. В. Юдиной, Е. А. Кузнецовой [Юдина, Кузнецова 2016] и др.);

- исследования, касающиеся описания методологии формирования языковой личности (см. исследования Т. Н. Дорожкиной [Дорожкина, 2006], О. В. Котляровой [Котлярова 2018], Л. П. Халяпиной [Халяпина, 2006] и др.).

III. Еще одно актуальное направление изучения языковой личности базируется в русле *психолингвистики*, а точнее *гендерной лингвистики*, и затрагивает вопросы формирования гендерной языковой личности (более подробно см. работы А. Г. Фомина [Фомин, 2004], З. Р. Хачмафовой [Хачмафова, 2011] и др.).

IV. Небезынтересным кажется формирование языковой личности в рамках *персонологии*. Такие работы посвящены изучению языковой личности конкретных людей (писателей, ученых, политических и публичных деятелей, судебных ораторов и т. д.), чья языковая личность условно может считаться коммуникативным образцом (см., например, исследования М. П. Ахиджаковой [Ахиджакова, 2007], З. В. Баишевой [Баишева, 2007] и др.).

В заключение настоящего раздела заметим, что вопросы изучения языковой личности продолжают интересовать исследователей, работающих в разных областях гуманитарного знания.

1.2. К вопросу об изучении языкового/речевого портрета в современном языкознании

Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности... Кто на каком языке думает – тот к тому народу и принадлежит.

В. И. Даль

Лингвистически обоснованным при изучении языковой личности становится обращение к теории становления *языкового (речевого) портрета*.

В настоящее время можно встретить следующие термины, относящиеся к описанию речевых характеристик современной языковой личности: *языковой портрет*, *речевой портрет*, *социально-речевой портрет* и *социолингвистический портрет*. Так, например, согласно «Словарю социолингвистических терминов» В. Ю. Михальченко, под *социолингвистическим портретом* можно понимать «системное представление о количественных показателях параметров социальных функций языков», которое «позволяет сопоставлять многочисленные показатели при анализе социальных функций языка и создать общую теорию социальных функций языков» [ССТ, 2006, с. 212]. Обсуждаемое описание было разработано Х. Клоссом и Г. МакКоннелом, представителями канадского Международного центра по языковому планированию Университета Лавала.

Важно отметить, что в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой, а также в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой термин «языковой портрет» не зафиксирован, а «речевой портрет» определяется так же, как *речевая характеристика*. Согласно мнению Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, под речевой характеристикой понимается средство художественного изображения персонажей, то есть наличие специфичных слов и выражений, характерных для конкретного героя. Такой эффект достигается использованием различных языковых средств, в том числе синтаксических конструкций и лексики книжной или разговорной речи. Литературный персонаж могут определять часто употребляемые им «словечки» и выражения, характеризующие его с той или иной стороны (общекультурной, социальной, профессиональной и т. п.) [Розенталь, Теленкова, 1976]. Достаточно часто прилагательные *языковой* и *речевой* в контексте сочетаемости с существительным *портрет* используются в качестве синонимичных.

Формирование исследовательского интереса в пространстве русской лингвистики к языковому/речевому портрету можно проследить в работах Б. А. Ларина [Ларин, 1928] и М. В. Панова [Панов, 1990], в зарубежной исследовательской парадигме – в трудах Р. Мак-Дэвида [McDavid, 1951] и Дж. Гамперца [Gumperz, 1961], Л. Левина [Левин, 1998] и Р. Фэйсолда [Fasold, 1972] и др. (в этой связи см. работу Л. М. Крысина [Крысин, 2001]).

Так, к примеру, Б. А. Ларин большое внимание в изучении русского языка уделял области семантики, учитывал малейшие изменения семантического значения лексической единицы и приписывал особую значимость живой разговорной речи. В то же время ему было свойственно пристальное внимание к социальным и эстетическим функциям языка. Труды Б. А. Ларина, фиксирующие теоретические и практические основы изучения языкового/речевого портретирования, очень условно распределяются по двум направлениям. Первое направление формируют работы, посвященные изучению специфических особенностей художественных текстов выдающихся писателей и поэтов: И. Ф. Анненского «О "Кипарисовом Ларце" Ин. Анненского» (1923) [Ларин, 1923]; А. П. Чехова «О словоупотреблении (в языке Чехова)» (1935) [Ларин, 1935]; «"Чайка" Чехова» (1960) [Ларин, 1973]; М. А. Горького «О языке Горького-драматурга» (1936) [Ларин, 1973]; М. А. Шолохова «Слово о Шолохове» (1956) [Ларин, 1973]; «Рассказ Шолохова "Судьба человека" (опыт анализа формы)» (1959) [Ларин, 1959]. Второе направление определяют работы, основанные на диалектологических интересах ученого: «Разговорный язык Московской Руси» (1960) [Ларин, 1960], «Об атласе русского языка и современной диалектологии» (1939) [Ларин, 1939], «О принципах составления атласа славянских языков» [Ларин, 1949] и др. Оба этих направления объединяет поиск языковых особенностей, характеризующих специфику речи определенных личностей или представителей отдельных диалектов. В связи с этим есть мнение о том, что Б. А. Ларина можно в определенном смысле считать основоположником отечественной теории речевого/языкового портретирования.

Следующий шаг в развитии теории языкового/речевого портретирования делает М. В. Панов, в 60-е годы XX века предложивший теорию фонетического портретирования. В фундаментальном исследовании М. В. Панова «История русского литературного произношения XVIII-XX вв.» [Панов, 1990] разворачивается богатейшая картина сменяющих друг друга «произносительных эпох». В указанной книге М. В. Панов ввел жанр *фонетических портретов* (например, Петра I, М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, О. О. Садовской, Е. Т. Турчаниновой, В. Яхонтова, А. Вознесенского). Теперь этот жанр активно развивается в

лингвистической литературе [Панов, 2004, с. 10]. По справедливому замечанию Л. П. Крысина, «хотя эти портреты индивидуальны: описывается манера произношения отдельного, данного человека, – их социальная и общекультурная ценность несомненна, поскольку каждый из портретов отражает особенности речи определенной общественной среды, представителем которой является «портретируемый». Определяя «модель» для создания фонетического портрета, М. В. Панов обосновывает свой выбор именно социальными и социокультурными соображениями: принадлежностью к тому или иному поколению, социальному слою, следованием в речи определенной культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой и т. п.), наличием локальных речевых особенностей» [Крысин, 2001, с. 92].

В дальнейшем идеи речевого/языкового портрета были продолжены Т. Г. Винокур, справедливо заметившей необходимость внедрения в науку о языке «глобального и предопределяющего все остальные соединения "человек и язык"» [Винокур, 1989, с. 361]. Существенными для характеристики речевого облика человека как носителя языка, по ее мнению, являются социоисторический и социокультурный ракурсы. Т. Г. Винокур сделано предположение о том, что речевой облик современного человека состоит из нескольких временных пластов: «Человек на каждом синхронном историческом срезе моложе языка, данного ему во владение. В то же время современный человек владеет и пользуется языком, который сам ежесекундно творит» [Винокур, 1989, с. 362]. В этой связи заслуживает внимания ее утверждение о том, что связь отдельных социальных процессов и речевой деятельности является опосредованной, так как язык находится в постоянном развитии. Поэтому «речевой портрет современного человека – это одновременно портрет и благодарного пользователя-преемника, и смелого новатора-творца» [Винокур, 1989, с. 364]. Не менее важным является замечание о том, что в отличие от предшествующих эпох в центре коллективного портрета находится человек, владеющий литературным языком, однако по причине того, что «культура речевого поведения не внедряется в сознание нашего общества должным образом, характерной чертой речевого портрета современного человека в целом является *контраст*» [Винокур, 1989, с. 369]. Винокур в качестве теоретической и практической задач лингвистики видела преодоление разрыва между объективными закономерностями языкового развития и следствием разной адаптации к ним общества.

На рубеже XX – XXI веков активное изучение речевого портрета стимулируется развитием теории языковой личности (подробнее см. работы: Т. И. Ерофеевой [Ерофеева, 1991, 1992, 1979], Е. А. Земской

[Земская, 1995, 1999], М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой [Китайгородская, Розанова, 1995], В. Д. Черняк [Черняк, 1994] и др.).

На современном этапе развития науки о языке можно выделить следующие основные подходы к теории языкового/речевого портретирования: *литературоведческий, диалектологический, лингвопедагогический, лингвоперсонологический, этнолингвистический, гендернолингвистический.*

Литературоведческий подход заключается в изучении литературных произведений и создании автором речевого/языкового портрета литературного героя (см., к примеру, исследования А. Е. Белоусовой [Белоусова, 2010]; Д. Р. Ибрагимовой [Ибрагимова, 2014]; Т. Н. Колокольцевой [Колокольцева, 2015]; О. Б. Хотяновой [Хотянова, 2015] и др.).

В рамках *диалектологического* подхода продолжают исследоваться речевые/языковые портреты, формируемые в соответствии с диалектологическими особенностями носителей разнообразных говоров (см. работы Б. Л. Бойко [Бойко, 2008], Е. В. Терентьевой [Терентьева, 2012] и др.). В этой связи особое внимание уделяется оппозиции «деревня – город» (см., например, исследование М. В. Власовой [Власова, 2009]), а также особенностям культурных, религиозных, духовных характеристик, определяющих специфику речевого/языкового портретирования носителей определенных диалектов (см. работы Н. Г. Архиповой [Архипова, 2005, 2006, 2007, 2009] и др.).

Лингвопедагогика использует практику речевого портретирования в целях диагностических исследований. Особенно актуальными становятся работы, посвященные детскому и подростковому развитию в контексте реализации речевых и языковых особенностей детей и подростков (см. исследования В. А. Козырева, В. Д. Черняк [Козырев, Черняк, 2007], М. С. Овсейцевой [Овсейцева, 2015], Э. Ю. Поповой [Попова, 2006], В. В. Стаценко [Стаценко, 2008] и др.). По-прежнему актуальное направление лингвопедагогики определяют работы, посвященные составлению речевого/языкового портрета учителя, педагога, преподавателя (в этой связи см., например, работы С. А. Керенской [Керенская, 2010], В. А. Козырева, В. Д. Черняк [Козырев, Черняк, 2010] и др.).

На периферии лингвопедагогики, лингвопсихологии и этнолингвистики располагаются исследования специфических особенностей речевых/языковых портретов иностранных студентов, к примеру, таджиков, африканцев и др. Указанные исследования, обуславливающиеся в Российской Федерации не только собственно лингвистической, но и социально-политической и философской значимостью, направлены на устранение негативных национальных

стереотипов и формирование положительного образа так называемой «другой» лингвокультуры.

В парадигме *этнолингвистических* исследований находятся исследования, посвященные речевому/языковому портретированию эмигрантов, русскоязычной и нерусскоязычной диаспор, соотечественников, проживающих за границей (см. исследования Е. А. Оглезневой [Оглезнева, 2005], а также Д. Б. Сундуевой [Сундуева, 2011] и др.).

В рамках *лингвоперсонологии* уделяется серьезное внимание речевому/языковому портрету личности в целом (см. работы Е. А. Бабушкиной [Бабушкина, 2012], Н. А. Нестеркиной [Нестеркина, 2016], И. В. Пономаренко [Пономаренко, 2007]), а также лингвокультурному типу, медийному персонажу, публичному и политическому деятелю, ньюсмейкеру, блогеру, интернет-пользователю, онлайн-личности (см. исследования Е. В. Ардатовой [Ардатова, 2015], З. М. Габоевой [Габоева, 2011] И. А. Мурзиновой [Мурзинова, 2009] и др.).

Кроме того, кажутся перспективными исследования в ракурсе гендерной лингвистики, посвященные особенностям формирования речевого/языкового портрета мужчин или женщин (см. работы В. М. Войченко [Войченко, 2012], И. В. Голубевой [Голубева, 2012], О. В. Комковой [Комкова, 2011] и др.).

Большинство исследователей, разрабатывая теорию речевого/языкового портретирования, обращаются к понятию *когнитивного стиля*, который изначально использовался для описания «устойчивых индивидуальных способов приёма, хранения, переработки и передачи информации, а также личностных характеристик, которые оказывают влияние на протекание различных познавательных процессов» [Юдина, Кузнецова, 2016, с. 11].

В лингвистической литературе понятие *когнитивного стиля* встречается в двух основных значениях – широком и узком: 1) как определенная позиция в решении проблемы, констатирующая поведение конкретного человека в ряде ситуаций, демонстрирующая его интеллектуальный уровень [Демьянков, 1994, с. 27]; 2) как «стиль подачи и предоставления информации, особенностей ее расположения и структуризации в тексте/дискурсе, связанный со специфическим отбором когнитивных операций или их предпочтительным использованием в процессах построения и интерпретации текстов разных типов, а также как стиль репрезентирования, связанный с типами личности» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1996, с. 80], а также 3) как «способ или стиль мышления или оценки» (подробнее см. исследования Н. В. Юдиной [Юдина, 2010, с. 197]). «Если рассуждать, опираясь на то мнение, что человеческая речь во многом обусловлена спецификой его поведения в различных

коммуникативных ситуациях и содержательных сферах и в значительной степени определяется уровнем интеллектуального развития индивида и сформированностью его речевых компетенций, то, таким образом, есть основания утверждать, что существует некая взаимосвязь между когнитивным стилем, который является одним из стилевых образований личности, и её языковой способностью» [Юдина, 2010, с. 166].

Безусловно, понятие *языкового/речевого портрета* тесным образом связано не только с дефиницией *когнитивный стиль*, но и с теорией *языковой личности*. Согласно мнению ряда исследователей, к основным характеристикам языковой личности, отражающимся в речевом портрете, могут быть отнесены возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические характеристики (подробнее см., напр.: [Тарасенко, 2007, с. 26]).

Понятие *языкового/речевого портрета* по отношению к языковой личности в современной лингвистической литературе определяется по-разному:

1) как «жанр описания языковой личности, алгоритм систематизации речевого материала говорящего, создания языкового облика личности» [Постникова, 2014, с. 187-190];

2) как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [Тарасенко, 2007, с. 26];

3) как «составляющая облика говорящего в формировании целостного образа личности» [Осетрова, 1999, с. 59];

4) как «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [Матвеева, 1993, с. 14].

Важно отметить, что языковой/речевой портрет демонстрирует совокупность специфических черт языковой личности во всей многоаспектности речевых предпочтений, а также относится к одному из типов ее описания. Изучаемые термины *языковая личность* и *языковой/речевой портрет* обуславливают друг друга и тесно взаимосвязаны.

В настоящей работе за основу берется термин *языковой портрет*, под которым понимается совокупность языковых и речевых характеристик индивида, оказывающих влияние на формирование целостного образа языковой личности.

1.3. Языковая личность государственного служащего как объект лингвистического описания

Всё должно творить в этой России
и в этом русском языке.

А. С. Пушкин

Исследование языковой личности государственного служащего лежит в русле истории изучения административного и политического дискурса, описания языковой личности отдельных политических лидеров, а также анализа языка представителей властных структур. Несмотря на то, что государственная служба и политика в парадигме профессиональной деятельности не должны пересекаться, лингвистические исследования подтверждают близость этих сфер в языковом плане.

Если затрагивать историю развития теории политического дискурса, то начинать необходимо с античной традиции ораторского искусства, мастерства красноречия и риторики. Изучение особенностей мастерства публичного выступления, методы влияния оратора на публику, вопросы аргументации и доказательности речи, взаимодействия выступающего с публикой, индивидуального речевого поведения и многое другое сохраняют исследовательскую актуальность и в XXI веке.

Общеизвестно, что изучением политического и административного дискурса с целью эффективной деловой коммуникации занимались исследователи различных направлений гуманитарного знания. В этой связи интересна классификация исследовательских направлений, представленная А. Б. Бушевым, выделяющим: 1) *политическую концептологию*, основной задачей которой является исследование динамики и семантики политических концептов «свобода», «воля», «равенство», «демократия», а также «сравнительное изучение этих понятий в рамках различных политических культур»; 2) *политическую коммуникативистику*, изучающую непосредственно феномен политической коммуникации; 3) *журналистику* как прикладную политологию (см., например, работы И. М. Дзялошинского [Дзялошинский, 1996], С. Г. Корконосенко [Корконосенко, 2000], В. Т. Третьякова [Третьяков, 2004]); 4) *политическую лингвистику*, включающую в себя *политоническую метафорологию*, *лингвистическую советологию* (см., к примеру, работы А. Н. Баранова, О. В. Михайловой, Г. А. Сатарова, Е. А. Шиповой [Баранов, Махайлова, Сатаров, Шипова, 2004], Э. В. Будаева, А. П. Чудинова [Будаев, Чудинов, 2006], А. П. Чудинова [Чудинов 2006]), а также *политическую персонологию* и *психополитику*, отмечающие важность разработки методологии суждения о личности

политика посредством анализа его текстов; 5) *концепцию языковой личности* как выражение вербального опыта политика [Бушев, 2014, с. 43].

О необходимости изучения коммуникативных возможностей государственного управления написано большое количество работ, отражающих различные аспекты гуманитарного научного и практического знания. В этой связи, на наш взгляд, изучение языковой личности современного государственного или муниципального служащего как представителя властных структур, носителя административного социолекта и как обладателя языковых черт современного поколения представляет наибольший интерес. Вполне очевидно, что изучение языкового портрета государственного служащего не описывается на периферии многих гуманитарных наук.

Так, в рамках *лингвопедагогики* изучение языковой личности государственного служащего имеет большую значимость для исследования компетентностных возможностей и кадрового потенциала представителей системы государственного и муниципального управления (см., например, работы Б. В. Кайгородова, О.В. Котляровой [Котлярова, 2018]; А. И. Корниловой [Кайгородов, Корнилова, 2012], Е. Н. Копыловой [Копылова, 2014], Е. А. Феофилактовой [Феофилактова, 2012] и др.). Важным аспектом изучения кадровой политики являются исследования в области эффективного дополнительного профессионального образования и самообразования государственных и муниципальных служащих, включающие инструментарий оценивания их профессиональной деятельности (см. исследования Н. С. Калашник [Калашник, 2013], Т. Н. Клочковой [Клочкова, 2011], О. В. Кузнецова [Кузнецов, 2009]). В последнее время обращается внимание на гуманитаризацию дополнительного образования государственных и муниципальных служащих. Так, по мнению некоторых исследователей, «лингвистическая подготовка может служить существенным фактором как гуманитаризации, так и профессионализации образования специалиста в области управления. Гуманитарная и гуманистическая сущность лингвообразования заключается в его личностноформирующем потенциале» [Уварова, 1999, с. 12].

В этой связи в качестве показателей динамики личности современного госслужащего некоторые исследователи выделяют такие особенности, как «гуманистичность мировоззрения, духовность, способность к сознательному личностному и культурному росту, возможность преобразования основных усвоенных элементов духовной культуры в жизненно важные сферы бытия, рост социокультурных потребностей, творческий уровень самосознания, расширение спектра возможностей самореализации» [Карпова, 2001, с. 11]. В качестве одной из основных «профессионально-релевантных

характеристик государственного служащего выделяется коммуникативная грамотность» [Уварова, 1999, с. 12].

Кроме того, *лингвопедагогика* при формировании языкового портрета государственного служащего рассматривает процесс применения педагогических средств в качестве метода формирования культуры речи и делового общения [Давыдова, 2003, с. 5].

В области *лингвopsихологии* личность – в принципе и личность государственного служащего – в частности «формируется через призму речевых стереотипов, наиболее распространенных в сегодняшней России» [Дьякова, 1996, с. 4]. По мнению современных исследователей, личность государственного или муниципального служащего стереотипна и вербализуется в разговорной речи носителя русского языка лексемами *чиновник, чинуша, чинушка, чиновничика, чинуха, важное лицо, официальное лицо, административный сотрудник, маленький человек, большой человек*. Представленные стереотипы обладают выраженным оценочным, чаще всего пейоративным компонентом и характеризуют личность, злоупотребляющую властью и положением. Языковая личность госслужащего формируется через речевые стереотипы и связана в основном с отрицательными качествами.

В области *лингвopsихологии* так же, как и в рамках лингвопедагогических исследований, в качестве приоритетного фактора, формирующего языковую личность, выступает коммуникативная компетентность представителей органов власти (см. работы Г. М. Бирюковой, Ю. К. Лебединовой [Бирюкова, Лебединова, 2010], С. В. Рудаковой [Рудакова, 2003], А. Е. Улуновой [Улунова, 2013] и др.). В лингвopsихологическую структуру коммуникативной компетентности традиционно включаются «когнитивный, регулятивный, рефлексивно-статусный и нормативный компоненты» [Юсупов, 2002, с. 8].

Акмеологическое направление лингвистических исследований определяет речевые характеристики государственных и муниципальных служащих с точки зрения цельности личности; на первый план выходят понятия психологической устойчивости представителей власти, предрасположенности к эмоциональному выгоранию, психологические факторы личностного развития (ср. работы В. Г. Белова, Ю. А. Парфенова [Белов, Парфенов, 2011], О. И. Суховеевой [Суховеева, 2011], А. В. Менумерова, А. А. Гребневой, С. Е. Мишуточкина [Менумеров, Гребнева, Мишуточкин, 2011], М. А. Гордеевой [Гордеева, 2014], М. Н. Дарижаповой [Дарижапова, 2015] и др.). Акмеологическая культура государственных служащих в образовательном пространстве представляет собой единство содержательного, социально-психологического, методического и дидактического компонентов [Селезнева, 2005].

Современные философские исследования анализируют нравственно-этические основы языковой личности современного чиновника (см., например, исследования Ю. В. Назарова [Назаров, 2006], а также А. В. Поладько [Поладько, 2011]). В русле *лингвофилософии* в качестве основной характеристики языковой личности государственного служащего рассматривается динамика регионального сознания. В связи с этим А. А. Смирнов, например, выделяет два уровня развития регионального сознания госслужащего: «*смысловое* региональное сознание, которому соответствует *естественный, докультурный* уровень его развития, и *критериально обеспеченное сознание*, которое характеризуется тем, что его носители оперируют с содержанием сознания на базе *интеллектуальных и ценностных* критериев» [Смирнов, 2000, с. 8].

Социологическая мысль XXI века анонсирует языковую личность как результат процесса социализации, подразумевающего «социально-профессиональную адаптацию, а также процесс идентификации личности государственного служащего в условиях современной России» (см. работы Н. Е. Дмитриевой [Дмитриева, 2003], Е. А. Мамлиной [Мамлина, 2004], А. Н. Хасановой [Хасанова, 2006]). Социологические исследования включают вопросы конструирования духовно-нравственной основы профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих (см. исследования Д. А. Михеева [Михеев, 2004], Н. В. Осиповой [Осипова, 2004], М. В. Павленко [Павленко, 2005], Д. Н. Платыгина [Платыгин, 2005]). Анализ специфики административной коммуникации демонстрирует статусно-ролевые, этические и моральные характеристики языковой личности государственного служащего, а также сформированность негативного или позитивного образа представителя власти (см. работы Н. И. Голивкиной [Голивкина, 2003], Н. В. Дильман [Дильман, 2004], А. В. Пименова [Пименов, 2004]).

В качестве основной задачи социолингвистики выступает конструирование поведенческой модели государственных и муниципальных служащих, основанной на межличностном, внутриведомственном и межструктурном взаимодействии. Так, Э. В. Шевченко определяет, что только при соблюдении правового и общественного взаимодействия «возможно добиться положительных результатов воздействия на отдельного индивида» [Шевченко, 2004, с. 9].

В рамках лингвистических исследований интерес к изучению языковой личности государственного служащего, а также речевых особенностей представителей власти и языка управления проявляется достаточно давно.

Основой формирования теории языковой личности государственного служащего послужили исследования речевых портретов политических деятелей, императоров, правителей,

продолжающие оставаться актуальными и в настоящее время (см., например, работы В. Н. Базылева [Базылев, 2017]; Б. А. Успенского [Успенский, 1996]).

В истории речевого портретирования уже составлены речевые/языковые портреты лидеров политических партий и депутатов (см. работы О. И. Асташовой [Асташова, 2011], С. А. Ереминой, А. Н. Потысьевой [Еремина, Потысьева, 2005]), а также российских президентов: В. В. Путина (см. исследования А. С. Альшевой [Альшева, 2012]) и Б. Н. Ельцина (см. исследования М. В. Гавриловой [Гаврилова, 2012]).

Анализ языка представителей властных структур в послереволюционной России описан в работах Г. О. Винокура [Винокур, 1996], а также С. О. Карцевского [Карцевский, 1923]. Кроме того, указанные лингвисты уделяли внимание изучению особенностей языка послереволюционной эпохи и его носителей.

В последующие годы проявился лингвистический интерес к партийной советской языковой среде. По справедливому замечанию М. Н. Пановой, «специфика языка чиновников состоит в том, что, являясь объектом критики во все времена, он оказывает влияние на язык СМИ, активно тиражирующих его, и, следовательно, во многом дух эпохи, языковую моду и вкус, становится *языком времени*» [Панова, 2004, с. 8].

Пик изучения языка «тоталитарной эпохи» пришелся на 90-е годы XX века. Исследования такого рода были направлены на изучение политического дискурса советской власти и языковых особенностей постсоветского периода (подробнее см.: [Русский язык и современность, 1991], [Русский язык конца XX столетия, 1985-1995], [Русский язык сегодня, 2000]). По справедливому замечанию М. Н. Пановой, советские, а точнее партийные языковые особенности «были "зеркалом" организационно-идеологической деятельности партии, управленческого стиля руководства, индивидуальных особенностей авторитетных руководителей высшего звена в госаппарате» [Панова, 2004, с. 3].

Многие лингвисты отмечали необходимость изучения языковой картины мира и непосредственно речи чиновников и государственных деятелей, считая их профессиональную речь «формой существования языка, включающей единицы разных уровней и функциональных разновидностей речи (специальные термины, элементы разговорной речи, официально-делового и научного стилей и административно-политического социолекта) и реализующейся в определенных типах и жанрах институционального общения» [Пономаренко, 2014, с. 252].

Подчеркнутую значимость имеет системность лингвистических исследований языковой личности государственного служащего, проведенных М. Н. Пановой. Целью ее научных изысканий является

конструктивный анализ структуры языковой личности и особенностей ее функционирования в профессиональной сфере. Исследовательская парадигма М. Н. Пановой раскрывает описание «устной вербальной институциональной коммуникации на государственной службе; выявление специфики речевой коммуникации государственных служащих в сфере их профессионального взаимодействия; рассмотрение языковой личности чиновника и его речевого портрета, представленные в художественной литературе; представление классификации ошибок и профессиональных отклонений в речевом поведении госслужащего; разработку типологии языковых личностей чиновника на основе культурно-речевых критериев; определение лингвометодических и организационных механизмов формирования языковой личности государственного служащего с целью повышения эффективности обучения госслужащих культуре речи как составляющей их профессиональной компетентности» [Панова, 2004, с. 6].

Все последующие работы, посвященные изучению языковой личности государственного служащего, так или иначе базируются на научных изысканиях М. Н. Пановой, отраженных в работе «Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования» (2004), и продолжают ее научно-практические перспективы.

Все чаще исследователей интересуют региональные особенности языковой личности государственного служащего. К примеру, с целью изучения функциональности языковой нормы в административном социолекте И. Н. Бородчуком проведено исследование, касающееся региональных особенностей понимания и принятия языковой нормы в профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих Ростовской области. В качестве вывода утверждается мысль о «недостаточной оценке важности основной характеристики литературного языка – нормативности и неполном осознании своей деятельности как имеющей отношение к зоне повышенной речевой ответственности» [Пономаренко, 2014, с. 251].

В связи с вышесказанным можно предположить, что исследование языковой личности государственного служащего является научно перспективным. В качестве наиболее актуальных вопросов выделим описание специфических региональных характеристик языковой личности служащего, особенности формирования и динамики языковой личности, а также проблему устранения причин псевдинамики и деградации языковой личности современного государственного служащего и др.

Особый интерес, на наш взгляд, могут представлять исследования профессионального языка государственных служащих в современной дискурсивной практике, базирующиеся на изучении профессионального языкового сознания и особенностей его

функционирования. Теоретико-методологической основой этого направления становятся работы М. М. Бахтина, Л. М. Веккера, В. В. Виноградова, Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, В. М. Жирмунского, В. П. Зинченко, Ю. Н. Караулова, Е. А. Климова, А. А. Леонтьева, А. Н. Леонтьева, М. К. Мамардашвили, С. Л. Рубинштейна, Е. Ф. Тарасова, А. Д. Швейцера и др.

Изучение формирования и динамики языковой личности современного госслужащего подразумевает постоянное исследование сферы профессионального общения представителей властных структур, так как «формирование профессионального языкового сознания происходит в процессе профессиональной деятельности и в профессиональном общении путём усвоения специального языка и операций профессиональной деятельности» [Мыскин, 2015, с. 4]. В этой связи появляется новый объект, представляющий исследовательский интерес в разработке теории языковой личности государственного служащего, обозначенный, например, в работе С. В. Мыскина «Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования», где под *языковой профессиональной личностью* понимается «совокупность языковых компетенций, обуславливающих восприятие и производство профессиональных дискурсов в различных профессиональных коммуникативных ситуациях, возникающих при взаимодействии специалистов разного профиля» [Мыскин, 2015, с. 5].

В заключение первой главы позволим себе предположить, что многоаспектность речевых характеристик, формирующих языковую личность государственного служащего, констатирует некоторые недостатки, связанные с коммуникативной компетентностью представителей административного дискурса. Исследователи указывают на то, что существует острая необходимость реформирования языка государственной службы по направлению к элитарному типу речевой культуры (в соответствии с типологией О. Б. Сиротининой, выделяющей следующие типы речевой культуры: жаргонизирующий, элитарный, фамильярно-разговорный, литературно-разговорный и среднелитературный [Сиротинина, 2001]). В связи с этим вопрос о динамичности и лабильности языковой личности служащего остается открытым и актуальным, а языковая личность государственного служащего требует дальнейшего изучения с привлечением новейшего языкового материала, в том числе и на региональном уровне.

Глава 2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ КАК ОСНОВА КОНСТРУИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

2.1. Государственная языковая политика России: диахронный аспект

Бессмертие народа – в его языке.

Ч. Айтматов

Языковая политика является основным фактором, регламентирующим языковую ситуацию и этнополитические конфликты, в связи с чем не вызывает сомнения факт актуальности изучения ее формирования, становления и динамики. В связи с вышесказанным и по причине роста значимости языковой государственной политики как части национальной политики она становится более контролируемой со стороны государства при помощи языкового законодательства.

Можно предположить, что в качестве официального сегмента государственной политики языковая государственная политика в России начинает реализовываться с XVIII века. Среди основных причин ее формирования и изучения можно назвать следующие: 1) необходимость регламентировать со стороны государства языковое развитие и функционирование; 2) постановку вопроса об официальном статусе языка; 3) изучение положения различных субъектов языка. Все перечисленные аспекты затрагивают непосредственно сферу государственной политики, «входят в предметное поле современной политической науки, представляя собой не искусственно или случайно возникший в его границах сегмент, а вполне определенный сектор, всестороннее исследование которого представляет большой теоретический и практический интерес» [Костюк, 2011, с. 5].

Языковая политика – явление многоаспектное, динамичное, отображающее историю и современное состояние. Исследователи в области социолингвистики предполагают, что «языковая политика при всей своей значимости не является чем-то самоочевидным, чем-то доступным для односложных решений в силу ее многоаспектности» [Родионова, 2008, с. 27-28].

Становление и развитие языковой политики в России тесно связано с историей русского народа и русского языка, которые определяются многообразием интралингвистических и

экстралингвистических факторов, влияющих на развитие национальной индивидуальности. «Язык восточного славянства уже на заре своей исторической жизни выступает как носитель и объединитель сложных и разнообразных культурных традиций» [Виноградов, 1980, с. 14].

Можно предположить, что в функциональном отношении одной из первых задач языковой политики, пока ничем не регламентированной, являлось объединение русского народа на русской земле. После осуществления в XI веке единой державы киевской династии появилась идея единства русской земли и русского языка. «Культурное единение восточнославянских земель, вовлеченных в "империю Рюриковичей", укрепило их языковые связи и определило надолго общность их языковой жизни» [Виноградов, 1980, с. 17].

Первые памятники письменности XI в., отражающие юридические нормы, обычное право, государственное делопроизводство, в том числе язык «Русской Правды», формируют основы официально-делового стиля и письменной деловой речи.

В XVI в. происходит нормализация московского языка в грамматическом аспекте, что обеспечивает функционирование юридических актов и договоров, корреспонденции московского правительства и интеллигенции. Элементы этого языка подготавливали «создание общенационального литературного русского языка» [Виноградов, 1980, с. 44].

В XVII в. намечается формирование общенациональной русской нормы. Впоследствии посредством взаимодействия живой народной речи, государственного письменного языка, диалектов и старославянского языка формируется русский язык XVIII века, в котором отражалась национальная культура новой России.

Вполне очевидно, что целенаправленная языковая политика, осмысленно ориентированная на развитие русского общества, начала реализовываться в России в XVIII веке, при правлении Петра I, который в качестве приоритета государственной политики видел взаимодействие России с другими государствами. В этой связи языковая политика становится одним из существенных аспектов государственной политики, определяющей комплекс мероприятий нормативной регламентации государством языковых процессов в масштабах страны. Так, к примеру, в распоряжении Петра Синоду зафиксировано стремление повысить уровень городской речевой культуры: «написать ...на двое: поселянам простяе, а в городах покрасивее для сладости слышащих» [Виноградов, 1980, с. 35].

Языковая политика как приоритет развития государственной политики продолжает развиваться во время правления Екатерины II,

свидетельством чего служит расцвет культурного, прежде всего литературного потенциала российского общества, а также появление академических изданий, направленных на формирование и фиксацию нормативного аспекта русского языка. Так, к примеру, за шесть лет был создан «Словарь Академии Российской». Среди политических и научных деятелей XVIII – XIX веков, наиболее серьезно повлиявших на формирование русского литературного языка, необходимо назвать М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, А. Н. Радищева, В. Г. Белинского, А. С. Шишкова, В. К. Кюхельбекера, А. С. Грибоедова, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. В. Лермонтова, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, М. Горького, Л. Н. Толстого, В. И. Даля и многих других.

Важно отметить изменения системы русского языка XVIII – XIX веков, заключавшиеся в реформации системы языка и определявшиеся такими лингвистическими процессами, как активное заимствование из голландского, немецкого, английского языков; расширение лексического состава языка; разъединение языка представителей элиты и власти с языком народа; развитие двуязычия и как следствие плохое владение русским языком представителей элитарных сословий российского общества и т. д.

По мнению большинства исследователей, переломным моментом в отношении языковой политики на рубеже XIX – XX веков стали исторические события, определившие ситуацию в предвоенной и предреволюционной России (в этой связи см., например, работы Е. Н. Калининой [Калинина, 2007], М. Е. Костюка [Костюк, 2011]).

В начале XX века смена власти и идеологии обозначила отказ от стратегии языковой политики царской России. Деформировалось ценностное отношение к языку в целом. С 30-х гг. XX века были приостановлены исследования языковой политики. Так, например, Н. Ф. Яковлев подтверждает факт отсутствия на советском пространстве исследований «социальной дифференциации языка советской эпохи» (см. его работы «Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории)» (1928) [Яковлев, 1928], «За латинизацию русского алфавита» (1930) [Яковлев, 1930], «О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов» (1936) [Яковлев, 1936]). Следствием потери интереса к языковой политике стала активизация исследовательского интереса западных лингвистов (подробнее об этом

см., например, в работах В. К. Никольского, Н. Ф. Яковлева [Никольский, Яковлев, 1949]).

Согласно мнению В. М. Алпатова, в первой трети XX века, описывая языковую ситуацию, специалисты выделяют две противоположные тенденции, положенные в основу языковой политики советского времени: 1) негативное отношение к процессу русификации и одновременная поддержка всех языков советского пространства; 2) деактивация функционирования языков малых народов на территории Советского Союза.

Следствием развития первой тенденции становится процесс «языкового строительства», который подразумевает прежде всего работу по созданию алфавитов и норм, а также конструирование письменности многочисленных языков (подробнее см. [Алпатов, 2015]). Другие исследования того времени были посвящены массовым социолингвистическим обследованиям. Возможность безбарьерного использования гражданами своего родного языка выступала в качестве приоритета исследовательской деятельности. Возникающие в связи с этим сложности касались непосредственно недостаточного развития определенных языков, их устной или письменной формы или несоответствия их письменной формы «новой» языковой политике. Так, например, не приветствовалось арабское письмо.

В этой связи небезынтересна дифференциация исследовательских направлений языковой политики, представленная в монографии В. М. Алпатова «Сто пятьдесят языков и политика. 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства» [Алпатов, 2000]. Так, В. М. Алпатов предлагает выделять: 1) исследования, акцентирующие внимание на процессе русификации и имеющие к нему ярко выраженное пейоративное отношение (труды Laurai (1951); Onisiein (1959), Goodman (1968); Humplirly (1989), а также часть статей, опубликованных в коллективных трудах Language Planning (1989); Sociolinguistic (1985)); 2) исследования, посвященные идее «языкового геноцида» или «очередного мифа о единой и неизменной национальной политике большевиков за 74 года и необходимости все начинать заново» [Алпатов, 2000, с. 8-9].

Вторая тенденция национально-языковой политики, отмеченная исследователями с конца 1930-х годов, заключается в резком снижении интереса к национальным языкам как со стороны их непосредственных носителей, так и со стороны соседствующего с ними иноэтнического и иноязычного населения. Так, к примеру, М. В. Дьячков приводит статистику процентного соотношения интенсивной языковой ассимиляции, устойчивого снижения доли нерусского населения, считающего свой национальный язык родным (см.: [Дьячков, 1993]). Эти данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Снижение численности населения, считающего свой национальный язык родным, в период с 1979 г. по 1989 г.

Национальность	Численность населения, считающего свой национальный язык родным, %	
	1979 г.	1989 г.
Карелы	61,8	51,5
Коми	80,0	74,4
Мари	93,7	88,4
Удмурты	82,3	75,7
Мордва	94,3	88,5
Коми-пермяки	87,0	82,9
Ханты	64,8	55,1
Манси	51,9	36,6

Позицию о снижении качества языков советского пространства разделял В. П. Нерознак [Нерознак, 1996, с. 3-8]. Так, В. П. Нерознак определяет языковую политику, проводимую правительством во главе с Лениным, как табуировавшую государственные языки и в подтверждение приводит следующие цитаты В. И. Ленина: «Мы не хотим только одного: элемента принудительности, мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо сколько красивых фраз о культуре вы ни сказали бы, обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием» [Ленин, 1967–1981, т. 24, с. 295]. Важно отметить, что современные социолингвистические исследования определяют последствия такой политики как «языковой геноцид», или лингвицид (*linguistic genocide, linguicide*) [Phillipson, 1992]. Следствием «ослабления пресса “ленинской национальной политики”» В. П. Нерознак считал создание большого количества законодательных актов, регламентировавших языковую реформу геополитического характера, среди которых могут быть названы: Закон Эстонской ССР «О языке» от 18.01.1989 г., Закон Латвийской ССР «О языках» от 05.05.1989 г., Закон Таджикской ССР «О языках» 22.07.1989 г., Закон Молдавской ССР «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» от 01.09.1989 г., Закон «О языках в Казахской ССР» от 22.09.1989 г., О государственном языке в Киргизской ССР от 23.09.1989 г., О языке Узбекской ССР 21.10.1989 г., О языках Украинской ССР от 28.10.1989 г. [Нерознак, 1996, с. 3]. На основе вышеперечисленных законов создавался Закон о языках народов РСФСР, утвержденный 25.10.1991 Верховным Советом Федерации и до сих пор регламентирующий «лингвистическое поведение» языков народов России на территории современной Российской Федерации. Безусловно, вполне очевидно, что настоящий

закон нуждается в серьезной доработке в соответствии с изменившимися «вызовами времени».

Несмотря на негативные последствия вышеназванных тенденций, в советский период первоочередным оставался вопрос сохранения многоязычия страны, поддержания национального и межкультурного взаимопонимания, развития толерантного отношения к родному языку других народов. Отечественные ученые активно разрабатывали теории языкового строительства, следствием чего стало образование более ста пятидесяти ранее не существовавших письменностей.

Итогом социолингвистической мысли XX века стал процесс расширения функций малых языков, осуществляемый в республиках и автономных образованиях СССР, что, по сути, стало «этапом борьбы за отделение от союзного государства и формирование национальных государств» [Родионова, 2008]. На советском и постсоветском пространстве исследования языка утвердилась мысль о том, что принципы языковой политики должны защищать, во-первых, сам русский литературный язык, во-вторых, уважительное отношение к полилингвальной парадигме языкового пространства страны.

Большинство лингвистов придерживаются мнения о том, что трансформация языковой политики России на постсоветском пространстве доказывает необходимость поддержки русского языка, его защиты и укрепления [Бердашкевич, 2000]. В связи с этим современной России нужна более активная языковая политика, включающая комплекс мер, направленных на поддержку русского языка внутри страны и далеко за ее пределами. Принципы языковой политики формируют разные возможности и создают условия для реализации всех компонентов, из которых складывается энергетический потенциал языка и его энергетический коммуникативный ресурс [Самойлова, 2009].

2.2. Формирование положительного имиджа государственного служащего

Чиновники в уездном городе были двух типов: первые были тонкими и всюду увивались за дамами, стараясь очаровать их плохим французским и сальными комплиментами. Чиновники второго типа, по словам автора, напоминали самого Чичикова: не толстые и не тонкие, с круглыми рябыми лицами и залезанными волосами, они косились по сторонам, стараясь найти для себя интересное или выгодное дело. При этом каждый пытался друг другу напакостить, сделать какую-то подлость...

Н. В. Гоголь. Мертвые души

Необходимым критерием оценки эффективности системы государственного и муниципального управления является имиджевая составляющая представителей властных структур. Поддержание положительного общественного мнения о сотрудниках, реализующих государственную политику, можно назвать одним из условий конструктивного взаимодействия органов власти и гражданского общества.

Теоретические вопросы имиджологии в настоящее время активно привлекают большое количество исследователей (см., например, работы В. Г. Константиновой [Константинова, 2011], И. К. Черемушниковой [Черемушникова, 2008] и др.). Особо актуальной в последнее десятилетие становится проблема сохранения и совершенствования имиджа предприятия, корпорации, организации, компании (см., например, работы: Р. Р. Горчаковой [Горчакова, 2012], Н. П. Козловой [Козлова, 2011], О. В. Понукалиной [Понукалина, 2013], В. А. Федоровой [Федорова, 2013] и др.). В парадигме образования наибольшее внимание уделяется имиджу образовательного учреждения: школы, института, университета, а также имиджу преподавателя, педагога, учителя (см. работы: Д. В. Бухарова [Бухаров, 2009], А. В. Прохорова [Прохоров, 2011], В. Л. Сидоровой [Сидорова, 2008] и др.).

Не менее актуальными являются исследовательские изыскания по вопросам имиджа коммуникации и профессионального взаимодействия (см., например, работы М. О. Кошляковой [Кошлякова, 2011], Т. А. Морозовой [Морозова, 2010], Л. М. Семеновой [Семенова, 2009], Д. А. Щитовой [Щитова, 2012] и др.).

Необходимо отметить множество работ, посвященных формированию имиджа государства, региона, области, города (см., например, работы А. А. Гравер [Гравер, 2012], И. С. Важениной [Важенина, 2008], И. А. Василенко [Василенко, 2012], С. А. Киреевой, К. А. Кузиной [Киреева, Кузина, 2007], И. В. Лябухова [Лябухов, 2011], Т. А. Морозовой [Морозова, 2010] и др.).

Непосредственно к последнему направлению относится имиджелогия государственной службы и государственных гражданских и муниципальных служащих, а также политических и общественных деятелей (в этой связи интересны работы Е. Н. Новиковой [Новикова, 2009], Т. В. Романовой [Романова, 2009] и др.).

Вслед за В. В. Огневой и Ю. В. Дороховой обозначим три основополагающих компонента имиджа государственного служащего: 1) «определенный набор качественных характеристик» (качественные характеристики); 2) «имиджевые преимущества по сравнению с другими социальными категориями общества» (социальные характеристики); 3) определенный функционал, делегированный органами государственной власти (символические, функциональные характеристики) [Огнева, Дорохова, 2014, с. 152].

Имиджевые составляющие государственного служащего представлены на рисунке 1.

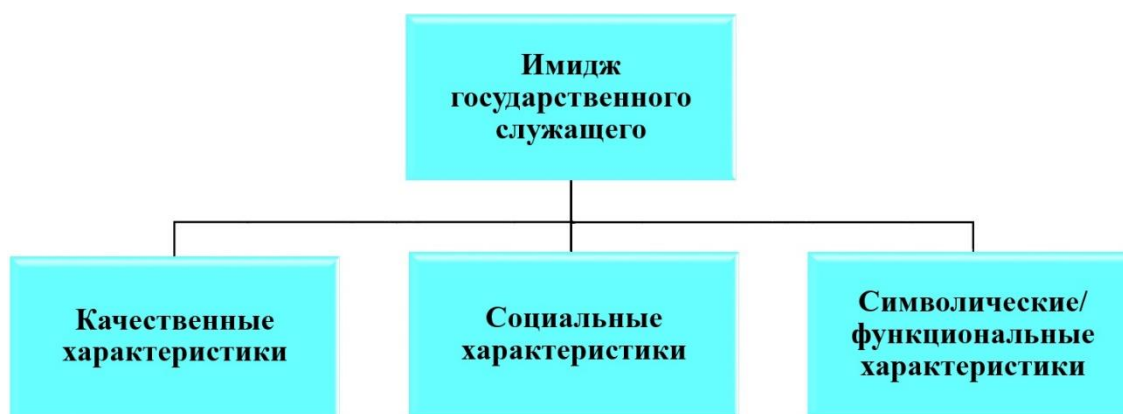

Рис. 1. Имиджевые составляющие государственного служащего

С проблемой формирования положительного имиджа государственной службы – в целом и государственного служащего – в частности тесно связан вопрос конструирования компетентностной модели представителей власти.

Формированием компетентностной модели специалистов разных областей профессионального знания занимаются многие исследователи, работающие в сфере гуманитарного знания. Так, актуально изучение компетентностной модели управленца в условиях глобализации, кризисной экономики и постоянно изменяющихся внешних и внутренних условий труда (см., например, работы Н. В.

Кирий, Н. М. Савиной [Кирий, Савина, 2012], А. А. Степанова, М. В. Савиной [Степанов, Савина, 2016] и др.). Компетентностная модель современного менеджера как составляющая любой эффективной профессии обсуждается в работах В. Бекоевой, Д. Тихонького [Бекоева, Тихонький, 2014], Ю. Н. Дулина [Дулин, 2011] и др. Все более актуальной становится исследование компетентностной модели выпускника современного вуза (см. работы Л. В. Бобровой, О. А. Мариновой [Боброва, Маринова, 2012]; С. Ю. Бутузова, В. А. Нго [Бутузов, Нго, 2013] и др.).

Компетентностный подход государственной кадровой политики предполагает постоянное изучение и своевременное развитие, совершенствование профессиональных возможностей представителей властных структур. В этой связи государственная кадровая политика становится исследовательским приоритетом.

Научный интерес к новым вызовам в сфере развития кадрового потенциала органов государственной власти и местного самоуправления подтверждается работами А. Аганбегяна [Аганбегян, 2013], М. Аграновича [Агранович, 2003], А. В. Баранова, А. В. Тагаева, О. А. Ивлевой, О. В. Котляровой [Баранов, Тагаев, Ивлева, Котлярова, 2018]; И. Н. Барцица [Барциц, 1999, 2000], А. Биджиева [Биджиев, 2014], Л. Велихова [Велихов, 1995], С. Заборовской [Заборовская, 2015] и многих других.

Компетентностная модель современного государственного гражданского и муниципального служащего исследуется в работах А. С. Горшкова, Г. М. Бирюкова, Ж. Чжен, Ш. Чжао [Горшков, Бирюков, Чжен, Чжао, 2007], Е. Л. Прокоповича [Прокопович, 2014], Л. В. Фотиной, И. Ю. Литвин [Фотина, Литвин, 2016], Т. В. Черняк [Черняк, 2005] и мн. др.

Компетентностный потенциал представителей органов власти, динамика государственной кадровой политики, а также формирование различных моделей профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих, безусловно, являются приоритетными исследовательскими направлениями для представителей научно-педагогического коллектива Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (см., например, работы И. Н. Барцица [Барциц, 2011, 2015], А. Я. Быстрыкова, Е. М. Григорьевой, В. Ю. Леденевой, Е. В. Пономаренко, Е. В. Савенковой, А. В. Должиковой [Быстрыков, Григорьева, Леденева, Пономаренко, Савенкова, Должикова, 2017], И. А. Газиевой, В. В. Шоптенко, Р. Н. Корчагина [Газиева, Шоптенко, Корчагин, 2016], О. В. Котляровой,

Е. П. Потаповой [Котлярова, Потапова, 2017], А. В. Герасимова [Герасимов, 2011] и др.).

Заслуживают внимания региональные исследования формирования компетентностных моделей государственных и муниципальных служащих (см., например, работы Е. И. Васильевой, Т. Е. Зерчаниновой, А. В. Ручкина [Васильева, Зерчанинова, Ручкин, 2012], Ю. Н. Лапыгина, О. В. Ерашовой [Лапыгин, Ерашова, 2013] и др.).

Так, к примеру, Ю. Н. Лапыгин и О. В. Ерашова в качестве кластеров компетенции выделяют: «а) эффективное мышление, б) решение задач развития, в) воздействие и оказание влияния, г) профессиональный рост и саморазвитие, д) энергичность, е) лидерство, ж) организацию работы, приверженность и помощь другим, з) личную эффективность» [Лапыгин, Ерашова, 2013]. При формировании компетентностных кластеров авторы руководствуются критерием наличия опыта работы в сфере государственного управления и выделяют «младшие должности (специалисты 1-2 категории), старшие должности (главные, ведущие специалисты), главные должности (начальник управления, отдела), высшие должности (начальник, заместитель начальника департамента)». Думается, что для каждого уровня должны быть «сформированы определенные компетентностные модели государственных служащих» (подробнее см. Ю. Н. Лапыгин, О. В. Ерашова [Лапыгин, Ерашова, 2013]).

Небезынтересны региональные исследования представителей Южно-Российского института управления (филиала РАНХиГС), направленные на изучение формирования инновационной компетентностной модели представителей государственной службы (см., например, работы О. В. Локоты, М. А. Овакимяна [Локота, Овакимян, 2017, с. 28-33]; М. А. Овакимяна [Овакимян, 2011] и др.).

На основе контент-анализа научным коллективом Южно-Российского института управления (М.А. Овакимян, А.В. Тагаев, О.А. Ивлева) под руководством А. В. Баранова исследована и определена современная действующая модель компетенций государственных гражданских и муниципальных служащих. Представленная модель имеет трехкластерную структуру, каждый из кластеров сформирован посредством определенных концептуальных аспектов.

Соответствующая компетентностная модель представлена в таблице 2.

**Действующая компетентностная модель современного
государственного служащего**

Кластеры, формирующие компетентностную модель	Концептуальные аспекты, составляющие кластер			
1. Соответствие культуре государственной службы	Мотивация. Стремление к профессиональной самореализации на государственной службе, ориентация на служебный рост в сфере государственного управления.	Гражданская позиция. Следование в деятельности принципам служения обществу и государству, соблюдение законности, правил служебной этики.	Активность профессиональной позиции. Стремление проявлять инициативу при решении поставленных задач, готовность прилагать существенные усилия для получения наилучшего результата, способность эффективно действовать в условиях физических и эмоциональных нагрузок.	Готовность к саморазвитию. Постоянное стремление совершенствовать свои знания, умения и навыки, расширять кругозор, приобретать знания и опыт в смежных профессиональных областях.
2. Профессиональная компетентность государственного служащего	Профессиональный опыт. Продолжительность и особенности деятельности в соответствующей профессиональной сфере; достижение конкретных результатов в профессиональной деятельности; особенности карьеры.	Специальные профессиональные знания, умения и навыки. Критерий практических знаний в соответствующей сфере, позволяющий эффективно выполнять должностные обязанности; знание законодательства Российской Федерации, регламентирующего профессиональную деятельность; использование ИКТ.	Высокий уровень владения навыками, которые обеспечивают эффективность профессиональной деятельности (знание и использование иностранных языков, умение пользоваться компьютером).	
3. Личностно-деловые качества	Навыки эффективной коммуникации. Соблюдение этики делового общения, способность отстаивать собственную точку зрения и убеждать оппонентов, владение навыками ведения деловых переговоров.	Ответственность. Обоснованность и самостоятельность в принятии решений, готовность следовать взятым на себя обязательствам в достижении результата.	Способности организатора. Умение достигать результата за счет эффективного планирования собственной деятельности, грамотной формулировки задач, разделение ответственности и функциональных обязанностей.	

Однако необходимо понимать, что компетентностная модель должна быть динамичной и развивающейся, в связи с чем основной характеристикой модели компетенций государственного служащего становится лабильность. Кроме того, научным коллективом было проведено исследование, одной из задач которого являлось прогнозирование инновационной компетентностной модели государственных служащих. В исследовании принимали

опосредованное и непосредственное участие представители совета по вопросам государственной гражданской службы Ростовской области при губернаторе Ростовской области, а также государственные служащие различных структурных подразделений администрации Владимирской области.

В результате проведения масштабного быстрого форсайта и обобщения итогов экспертного опроса была составлена инновационная модель компетенций современных государственных гражданских и муниципальных служащих Российской Федерации. Соответствующая модель представлена в таблице 3.

Таблица 3

Инновационная модель компетенций современных государственных гражданских и муниципальных служащих Российской Федерации

Кластеры, формирующие компетентностную модель	Концептуальные аспекты, составляющие кластер			
	Прогнозирование	Целевое управление	Создание союзов	Лидерство
1. Системное управление	Анализ	Формирование альтернатив	Концептуальная лабильность	Умение принимать быстрые и верные решения
2. Умение решать проблемные вопросы	Умение слушать, понимать, сочувствовать	Интерпретация сторонней реакции окружающих	Гибкость поведения	Помощь подчиненным в профессиональном развитии
3. Межличностное взаимодействие	Инициативность	Оперативный и эффективный контроль	Умение делегировать полномочия	Умение сосредоточиться
4. Оперативная эффективность	Презентационные способности	Уверенность в собственных силах	Способность аргументировать и убеждать	Стратегирование
5. Способность влиять	Энергичность	Стрессоустойчивость	Мотивационная активность	Обучаемость и желание учиться
6. Личные качества	Восприятие внешних условий	Осознание и интерпретация политических факторов	Этичность и корректность	Осознанность своих поступков и функций
7. Управление с учетом среды				

Концептуальные аспекты, составляющие основные компетентностные кластеры, подтверждают ориентацию на создание ценностной системы государственного управления и государственной службы Российской Федерации.

Создание представленной компетентностной модели мотивировано стремлением к решению основного спектра задач развития государственной гражданской и муниципальной службы. Конструирование и динамика представленной модели направлены на сбережение человеческого капитала в системе государственного и муниципального управления.

Спектр основных задач, решаемых посредством внедрения новой компетентностной модели, представлен на рисунке 2.

Рис. 2. Задачи развития государственной гражданской и муниципальной службы, решаемые посредством внедрения новой компетентностной модели

Необходимо отметить, что имидж государственного служащего не может ограничиваться рамками компетентностного подхода. Социальные и символические (функциональные) характеристики имиджевой составляющей государственной службы – в целом и государственного служащего – в частности складываются в том числе и из стереотипов, сформированных общественным мнением. Положительная или отрицательная оценка государственных служащих гражданами Российской Федерации – явление историческое и многофакторное. Можно говорить о сформированности концепта «государственный служащий» в русской языковой картине мира.

Концепт, являясь основной единицей концептосферы народа, отражает национальный характер и менталитет. Концепт понимается как квант структурированного знания [Денисова, 2006, с. 29-30] или

«пучок знаний и ассоциаций, сопровождающих слово» [Степанов, 1997, с. 672]. Дж. Лакофф предполагает, что концепты имеют влияние на нашу повседневную деятельность вплоть до тривиальных действий. Концепты могут формировать и структурировать отношение к другим людям, а также ощущения и поведение [Лакофф, 2004, с. 213] (подробнее см. исследование О. В. Комковой [Комкова, 2011], О. В. Котляровой [Котлярова, 2018]).

Антропоцентрический взгляд на язык подтверждает культурную значимость концепта *государственный служащий*, который рассматривается в качестве культурного феномена, включающего поведенческие психологические, речевые и социальные характеристики.

Концепт *государственный служащий* вербализуется в русском языке рядом устойчивых словосочетаний и тесно связан с такими лексемами, как *чиновник* (*чиновничиха*, *чинуша*, *чинуха*), *политический деятель*, *политик*, *государственный деятель*, *представитель власти*, *аппаратный работник*, *руководитель*, *человек на административной должности*, *административный работник*.

В «Большом юридическом словаре» дается следующее определение обсуждаемого термина: *государственный служащий* – «по российскому праву гражданин Российской Федерации, исполняющий в порядке, установленном федеральным законом, обязанности по государственной должности государственной службы за денежное вознаграждение, выплачиваемое за счет средств федерального бюджета или бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации. На государственного служащего распространяется действие законодательства Российской Федерации о труде с особенностями, предусмотренными Федеральным законом «Об основах государственной службы Российской Федерации» от 5 июля 1995 г.» [Большой юридический словарь, 2001, с. 114].

В Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» зафиксировано, что «гражданский служащий – гражданин Российской Федерации, взявший на себя обязательства по прохождению гражданской службы. Гражданский служащий осуществляет профессиональную служебную деятельность на должности гражданской службы в соответствии с актом о назначении на должность и со служебным контрактом и получает денежное содержание за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации» [Федеральный закон от 27.07.2004

№ 79-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»].

Большинство лингвистов замечают, что русская классическая литература демонстрирует отрицательный образ госслужащего, чиновника, сформированный в сознании русского человека. Так, например, произведения Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина, являющиеся частью обязательной школьной программы, демонстрируют негативный образ государственной службы, власти, чиновничества (ср. выдержки из сатирического романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города»: «Бородавкин, Василиск Семенович. Градоначальничество сие было самое продолжительное и самое блестящее. Предводительствовал в кампании против недоимщиков, причем спалил тридцать три деревни и с помощью сих мер взыскал недоимок два рубля с полтиною. Ввел в употребление игру ламуш и прованское масло; замостил базарную площадь и засадил березками улицу, ведущую к присутственным местам; вновь ходатайствовал о заведении в Глупове академии, но, получив отказ, построил съезжий дом. Умер в 1798 году, на экзекуции, напутствуемый капитан-исправником» [Салтыков-Щедрин, 2012]). Отрицательный образ чиновника, сформированный в отечественной художественной литературе, подробно описан в диссертационной работе М. Н. Пановой [Панова, 2004].

В процессе работы над настоящим исследованием нами был проведен ассоциативный эксперимент, заключавшийся в том, что опрашиваемые подбирали определение для словосочетания-стимула *государственный служащий*. Реципиенты самостоятельно подбирали не более десяти определений, по их мнению, наиболее точно характеризующих слово-стимул. В результате нами был сформирован гетеростереотипный и автостереотипный портрет государственного служащего. Мнение представителей общественности, не имеющих отношения к государственной службе, составляет гетеростереотипную точку зрения. Определения, обозначенные самими представителями государственного и муниципального управления, в совокупности составляют автостереотипную точку зрения.

Результатом опроса 300 жителей Владимирской области (110 государственных служащих и 190 представителей других профессий) в процентном соотношении были определены личностные особенности, вербализующие ядерные и периферийные характеристики концепта *государственный служащий* в русской языковой картине мира. Результаты исследования представлены в таблице 4.

Таблица 4

Соотношение личностных характеристик, определяющих концепт «государственный служащий» по результатам ассоциативного опроса

Определение к словосочетанию-стимулу	Процент реципиентов, указавших данное определение
Грубый	3
Лживый	7
Властный	9
Умный	12
Справедливый	13
Глупый	15
Равнодушный	18
Жадный	21
Несправедливый	25
Ленивый	25
Авторитетный	27
Грамотный	30
Значимый	35
Добросовестный	37
Ответственный	39
Профессиональный	40
Компетентный	52

Важно отметить, что в ракурсе формирования положительного имиджа государственного служащего происходят видимые изменения. Большинство определений, выбранных опрошенными, имеют положительное значение (более подробно о динамизме концепта *государственный служащий* см.: [Котлярова, Потапова, 2018]). Концепт *современный государственный служащий* теряет пейоративные характеристики, ранее составлявшие его ядро. Оптимистичным показателем является то, что более 40 % опрошенных в качестве основных определений, характеризующих государственного служащего, выбрали *профессиональный* и *компетентный*.

Изменение общественного отношения к государственным служащим и государственному управлению можно назвать причинными факторами эволюционирования обсуждаемого концепта, что, очевидно, связано с современными нормами, направленными на открытость власти гражданскому обществу, позволяющими отчасти по-новому взглянуть на сформированный веками неоднозначный образ российского государственного служащего.

2.3. Современная языковая политика России: синхронный аспект

Качество государства зависит от качества людей, поэтому задача политики – обучение и изучение их нужд.

Платон

Языковая политика как социальное явление считается объектом исследования ряда гуманитарных наук и в первую очередь политологии и юриспруденции. Языковая политика в современной России достаточно серьезно регламентирована на законодательном уровне и отражена в следующих нормативно-правовых актах: Законе РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»; Законе РФ от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»; Федеральном законе от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»; Указе Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и др.

Закон РФ № 1807-1 «*О языках народов Российской Федерации*» является основным законодательным актом, регулирующим государственную языковую политику России во всех областях взаимообусловленности социума и языка, «направлен на создание условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов Российской Федерации и призван стать основой для формирования системы правового регулирования деятельности юридических и физических лиц, разработки нормативных правовых актов в целях реализации положений настоящего Закона» [Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»].

Этот законодательный акт регламентирует следующие аспекты государственной политики Российской Федерации: предоставление государственных гарантий равноправия языков народов Российской Федерации; правовое положение языков; гарантии защиты языков народов Российской Федерации; гарантии прав граждан Российской Федерации вне зависимости от их знания языка; компетенция Российской Федерации в сфере охраны, изучения и использования языков народов Российской Федерации; программы сохранения, изучения и развития языков народов Российской Федерации. Согласно действующему законодательству к основным правам граждан по использованию языков народов Российской Федерации относятся: 1) право на выбор языка общения, 2) право на выбор языка образования,

а также 3) преподавание и изучение языков народов Российской Федерации.

Содержание языковой политики в работе федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления определяется вопросами функционирования языка при работе в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления; языка официального опубликования федеральных конституционных законов, федеральных законов и иных правовых актов Российской Федерации; языка официального опубликования законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации; языка подготовки и проведения выборов и референдумов в Российской Федерации.

Регламентация использования языков народов Российской Федерации в деятельности государственных органов, организаций, предприятий и учреждений ограничивается спектром вопросов использования языков в работе государственных органов, организаций, предприятий и учреждений, в официальном делопроизводстве, в официальной переписке: в сфере судопроизводства и делопроизводства в судах и в правоохранительных органах, в нотариальном делопроизводстве, в сфере массовой информации, в сфере промышленности, связи, транспорта и энергетики, в сфере обслуживания и в коммерческой деятельности.

Законом «О языках народов Российской Федерации» контролируются взаимоотношения Российской Федерации с зарубежными странами, международными организациями и субъектами Российской Федерации. При этом есть мнение, что указанный выше закон, принятый в 1991 году, нуждается в настоящее время в серьезном обновлении, обусловленном изменениями в социально-политической жизни современной России XXI века. Публичные выступления представителей властных структур демонстрируют необходимость эффективного реформирования соответствующего закона. К примеру, руководитель Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования Ольга Артеменко считает: «чем больше языков, тем лучше. Но это должна быть действительно до мелочей продуманная языковая политика в системе образования. Политика, направленная на интеллектуальное развитие детей, на их обогащение, а не на противопоставление и не на митинги, как сейчас. И тогда эффект будет очень хороший» [URL: <https://regnum.ru>]. Реформирование Закона «О языках народов Российской Федерации» активно обсуждается в социальных сетях, интернет-сообществах и на открытых дискуссионных площадках (см., например, официальные порталы

change.org.ru [URL: <http://change.org.ru>]; ok.ru [URL: <https://ok.ru>]; nazaccent.ru [URL: <http://nazaccent.ru>]; regnum.ru [URL: <https://regnum.ru>] и др.).

Обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, языковая культура, ее защита и развитие регламентируются Федеральным законом Российской Федерации от 1 июня 2005 № 53-ФЗ **«О государственном языке Российской Федерации»** [Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ]. Этот закон регулирует вопросы функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации, определяет сферы использования государственного языка, контролирует защиту и поддержку государственного языка Российской Федерации.

Другой нормативный акт – Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 **«Основы законодательства Российской Федерации о культуре»** относит язык, в том числе русский язык, к культурным ценностям. Помимо языка культурными ценностями являются «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» [Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»].

В Указе Президента РФ от 31.12.2015 № 683 **«О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»** в качестве мер для решения задач национальной безопасности в области науки, технологий и образования выделены следующие: «повышение качества преподавания русского языка, литературы (выделено нами. – Н. Ю., О. К.), отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий, а также активное развитие международных связей в области науки и образования, ...повышение привлекательности образования на русском языке (выделено нами. – Н. Ю., О. К.) на мировом рынке образовательных услуг» [Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»].

В этом же документе в качестве угроз национальной безопасности в области культуры обозначено «снижение роли русского языка в мире (выделено нами. – Н. Ю., О. К.), качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на

объекты культуры» [Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»].

Немаловажным является факт выделения «государственной политики по реализации функции *русского языка как государственного языка Российской Федерации* (выделено нами. – Н. Ю., О. К.), средства обеспечения государственной целостности страны и межнационального общения народов Российской Федерации, основы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве и средства удовлетворения языковых и культурных потребностей соотечественников за рубежом» в качестве мер укрепления национальной безопасности в области культуры [Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»].

Наконец, в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «**Об образовании в Российской Федерации**» зафиксирована возможность получения образования на государственном языке Российской Федерации, а также в рамках возможностей образовательной системы предоставление самостоятельного выбора языка обучения и воспитания [Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»].

Языковая политика современной России подразумевает, что «граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, в порядке, установленном законодательством об образовании». Однако «преподавание и изучение государственных языков республик Российской Федерации не должны осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка Российской Федерации» [Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»].

Из краткого обзора действующих нормативных правовых актов, регламентирующих государственную языковую политику современной России, можно сделать следующие выводы, определяющую стратегию развития языковой политики Российской Федерации.

1. Русский язык, являясь государственным языком Российской Федерации, представляет собой основную культурную ценность, определяющую в том числе и стратегию национальной безопасности современной России.

2. Языковая политика направлена на сохранение и развитие современного русского литературного языка внутри России и на мировом уровне.

3. Языковая государственная политика направлена на равноправное и самобытное развитие языков народов Российской Федерации.

Языковая политика, являясь стратегическим ориентиром государственной политики России, не перестает выступать в качестве объекта исследовательского интереса в различных областях гуманитарного знания.

Так, например, к направлениям гуманитарного знания, изучающим языковую политику, необходимо отнести *лингвополитологию*, описывающую сущность, динамику и эффективность языковой политики в синхронном и диахронном аспектах (см., например, работы Е. С. Гриценко [Гриценко, 2011], Е. Н. Калининой [Калинина, 2007] и др.). Кроме того, изучается взаимообусловленность языковой политики и национальной безопасности страны, что объясняется разрушением или укреплением культурного иммунитета граждан к информационно-психологическому воздействию (см. работы Е. Е. Карнауховой [Карнаухова, 2012], М. Е. Костюка [Костюк, 2011] и др.). В рамках лингвополитологии интересны исследования инновационных лингвополитических технологий по отношению к языковой политике, ее внешним и внутренним формам, стратегиям и факторов межгосударственной интеграции в условиях общемировой глобализации (см., к примеру, исследования Л. М. Мухарямовой [Мухарямова, 2004], К. Х. Рекоша [Рекош, 2014], И. И. Скачковой [Скачкова, 2015], Т. П. Смирновой [Смирнова, 2012, 2013] и др.). Важным аспектом *лингвопсихологического* знания кажется создание стратегий реализации языковой политики на примере субъекта Федерации или мегаполиса как субъекта влияния основных последствий глобализации (см. работы: Н. Б. Халитова [Халитов, 2006], О. Б. Януш [Януш, 2006] и др.). Необходимо отметить, что исследовательские тренды направлены на совершенствование инструментария политической науки, внедрение новых возможностей традиционных научных подходов (см., например, работы А. А. Солдаткина [Солдаткин, 2013], А. В. Скиперских [Скиперских, 2005] и др.).

В русле *педагогики* поднимаются вопросы влияния языковой политики на развитие коммуникативной компетентности молодых поколений (см., например, работы Г. В. Бестолоковой [Бестолокова, 2013], Е. А. Картушиной [Картушина, 2016], О. Х. Мирошниковой [Мирошникова, 2015] и др.). Вместе с тем изучается внедрение принципов языковой политики в сферу культуры и образования (см. работы Е. Н. Малюги [Малюга, 2009], Л. В. Разумовой [Разумова, 2009] и др.). В качестве проблемного вопроса необходимо назвать выявление взаимосвязи государственной языковой политики и образовательной

политики, а также влияние современных политических процессов глобализации на лингвополитическую практику и систему лингвистического образования (см., например, исследования А. Бердашкевича [Бердашкевич, 2000], А. О. Лалетиной [Лалетина, 2013] и др.).

В контексте *этнографических* исследований научный интерес распространяется на изучение проблем динамики языка и отношения к нему на стыках исторических изменений в стране, развитие и конституирование государственного и официального языка (см., например, работы А. Н. Казарян [Казарян, 2013], Д. А. Катунина [Катунин, 2009], В. М. Костевой [Костева, 2010], Ю. Г. Куровской [Куровская, 2015], А. И. Хамидуллиной [Хамидуллина, 2011] и др.). Одним из основных аспектов этнографических исследований является изучение специфических особенностей языковой политики отдельных стран и республик. В этой связи интересны работы Н. С. Будниковой [Будникова, 2006], В. А. Клиновского [Клиновский, 2012], А. А. Нозимова [Нозимов, 2010], Н. А. Сивцевой [Сивцева, 2007], Е. А. Тороховой [Торохова, 2012], Д. В. Тупейко [Тупейко, 2014], Д. Н. Тухватуллиной [Тухватуллина, 2007], М. В. Чуприной [Чуприна, 2012] и др.

В русле *лингвосоциологии* поднимаются вопросы многообразия и классификации факторов мультикультурного пространства и взаимообусловленности языковых политик, языкового регулирования в современном полиэтническом обществе, рассматривается взаимодействие политических, социальных и идеологических факторов выработки языковой политики, а также изучаются исторические обстоятельства выработки и проведения языковой политики (см., например, работы Е. Б. Гришаевой [Гришаева, 2007], Е. Н. Калининой [Калинина, 2007], О. В. Котляровой [Котлярова, 2016], И. И. Скачковой [Скачкова, 2011], Т. М. Чеучевой [Чеучева, 2004] и др.).

В парадигме *философского* дискурса языковая политика изучается прежде всего как политическое пространство, формирующее сохранение и развитие русского литературного языка, а также поддержку динамики других языков. Среди значимых исследовательских вопросов можно выделить анализ языковой ситуации в России, взаимодействие и взаимообусловленность русского языка и других языков населения современной России, проблемы коммуникативной и этической грамотности населения, необходимость повышения эффективности изучения русского языка и др. В этой связи см. работы В. М. Алпатова [Алпатов, 2013], Ф. Х. Гариповой [Гарипова, 2005], Д. Ю. Гулинова [Гулинов, 2011], А. Р. Жикеевой [Жикеева, 2011], Т. Т. Камболова [Камболов, 2002], Е. А. Никитиной [Никитина, 2008], Е. А. Погорелой [Погорелая, 2003], Ю. И.

Стрябковой [Стрябкова, 2007], О. А. Селиверстовой [Селиверстова, 2017] и др. Новый исследовательский ракурс открывает аспект изучения языковой политики как особого экономического института, находящего свое внешнее проявление в рамках институциональных сетей (подробнее см. исследования Н. В. Юдиной, Е. А. Кузнецовой [Юдина, Кузнецова, 2017]).

В качестве результата проведенного анализа необходимо назвать наиболее перспективные вопросы изучения языковой политики XXI века, к которым можно отнести рассмотрение сферы языка и языковой политики как межпредметной и сложноструктурированной области знания, а также изучение эволюции и генезиса языковой политики отдельных стран и нахождение общего и различного в истории развития разных культур.

2.4. О роли языковой личности государственного служащего в формировании языковой политики

Всякая мысль, выраженная словами, есть сила, действие которой беспредельно.

Л. Н. Толстой

Государственная языковая политика выступает в качестве стратегического приоритета развития современной России и характеризуется динамичностью и многофакторностью. Если языковая политика не вырабатывает новые способы реагирования на изменения информационно-технологической парадигмы, то может быть нанесен ущерб развитию всего общества. В качестве основного аспекта формирования продуктивной языковой политики выступает развитие положительной имиджевой составляющей государственной службы, в этой связи языковая личность госслужащего выходит на первый план.

По нашему мнению, влияние представителей власти на языковую политику особенно заметно начиная с XVIII в. Реформаторская деятельность великих императоров затрагивала области языковой политики, а их индивидуальные речевые характеристики как носителей русского языка имели большое влияние на формирование речевого общественного потенциала.

В этой связи небезынтересными кажутся некоторые тенденции политики Петра I, Екатерины II и Павла I, в периоды правления которых намечались основные направления языковой политики России, ее сущность, проблематика, цели и задачи.

Еще одним фактором, формирующим политику языковую как отдельное направление государственной политики, является индивидуальная речевая деятельность императоров. Языковые личности высших представителей власти формируют потенциал речевого развития остальных членов общества, отражают особенности определенного исторического периода, а также демонстрируют индивидуальные речевые характеристики.

Логичным кажется предположение, что именно от речевого портрета российских императоров начал формироваться речевой портрет государственных служащих, возникла имиджевая составляющая госслужбы, появились стереотипы восприятия представителей власти, а также начали формироваться образцы речевого поведения, которым должен соответствовать государственный служащий. Обратим внимание на некоторые особенности речевых портретов Петра I, Екатерины II и Павла I. Исследовательский интерес к языковой политике российских императоров, а также к изучению их индивидуальных речевых особенностей прослеживается в работах Н. В. Коршуновой

[Коршунова, 2010], И. В. Крыковой, В. С. Семиной [Крыкова, Семина, 2007], М. П. Стародубцева [Стародубцев, 2012], М. Е. Лупановой [Лупанова, 2008] и др.

Языковая политика и особенности речевого портрета Петра I

Языковая личность Петра I вызывает интерес у широкого круга исследователей (в этой связи см., например, работы О. А. Беспаловой [Беспалова, 2015], Я. В. Васильевой [Васильева, 2010], Г. Ю. Литвинцевой [Литвинцева, 2010], А. Ш. Назаровой [Назарова, 2012], М. П. Стародубцева [Стародубцев, 2012], А. В. Сухарева [Сухарев, 2014] и др.). В указанных работах, в частности, сказано о том, что традиционно целенаправленная языковая политика как часть государственной политики начинает дифференцироваться при правлении Петра I, который в ракурсе проводимых им преобразований уделял особое внимание грамотности речи, ее простоте и точности.

Государственная политика Петра I в каждом аспекте своего развития прежде всего заключалась в активном внедрении научно-технических достижений Запада. В основе всех преобразований лежало внедрение недоступного до этого времени знания, открытого за рубежом и возможного к применению в России. Основной проблемой русского народа помимо нежелания учиться и непонимания выгоды от получения новых знаний являлось отсутствие учебников на русском языке, что делало обучение в принципе невозможным. Петр I велел переводить на русский язык передовую научную литературу всех областей знания, чтобы Россия, используя мировой опыт, могла выйти на новую ступень развития.

Организация системы епархиальных духовных школ способствовала развитию словесности и грамотности духовенства, и, несмотря на то, что низшая ступень в большинстве школ включала изучение грамматики и риторики, полный курс духовной школы позволял изучать грамоту, грамматику, риторику, философию и богословие. Языковая политика в русле церковной реформы регламентировала действия духовенства. Петр I, в принципе ограничивавший влияние церкви во многих областях жизнедеятельности русского народа, запрещал монахам писать «всякие грамотки», чтобы «монашеского безмолвия не нарушать» [Князьков, 1991, с. 459].

Другой аспект языковой политики Петра I непосредственно коснулся развития словесности, красноречия и грамотности носителей русского языка. С этой целью была открыта Славяно-греко-латинская академия, где наряду с другими языками изучался русский язык. Важным событием укрепления позиций русского языка можно считать

создание в 1714 г. библиотеки, в русле которой впоследствии зародилась фундаментальная библиотека Российской академии наук.

Языковая политика Петра I была направлена на подготовку нового поколения государственных служащих и представителей дворянства. После неудачи с цифирными школами в 1703 г. Л. К. Нарышкин по указанию Петра I основал в Москве специальное училище для подготовки новой генерации чиновников. Важно отметить, что наряду с другими предметами преподавалась этика с элементами политики и юриспруденции. В Петровскую эпоху открытие новых учебных заведений постепенно стало переходить в ведение государства, что было вызвано острой потребностью государства в грамотных, знающих чиновниках.

Динамичность языковой политики подтверждается фактом создания 28 февраля 1720 года Генерального регламента о порядке занятий и движении всех дел во всех коллегиях, учрежденного по указу императора Петра I и являвшегося уставом государственной гражданской службы в России XVIII – XIX веков. Генеральный регламент впервые устанавливал порядок деятельности и делопроизводства государственных учреждений России. Введенная регламентом система делопроизводства, названная коллежской, фиксировала технологии и методики работы с документами. Регламентировались не просто нормы делопроизводства, но и нормы поведения государственных служащих. Развивалось понятие этики государственной службы.

Языковая личность Петра I, характеризующаяся полилингвальностью и стремлением к осуществлению коммуникации на нескольких языках, употреблением многочисленных заимствований, использованием терминологической лексики в разных научных направлениях, превалированием неологизмов, имела определенное влияние на развитие основных направлений языковой политики. Аспект полилингвального мироощущения подразумевает знание нескольких иностранных языков, умение воспринимать объекты общемировой культуры, политики и экономики. Необходимо отметить гуманитарные склонности Петра I, проявившиеся в раннем интересе к чтению и письму (Петр I умел читать с трех лет, а писать – с семи). Как известно, стремление получать новые знания сохранялось у него на протяжении всей жизни.

В дальнейшем одной из задач государственной кадровой политики Петра I становится развитие коммуникативной компетентности государственных слуг, заключающейся в умении грамотно формулировать мысли, осуществлять устное и письменное взаимодействие, демонстрировать знание русской словесности, применять риторические навыки.

Делая вывод о языковой политике Петра I, отметим, что она неотделима от системы реформирования государства, задействована в

достижении основных целей государственной политики и направлена прежде всего на развитие кадрового потенциала лучших представителей общества. Однако вполне очевидно, что Петр I понимал значимость сохранения и развития русского языка не только для представителей дворянства, но и для всего русского народа. Он дифференцировал указы, которые для городских жителей писались более витиеватым литературным языком, а для жителей деревень использовался простой разговорный стиль. Петр I неоднократно задумывался над тем, что единение внутри государства возможно при признании, сбережении и правильном использовании одного языка, который понимают все члены общества.

Языковая политика и особенности речевого портрета Екатерины II

Языковая политика Екатерины II реализовывалась в парадигме образовательной реформы и основывалась на идеях просвещения. По собственным словам императрицы, она вела «работу над умами в варварской стране» [Бринкер, 1996, с. 26].

Языковой политике и особенностям речевого портрета Екатерины II посвящены работы А. С. Иощенко [Иощенко, 2010], Н. В. Коршуновой [Коршунова, 2010], И. В. Крыковой, В. С. Семиной [Крыкова, Семина, 2007], М. Е. Лупановой [Лупанова, 2008], А. Ю. Никитиной [Никитина, 2013] и др.

Екатерина II так же, как и Петр I, преследовала цель создать «новую породу людей» [Крыкова, Семина, 2007, с. 208]. Мысль о приоритете воспитания над образованием была позаимствована у Ж.-Ж. Руссо и представителей Просвещения. По этой причине в 60-70-е годы XVIII века вместе с президентом Академии художеств И. И. Бецким она создает систему закрытых сословных учебных заведений.

Екатерина II стремилась к созданию системы образования в России, изначально в качестве образца заимствуя систему австрийских школ. Большинство исследователей сходятся во мнении, что школьная реформа Екатерины II была самой последовательной и продуманной [Коршунова, 2010, с. 110].

Значимую роль в реализации языковой политики сыграла Екатерина Романовна Дашкова, назначенная Екатериной II на должность директора Академии наук в 1782 г. Во-первых, Е. Р. Дашкова вела активную научно-просветительскую и издательскую деятельность. Во-вторых, в надлежащее состояние была приведена библиотека Академии наук, обогащался книжный ассортимент, перестраивалась работа типографии. В-третьих, сама цель учреждения Российской академии наук, открытой в 1783 г., заключалась в изучении русского языка и русской литературы. Образование Российской

академии имело целью создание научного центра, основные ресурсы которого были направлены на изучение словесности и русского языка [Записки княгини Дашковой, 1991].

Е. Р. Дашкова первоначальной миссией академии как центра развития русского языка и русской словесности считала необходимость создания словаря. Под ее руководством впоследствии был опубликован «Словарь Академии российской, производным порядком расположенный». Подобный толковый словарь издавался впервые, он содержал более 40000 слов. К исследовательской деятельности были привлечены Г. Р. Державин и Д. И. Фонвизин. Тщательная работа над созданием словарей сыграла большую роль в установлении лексических норм русского литературного языка.

Важным событием в русле языковой политики стала инициатива Е. Р. Дашковой в организации открытых публичных общедоступных курсов, которые читались только на русском, преследуя цель перенесения мировой науки в систему российского менталитета и российского просвещения (ср. следующее высказывание «тогда науки перенесутся на наш язык и просвещение распространится» [Лазинская, 1978, с. 88]).

Основным направлением развития языковой политики Российской империи при Екатерине II можно считать активную деятельность в направлении развития средств массовой информации. В 1783 году Российская академия наук начала выпускать новое издание, включающее модные произведения того времени, – журнал «Собеседник любителей Российского слова». В этом издании публиковались Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, сама Екатерина II и многие другие известные общественные и политические деятели того времени.

Под руководством Екатерины II Е. Р. Дашковой было издано сорок три сборника «Российский феатр, или Полное собрание сочинений всех российских феатральных сочинений», в которых опубликованы пьесы М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина и др.

Посредством журналов и газет Екатерина II пыталась влиять на общественное мнение о государственном управлении и о представителях власти. Любое произведение, напечатанное в таких журналах, демонстрировало справедливое правление Екатерины II. При этом важно отметить, что через средства массовой информации императрица ставила перед собой цель, в первую очередь, влиять на более образованную часть российского общества, являющуюся фундаментом интеллектуального потенциала государства.

По мнению некоторых исследователей, сами характерные особенности языковой личности Екатерины II определяют динамику речевой культуры России того периода и отражают процесс

демократизации русского языка XVIII столетия (в этой связи см., например, работы И. В. Крыковой, В. С. Семиной [Крыкова, Семина, 2007], М. Е. Лупановой [Лупанова, 2008], А. Ю. Никитиной [Никитина, 2013] и др.).

Анализируя языковую личность Екатерины II на материале мемуаров «Собственноручные записки императрицы Екатерины II», исследователи выделяют семь лексических пластов, фиксирующих особенности речевой характеристики императрицы, широко использовавшей:

- 1) политическую лексику (*ср.: доклад, империя, посольство и др.*);
- 2) лексемы, обозначающие чины, ранги, должности (*ср.: граф, императрица, князь и др.*);
- 3) религиозную лексику: а) слова, обозначающие церковные обряды, ритуалы (*ср.: постничать, проповедь*); б) номинации христианских праздников (*ср.: Петров день, Троицын день*); в) слова с общерелигиозной семантикой (*ср.: архиепископ, Господь Бог*);
- 4) научную лексику (*ср.: силлогизм, суждение*). В письменных текстах Екатерина II формулирует высказывания в соответствии с характеристиками научного стиля того времени (*ср.: чтобы сделать это более осязательным*);
- 5) военную лексику (*ср.: война, орудие, ученье*).

Кроме того, можно выделить лексические единицы, описывающие внутривполитическую деятельность Екатерины II. Сюда следует отнести глаголы, обозначающие разного типа приказы (*ср.: велеть, дать поручение, назначить*).

Особо интересен пласт аксиологической лексики, обозначающей различные характеристики людей, даваемые Екатериной II. Такие слова и выражения всегда оценочны, часто имеют пейоративную окраску, просторечны. Однако именно данный лексический сегмент наиболее полно характеризует языковую личность императрицы: «Ума очень ограниченного и упрямый, как чурбан» (О Брокдорфе, приближенном Павла), *бредни* (о словах Петра III), *сброд* (о людях, присутствовавших на обеде у Петра III), *сумасбродство, глупая физиономия, шашни* (более подробно о репрезентации вербально-семантического уровня языковой личности Екатерины II см. исследования А. Ю. Никитиной [Никитина, 2013]).

Делая вывод о языковой политике Екатерины II, исследователи отмечают, что указанная деятельность проходила в русле образовательной реформы и была направлена на создание «новой породы людей», грамотных и образованных. Несмотря на то, что в основе лежали просветительские идеи Запада, Екатерина II планомерно примеряет общемировые тенденции образования и воспитания к ментальным особенностям русского склада характера.

Языковая политика и особенности речевого портрета Павла I

Небольшой период правления Павла I достоин особо пристального внимания в ракурсе изучения языковой политики. По мнению некоторых исследователей, правление Павла I может являться примером «сугубо российского феномена перехода лингвистических проблем из сферы науки в область государственной политики» [Успенский, 1996, с. 413].

Исследования языковой политики и особенностей речевого портрета Павла I представлены в работах В. Н. Базылева [Базылев, 2017], К. А. Богданова [Богданов, 2006], А. М. Скабичевского [Скабичевский, 1892], Ю. С. Степанова [Степанов, 1997], В. А. Томсинова [Томсинов, 2008] и др.

Несмотря на кажущееся противостояние политическим действиям Екатерины II, в сфере образования, науки и языка Павел I, по сути, продолжал ее просветительские начинания. Однако отличительной чертой государственной языковой политики Павла I можно считать создание и внедрение канона политической лексики, посредством которого император хотел объяснить подданным, какое конкретное значение имеют определенные слова и как их в связи с этим правильно употреблять.

К примеру, высочайшее повеление императора Павла 1797 г. «Об изъятии из употребления некоторых слов и замене другими», напечатанное в журнале «Русская старина» за 1871 г., регламентировало употребление одних слов и запрещало другие. Павел I планомерно издавал законодательные акты, диктующие правила использования лексических единиц (подробнее о политической и законодательной деятельности Павла I в сфере языковой политики см. работы А. М. Скабичевского [Скабичевский, 1892], Ю. С. Степанова [Степанов, 1997], В. А. Томсинова [Томсинов, 2008] и др.).

Павловская языковая политика демонстрирует одну из отличительных черт русской культуры конца XVIII в. – ориентированность на семиотичный характер русского языка. Кроме того, языковая политика Павла I впервые содержала реальный опыт предания единообразия и целостности языку русской империи. Канон политической лексики представлял собой реализацию системы словоупотребления, отражающей идеологическую систему императора, и, по существу, затрагивал два направления языковой политики: поименования и переименования, касающиеся топонимической и правовой лексики. Переименование топонимов объяснялось стремлением изменить ассоциативные связи (к примеру, Указ 1799 г. «О переименовании рекрута, если кто из них имеет прозвание дворянской фамилии или непристойное наименование,

означая сие в списках, посылаемых в Инспекторскую экспедицию», Именной указ «О составлении общего Дворянского родов гербовника», Указ 1801 г. «О заведении алфавитных книг в Нижних Земских судах для внесения в оные осужденных на каторгу, на работы и на поселение преступников» [Полное собрание законов Российской империи, 1830]). Ревизия правовой лексики отражена в Высочайшем приказе «О переименовании в сие звание (унтер-офицер) всех, кого следует», в приказе «О Наименовании прапорщиков корнетами» и в других документах [Полное собрание законов Российской империи, 1830].

Большинство исследователей считают период правления Павла I периодом жесточайшей цензуры по причине запрета некоторых книг, переводов и слов. К примеру, Павел I повелел стереть французское слово *магазин* и оставить русское *лавка*, объясняя это тем, что магазины могут принадлежать только государю, но любой купец может содержать лавку. Под запретом было употребление слов *общество* и *революция*. Кроме того, полагалось заменить слово *свобода* на *позволение* (подробнее см. работу А. М. Скабичевского [Скабичевский, 1892]).

Мнение о превалировании в языковой политике Павла I жесточайшей цензуры подкрепляется фактом «неравнодушия власти к общественной политической лексике, связанной с самой возможностью проблематизации сословных характеристик» [Богданов, 2006, с. 173]. Другие исследователи настаивают на том, что для Павла I важно было показать носителям русского языка правильное употребление слов в нужном значении. В павловской языковой политике обозначена тенденция к обогащению русского языка, точнее – к обогащению семиотической идеологической составляющей. Павел I хотел предписать лицам всех чинов использование более благопристойного, грамотного и правильного языка. Для точности мысли он повелел русское слово *стража* заменить на татарское *караул*, русское *отряд* на французское *деташемент*, русское *врач* на польское *лекарь*.

На основании указанных выше фактов можно сделать вывод о том, что павловское реформирование системы функционирования русского языка являлось полноценной государственной языковой политикой, которая в глобальном смысле была направлена на устройство государства нового типа. Указанная политика внедрялась посредством реформы престолонаследия, ослабления позиций дворянства, изменения положения крестьян, военной реформы и т. д.

Павел I не скрывал, что преследовал практическую цель – научить общество говорить и думать правильно. «Постулированный философами Просвещения статус языка как первичного социального института переносит бремя ответственности за язык на инстанции социального регулирования... Попадая в сферу светского

администрирования, язык поневоле принимает на себя функции средства для выражения власти, а также и той среды, в которой реализуются властные онтогении» [Базылев, 2017, с. 113]. Канон политической лексики в понимании императора становился дискурсом государства, которое является пространством для взаимодействия государя, народа и мира, а также представлял собой определенную семиотическую систему, отражающую в том числе и порядок устройства государства. Так, В. Н. Базылев выделяет в каноне Павла I идеографические реконструируемые лексические сферы: сферу топонимии, сферу антропонимики, сферу официальной социально-правовой устной и письменной коммуникации, сферу прагматонимии, сферу иерархичного именованья в гражданском обществе, сферу официальной устной и письменной коммуникации военного сообщества.

В заключение представленной главы необходимо сделать вывод о том, что первыми представителями власти, языковые личности которых имели определенное влияние на формирование имиджевой составляющей государственной службы, были великие императоры Российского государства. Направления проводимой ими языковой политики затрагивали основные сферы государственной политики. Действия, направленные на сохранение и развитие русского языка, свидетельствуют о демократизации или регламентации языка в зависимости от соответствующих тенденций языковой политики. Индивидуальные речевые характеристики российских императоров подтверждают разносторонние научные и практические приоритеты, стремление к точности выражения мыслей, к художественности и богатству речи.

Представленный выше обзор позволяет сделать вывод о том, что традиция воспринимать речевое поведение представителей власти как образец речевого поведения формировалась в России еще с начала XVIII в. Можно предположить, что в XXI в. речь представителей государственной власти, политиков, чиновников, административных деятелей продолжает восприниматься общественностью как коммуникационный стандарт высокообразованного представителя общества. В связи с вышесказанным совершенствование коммуникативного потенциала государственных служащих современной России становится крайне актуальным и востребованным в современном общественно-политическом и социокультурном пространстве XXI века.

Глава 3. ДЕЛОВАЯ РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В XXI ВЕКЕ

3.1. Общие характеристики официально-делового стиля и административно-политического дискурса

От слова спасение, от слова и погибель.
Русская народная пословица

Одной из основополагающих гипотез представленной монографии является предположение о том, что язык государственных и муниципальных служащих – в частности и административно-политический дискурс – в целом отражают уровень речевой и поведенческой культуры российского общества, а также выступают в качестве речевых критериев, стандартов и трендов.

Отличительной чертой административно-политического социолекта является его отнесенность к официально-деловому стилю речи, характеризующемуся стандартизованностью и клишированностью выражений, использованием профессионализмов и терминов. Д. Э. Розенталь дает следующее определение официально-делового стиля: «это стиль документов, международных договоров, государственных актов, юридических законов, постановлений, уставов, инструкций, служебной переписки, деловых бумаг и т. д.» [Розенталь, 1987, с. 40].

В отличие от официально-делового стиля речи, регламентирующего, как правило, *письменную* форму общения и предназначенного для обслуживания деловых отношений в административно-правовой сфере, административно-политический дискурс формируется в *устной, письменной и интернет-коммуникации* при обеспечении взаимодействия власти и общества. Поэтому характеристики, свойственные официально-деловому стилю речи и действующие в письменном общении, дополняются другими речевыми особенностями, свойственными устной и электронной формам взаимодействия государственных и муниципальных служащих с представителями гражданского общества.

Административно-политический дискурс в *устной* форме реализуется в докладах на официальных мероприятиях, в служебных диалогах, в межведомственном и внутриведомственном общении, в публичных выступлениях. *Письменная* коммуникация охватывает весь спектр официально-деловой документации, посредством которой реализуется управление. *Интернет-общение* стало неотъемлемой частью государственной службы, в связи с чем в широкий обиход введены правила социального административного этикета, то есть грамотного ведения электронного документооборота и архивирования документов. Кроме того, государственные и муниципальные служащие

реализуют профессиональное взаимодействие с гражданами, в том числе осуществляя оказание государственных услуг посредством функционирования электронного правительства. Официальные интернет-порталы, создаваемые и регулируемые представителями органов власти, информируют российское общество об актуальных социально-политических изменениях. Сами государственные и муниципальные служащие работают с большими объемами информации и вынуждены уметь ее грамотно верифицировать. В связи с вышесказанным интернет-коммуникация так же, как устное или письменное общение, требует соблюдения норм современного русского литературного языка, тщательного отбора используемых языковых средств, пристального исследовательского внимания.

Несмотря на то, что последние языковые тенденции, характеризующие речевую деятельность представителей органов власти, свидетельствуют о смешении стилевых характеристик в устной, письменной и интернет-коммуникации (*стилевая глобализация*), представляется важным выявление особенностей официально-делового стиля и административно-политического дискурса.

Грамотную речь представителей власти характеризует соответствие нормам современного русского литературного языка, в том числе и нормам стилевым, подразумевающим выбор и организацию слов и словосочетаний в зависимости от определенного стиля, а также выбор стиля, который соответствует условиям общения и позволяет достичь цели коммуникации.

Дополнительные значения, свойственные словам и выражениям, помимо их основного лексического и грамматического значения соотносят языковые единицы с конкретными сферами общения и определяют их принадлежность к конкретному стилю речи. С выражением оценочности связан эмоционально-экспрессивный вид стилистической окраски, с разновидностями употребления языка в определенных сферах общения – функционально-стилистический. Согласно мнению А. И. Горшкова, под *стилем* понимается «исторически сложившаяся разновидность употребления языка, отличающаяся от других подобных разновидностей особенностями состава языковых единиц и особенностями их организации в единое смысловое и композиционное целое (текст)» [Горшков, 2006, с. 35].

Стилевыми чертами деловой речи, присутствующими на всех языковых уровнях, традиционно считаются *долженствующе-предписывающий характер изложения, однозначность и стандартизованность речи, неличный характер общения, использование клишированных фраз и выражений, доступность, четкость, логичность изложения, а также отсутствие интолкований.*

Интересно отметить, что учебники по культуре речи русского языка чаще всего не характеризуют официально-деловой стиль на *орфоэпическом (акцентологическом) уровне* в связи с использованием официально-делового стиля преимущественно в письменной речи. Однако, на наш взгляд, это является определенным упущением, поскольку именно орфоэпическая норма в речевой коммуникации современных госслужащих вызывает множество замечаний и нареканий со стороны гражданского общества.

Вместе с тем вполне очевидно, что именно административно-политический дискурс, прежде всего, должен характеризоваться строгим соблюдением орфоэпических и акцентологических норм современного русского литературного языка. По причине информационной открытости и доступности для всех членов российского общества административный социолект должен быть образцом правильности речи, в том числе в аспекте произношения. Транслируемость речи государственных и муниципальных служащих предполагает понятность высказываний, четкое и внятное произношение слов, хорошую дикцию, соблюдение норм постановки ударения, исключение орфоэпических диалектизмов и многое другое. В связи с постоянной реализацией публичных выступлений первостепенную важность приобретают регулирование интонации, умение держать паузы, соблюдение уместного тона и актуальной скорости речи. Одной из основных орфоэпических характеристик административно-политического дискурса XXI века становится доступность и понятность речи.

К характеристикам официально-делового стиля и административно-политического дискурса *на лексическом уровне* традиционно относят:

1) стилевую непроницаемость официально-делового стиля. Иностилевая лексика практически не проникает в лексическую систему официально-делового стиля. Это касается прежде всего деловой переписки и нормативно-правовой документации;

2) активное использование канцеляризмов, к которым традиционно относят:

- отглагольные существительные с суффиксами *-ениј-, -аниј-* и др.: *утверждение, нахождение, употребление, извлечение*, и бессуффиксальные: *отгул, уход, обмен*;

- отглагольные существительные, образованные при помощи приставок *не-, недо-*: *ненахождение, недораспределение, неприятие*. По причине того, что категории залога, лица, времени, вида и склонения отсутствуют у отглагольных существительных, их выразительные возможности ослабевают в сравнении с глаголами;

- глагольно-именные сочетания *проявить благосклонность, принять к сведению, разрешить к исполнению, подвергнуть наказанию*

и т. п. Глаголы, выступающие в качестве главных компонентов словосочетаний, имеют ограниченные сочетательные возможности, что способствует их устойчивости и сближению с фразеологизмами;

- отыменные предлоги: *посредством, в силу, в соответствии* и др. Расширенное употребление отыменных предлогов ранее было характерной особенностью книжного стиля, однако сейчас является определяющей чертой официально-делового стиля;

3) речевые штампы – отличительная особенность официально-делового стиля. К ним традиционно относят часто употребляемые лексемы со стертой семантикой и потускневшей эмоциональной окраской, а именно:

- шаблонные обороты речи: *на предварительном этапе, предыдущий период, на сегодняшний день* и т. п. Такие словосочетания подчеркивают официальность высказывания, однако не несут дополнительной смысловой нагрузки и часто являются причинами необоснованного многословия;

- используемые в различных коммуникативных ситуациях универсальные слова, имеющие обобщенное значение: *организация, ситуация, проект, вопрос, ряд* и т. п.;

- слова-спутники, или парные слова [Голуб, 2010, с. 148]: *мероприятие проведенное* или *планируемое, вопрос нерешенный* или *острый, критика резкая* или *конструктивная*. Лексически неполноценные определения в таких словосочетаниях могут быть причиной речевой избыточности. Необходимо отметить, что речевые штампы, с одной стороны, облегчают коммуникацию, являясь универсальными речевыми средствами, с другой – лишают речь индивидуальности и конкретности.

К грамматическим особенностям официально-делового стиля, связанным с его *долженствующе-предписывающим* и *именным характером*, а также *императивностью*, необходимо отнести:

1) высокочастотное использование имен существительных (в основном отглагольных существительных) и отыменных предлогов (*вследствие, в связи, в силу того что*);

2) употребление номинаций лица по должности или профессии в мужском роде: *директор, преподаватель, секретарь, заместитель начальника отдела*;

3) употребление существительных – номинаций лица соответственно определенному действию или состоянию, то есть номинаций лица, обозначающих роли участников ситуации: *организаторы, ответчики, проситель*;

4) следование одной формы родительного падежа за другой, то есть «нанизывание» родительного падежа имен существительных: *повышение начальника отдела управления администрации области*;

5) частотное использование кратких прилагательных и причастий модального характера (*обязан, должен, необходим* и т. д.) [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008, с. 325];

6) употребление инфинитива и инфинитивных конструкций, достаточно часто образующих многочленную цепочку взаимосвязанных инфинитивов (*приказываю утвердить, организовать, проконтролировать, составить план мероприятий, предоставить отчет* и т. д.);

7) использование глаголов несовершенного вида в жанрах наиболее общего характера, употребление форм совершенного вида в текстах более конкретного содержания (*должен выполнить, намерен сообщить* и т. д.);

8) использование глаголов «настоящего предписания или долженствования» [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008, с. 324] (*несет ответственность, облагается налогом* и т. д.);

9) присутствие оттенков долженствования и предписания в формах будущего времени (*ср.: организация обеспечит полную конфиденциальность, принимающая сторона возьмет все расходы на себя*);

10) присутствие значения «прошедшего подчеркнутой констатации» [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008, с. 324] в формах прошедшего времени, что оправдано коммуникативными задачами официально-делового стиля (*по прошествии определенного периода были обследованы все поврежденные объекты, произведена опись испорченного имущества, опрошены персонал и руководство больницы*);

11) *неличный характер* речи определяется отсутствием форм глагола 1-го и 2-го лица, отсутствием соответствующих личных местоимений, наличием и активным использованием собирательных существительных, а также существительных, выражающих совокупное единство (*ср.: электорат, директорат*);

12) использование предложений с однородными членами; наличие рубрицированных построений (*ср.: дирекция утверждает приказ № 345 «О необходимости обеспечения инклюзивного образования», приказ № 346 «О создании комиссии по организации инклюзивного образования», приказ № 347 «О назначении ответственных по организации инклюзивного образования»*);

13) употребление причастных оборотов (*ср.: В соответствии с приказом, утвержденным на собрании глав комитета по управлению персоналом, ответственные представители региональной сети приглашаются на совещание*).

В официально-деловом стиле наиболее жестко регламентируются стилевые нормы, заключающиеся не только в

употреблении устоявшихся формул, но и в строгом структурировании композиции каждого вида делового текста.

Речь государственных и муниципальных служащих лежит в рамках административно-политического дискурса и должна реализовываться в соответствии с канонами официально-делового общения. Однако результатом проведенного исследования стало выдвижение гипотезы о формировании другой стилевой системы современного языка госслужбы, определяемого многосторонними отношениями между литературным и разговорным языком, а также характеризуемого наиболее сложными нормами построения текста.

В настоящей главе будет представлен анализ речевых характеристик государственных и муниципальных служащих, проживающих и работающих на территории Владимирской области, проведенный в период с 2015 по 2018 год, и выявлен спектр наиболее значимых проблем, усложняющих деловую коммуникацию в профессиональной сфере.

Среди *положительных трендов* административно-политического дискурса XXI века необходимо выделить экстралингвистические и собственно лингвистические тенденции.

Среди *экстралингвистических* тенденций считаем необходимым указать на ряд следующих тезисов:

1) стремление государственных гражданских и муниципальных служащих выйти за границы архаичного административного дискурса. Современная коммуникация, подразумевающая устную, письменную и электронную формы общения, тяготеет к *стилевой глобализации* (по аналогии с *языковой глобализацией*, подробнее см. исследования П. К. Гречко, Г. А. Красновой [Гречко, Краснова, 2011], В. В. Громыко [Громыко, 2007], М. С. Романовой [Романова, 2009]). Имеется в виду, что речь представителей различных социальных групп приобретает общие черты и унифицируется. В административном и политическом дискурсе, в образовательной коммуникационной парадигме, в научном дискурсе и медиапространстве используются одни и те же языковые средства. Выбор определенных лексем все больше зависит только от речевой ситуации. Такое явление, прежде всего, связано с масштабными процессами глобализации, происходящими в современном мире и имеющими влияние в том числе и на сферу языка. Вопрос речевой глобализации интересует большое количество исследователей (см., например, работы О. П. Бабицкой [Бабицкая, 2017], Н. А. Людоговской [Людоговская, 2017], Л. В. Ружиной [Ружина, 2015] и др.). В связи с вышесказанным речь представителей органов власти должна быть *современной*, содержательно актуальной и этичной и обязательно соответствовать международным языковым стандартам;

2) **европеизацию** административно-политического дискурса, связанную с ориентацией на Запад и с экономико-политическим взаимодействием с другими странами. Экстралингвистическая тенденция к европеизации отражается в речи посредством процессов *активного заимствования* лексики из английского и американского варианта английского языка, а также *интенсивного внедрения* заимствованной лексики в словарный запас представителей органов власти. Исследование тенденции к европеизации в различных социальных сферах современной России является одним из актуальных направлений гуманитарного знания (см., например, работы Т. П. Баженовой [Баженова, 2005], А. А. Стрелкова [Стрелков, 2010], А. В. Тяжкова [Тяжков, 2008] и др.);

3) **демократизацию, модернизацию и инноватизацию** языка – в целом и административно-политического дискурса – в частности в последнее десятилетие считают наиболее актуальными речевыми трендами современной России (см., например, работы Е. М. Марковой [Маркова, 2017], В. А. Саляева [Саляев, 2009], Ю. Е. Чурсиной [Чурсина, 2017] и др.). Обсуждаемые процессы можно наблюдать на всех языковых уровнях административного социолекта. Наиболее подробный анализ перечисленных явлений представлен ниже. Интересными представляются наблюдения, сделанные нами на основе анализа речи государственных и муниципальных служащих Владимирской области: представители органов власти осознают **потребность совершенствовать собственную коммуникативную компетенцию**, исправлять допускаемые ошибки, обогащать речь, улучшать качество коммуникации;

4) к положительным факторам отнесем **стремление** государственных гражданских и муниципальных служащих **сделать речь наиболее образной и понятной** для представителей различных социальных, возрастных и гендерных групп. Такая тенденция подтверждается использованием лексических единиц различной стилевой направленности, а также использованием метафор, олицетворений и других тропов в качестве дополнительных средств образности речи (ср.: *Фундаментальность ваших деяний просто поразительна¹; Эффективность бездействия давным-давно подтверждена европейским опытом*);

5) в качестве положительной тенденции выделим **интеллектуализацию** (стремление интеллектуально обогатить речь) и **интеллигизацию** (соблюдение приоритета культурной, интеллигентной речи). По нашему мнению, регрессируется процесс вульгаризации и жаргонизации административного социолекта,

¹ Здесь и далее в этой главе представлены примеры, собранные из речи государственных и муниципальных служащих Владимирской области в период с 2015 г. по 2018 г.

актуализировавшихся в девяностые годы XX века. Современные государственные и муниципальные служащие в качестве одного из приоритетов профессиональной деятельности выделяют имиджевую составляющую государственной службы, подразумевающую в том числе компетентность и высокий уровень интеллектуального развития чиновников.

Следствием экстралингвистических трендов современного административно-политического дискурса становится выявление *собственно лингвистических* тенденций, к которым отнесем:

1) **расширение границ словарного состава** административно-политического социолекта, что подтверждает тенденцию к *стилевой глобализации* речи. Представители органов власти используют современную терминологию различных областей знания, часто в речи государственных и муниципальных служащих встречаются профессионализмы, не применявшиеся ранее. В широком смысле лексический состав административно-политического дискурса активно расширяется, начинают употребляться слова и выражения, ранее находившиеся в пассивном лексическом запасе (ср.: *комплексная оценка, проектный подход, стратегические перспективы, план реализации, фундаментирование, тренинг, сессия*);

2) экстралингвистическая тенденция к *европеизации* в устной форме проявляется в **заимствовании слов и выражений** из английского и американского языков (ср.: *онлайн-симулятор, онлайн-батл, тренд, софт-скилз*);

3) тенденция к *демократизации и модернизации* речи подтверждается процессом **активного, скоростного внедрения заимствованных лексем в словарный запас** государственных и муниципальных служащих;

4) тенденция к *инноватизации* административно-политического дискурса приводит к **новым словообразовательным процессам**. Сами представители государственного и муниципального управления образуют новые слова от заимствованных или русскоязычных слов (ср.: *драйверить от драйвер; пилотировать от пилотный, пилот*);

5) *стремление к образности и доступности* речи выражается в использовании государственными и муниципальными служащими **лексико-синтаксических средств выразительности речи**, к примеру, тропов, ранее не свойственных официально-деловому языку и административно-политическому дискурсу (ср.: *Курица в этом случае – работодатель, и он несет золотые яйца* (аллегория); *Топ-менеджеры давно играют в достоевских, только не понимают, что грабят в итоге банк и себя* (антономасия)).

Среди наиболее значимых проблем, с которыми сталкиваются государственные служащие во время устного, письменного и интернет-взаимодействия, можно назвать следующие.

1. **Отсутствие лаконичности.** Необходимость формулировать кратко свою мысль в беседе с руководителем, коллегами или подчиненным объясняется демонстрацией уважения к оппоненту и готовностью к беседе и экономии усилий и времени собеседника. Государственные служащие признаются, что испытывают трудности, когда пытаются четко и кратко сформулировать фразу. Этот факт имеет отношение и к устной, и к письменной речи. В иерархичном общении в ситуации эмоционального напряжения служащим сложно быстро изложить суть дела и наиболее точно выразить собственные мысли, используя минимальное количество языковых средств. В письменной коммуникации чрезмерное увеличение объема официально-деловых документов, ссылки на всевозможные нормативно-правовые акты усложняют прочтение, понимание и интерпретацию предоставленной информации, что замедляет процесс взаимодействия. По данным проведенного в 2017 г. этико-лингвистического опроса, из 300 государственных гражданских служащих проблему организации лаконичной коммуникации признают 87 %.

2. Вместе с тем недостатком речи государственных служащих является **бедность речи и информационная недостаточность** сообщений. К негативным коммуникативным характеристикам можно отнести неумение подобрать «нужное, правильное» слово, синоним или антоним. Следствием невладения средствами русского языка в достаточной мере является неумение предоставить достаточную полноценную информацию, отвечающую целям и характеру общения, что затрудняет однозначную интерпретацию речи. По данным этико-лингвистического опроса, информационную недостаточность в качестве коммуникативного барьера выделили 66 % опрошенных.

3. Негативной тенденцией современного административного социолекта является **использование художественных средств речи со словами-паразитами и грубо-просторечными оценочными лексемами.** Ср., к примеру: *Сколько вы платите рабочим? Персоналу? С гулькин нос от общей прибыли. Мы хотели, так сказать, исправить ситуацию, получили, так сказать, сомнительный результат.* Использование слов-паразитов и слов-сорняков в качестве коммуникативного барьера отметили 54 % опрошиваемых.

4. Недостатком речи представителей государственного и муниципального управления является проблема **недостаточной красоты и грамотности речи.** Можно отметить скудность и однообразие употребляемых фраз и выражений, что придает устной и письменной речи госслужащих преувеличенно официальный,

отстраненный тон. Потерю уверенности и комфорта в официально-деловой ситуации общения в качестве проблемы выделили 79 % служащих.

В рамках дополнительных профессиональных программ повышения квалификации по русскому языку и культуре речи государственные и муниципальные служащие Владимирской области сами называли основные коммуникативные барьеры, затрудняющие профессиональное общение. Обучение прошли 320 служащих. 100 % опрошенных признали наличие коммуникативных барьеров. В процентном соотношении результаты этико-коммуникативного опроса и выявления наиболее значимых проблем при реализации официально-делового взаимодействия представлены на рисунке 3.

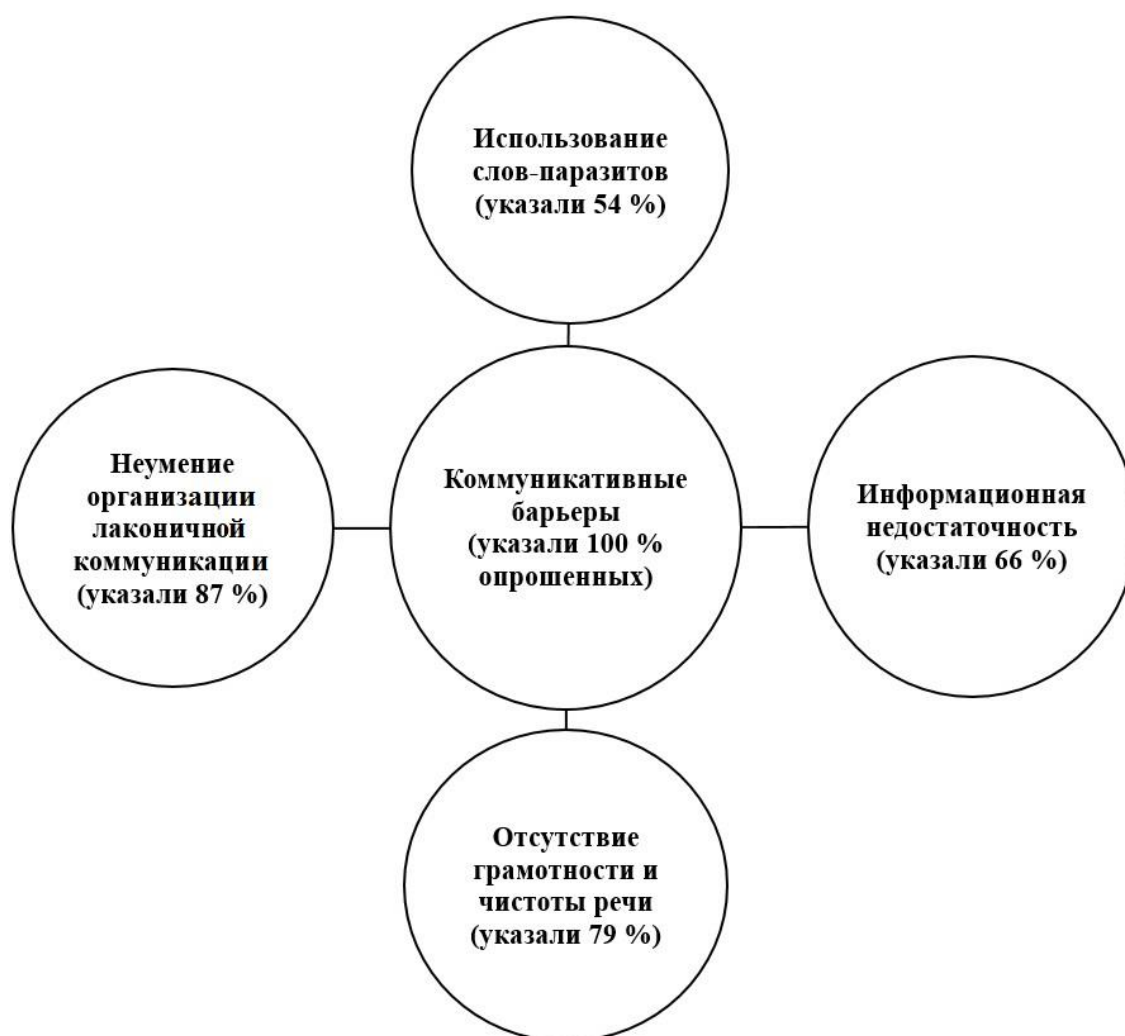

Рис. 3. Наиболее значимые коммуникативные барьеры

Необходимо понимать, что на сегодняшний день официально-деловая речь и административно-политический дискурс претерпевают серьезные изменения на всех языковых уровнях. Несмотря на то, что сохраняется большинство экстралингвистических условий, поддерживающих речевые традиции административно-политического дискурса, среди которых необходимо назвать *иерархичность общения и жесткую субординацию, Вы-общение, динамичность административного жаргона, подражание речи политических лидеров, профессиональную речевую деформацию* и мн. др., речь представителей государственного и муниципального управления претерпевает ряд существенных изменений. В этой связи языковой портрет государственного служащего отражает речевые тенденции российского общества XXI века.

3.2. Особенности устной речевой реализации языкового портрета государственных служащих

Заговори, чтоб я тебя увидел.
Сократ

3.2.1. Орфоэпические особенности

Административно-политический дискурс в устной форме общения подразумевает реализацию представителями государственного и муниципального управления публичных выступлений, межведомственного и внутриведомственного общения, грамотное и этичное взаимодействие с гражданами Российской Федерации.

Динамичности и вариативности системы орфоэпических норм современного русского литературного языка посвящено большое количество исследований (см., например, работы С. В. Князева, С. К. Пожарицкой [Князев, Пожарицкая, 2017], О. В. Поляковой [Полякова, 2017], Д. А. Романова [Романов, 2017]).

В современном российском обществе актуальна проблема соблюдения орфоэпических норм носителями русского языка как иностранного, что обусловлено многонациональным составом населения Российской Федерации (см., например, работы Е. Г. Данеляна [Данелян, 2017], Р. Г. Колочковой [Колочкова, 2010], В. С. Маркелова, В. В. Чжуан [Маркелов, Чжуан, 2012] и др.).

Акцентологические нормы русского языка и вопросы многовариантности постановки ударения более ста лет остаются под пристальным вниманием исследователей (см. работы М. Д. Вежбитова [Вежбитов, 2016], М. И. Воробьевой [Воробьева, 2015], О. В. Грызиной [Грызина, 2015] и др.).

Публичная речь политиков, партийных лидеров, представителей властных структур, государственных гражданских и муниципальных служащих активно интерпретируется в современных средствах массовой информации. Исследовательский приоритет начиная с восьмидесятых годов XX века отдается изучению орфоэпической системы русского языка в публичном и административно-политическом дискурсе.

К орфоэпическим нормам традиционно относят: 1) произносительные нормы, 2) нормы постановки ударения, 3) интонационные нормы [Загоровская, Шестакова, 2004, с. 3].

Ранее орфоэпические нормы регламентировались речью представителей престижных профессий. Так, в конце XIX – начале XX века образцовой считалась сценическая речь, в XX веке орфоэпические нормы стали фиксироваться в специальных словарях и справочниках,

предназначенных для сотрудников радио и телевидения (см., к примеру, «Словарь ударений для работников радио и телевидения» Д. Э. Розенталя, М. Я. Зарвы [Розенталь, Зарва, 1984], «Словарь ударений для дикторов радио и телевидения» Л. А. Введенской [Введенская, 2003] и др.).

Последствием жаргонизации и вульгаризации административного социолекта в девяностые годы XX века стала потеря ортологического ориентира, в том числе в аспекте орфоэпии. В XXI веке чистота и правильность речи представителей властных структур становится имиджевым трендом государственной службы.

По нашему мнению, можно выделить некоторые *социальные* и *индивидуальные* факторы, влияющие на формирование системы орфоэпических норм у представителей государственного и муниципального управления. К *социальным* факторам прежде всего отнесем следующие.

1. *Место рождения и место жительства.* Современные представители государственного и муниципального управления стараются следовать орфоэпическим нормам современного русского языка, то есть фонетическим традициям, сформированным на базе московской и ленинградской фонологических школ и характерным для носителей русского языка центральных округов Российской Федерации. Однако практически оказывается невозможным скрыть диалектные особенности произношения, к примеру, мягкое произношение фрикативного [γ], присущее жителям южных регионов. Кроме того, стоит отметить, что государственные служащие, проживающие в областных центрах, наиболее свободны от диалектологических особенностей по сравнению с муниципальными служащими, проживающими в районах. Фонетические особенности, присущие местным жителям, так или иначе перенимаются муниципальными служащими в процессе профессионального и бытового общения.

2. *Возраст.* Некоторые орфоэпические особенности связаны с возрастом представителей государственного и муниципального управления. К примеру, произнесение мягких и долгих шипящих [дожж'и] (вместо [дожд'и]) присуще наиболее старшему поколению представителей органов власти. К возрастным особенностям отнесем произнесение мягких согласных в словах [м'эн'эджэр] (вместо [мэнэджер]); [к'ам'п'јут'эр] (вместо [камп'јутэр]) и т.д. Отметим, что довольно часто профессиональная деятельность государственных и муниципальных служащих реализуется на протяжении всего жизненного пути. Статистические данные свидетельствуют о том, что более 30 % служащих Владимирской области относятся к возрастному критерию от 50 до 70 лет. В этой связи речевые особенности, связанные

с возрастными физиологическими изменениями, могут считаться значимым фактором.

3. К социальным аспектам речевых характеристик на орфоэпическом уровне можно отнести *национальность* служащего. Несмотря на то, что для большинства государственных и муниципальных служащих русский язык является родным языком, при формировании речевого портрета современного служащего важно учитывать специфику орфоэпических национальных особенностей. Неоспоримо существование различий в произношении татар, башкир, чувашей, чеченцев, армян, мордвы, казахов, азербайджанцев, удмуртов и др.

4. Важными критериями формирования орфоэпических особенностей представителей государственной и муниципальной службы являются факторы *социального положения, уровня образованности и воспитания*. В этой связи дополнительное профессиональное образование служащих, направленное на совершенствование профессиональных компетенций, в том числе и коммуникативной, играет решающую роль и компенсирует недостаток речевой практики и знаний русского языка.

5. Среди прочих социальных факторов отметим *подражание современным политическим лидерам*. Копирование индивидуальной коммуникативной манеры становится определенной заменой действовавшему ранее речевому образцу – ориентиру на речь представителей лингвоинтенсивных профессий. Показательна востребованность курсов ораторского искусства «Говори, как Путин», «Учись говорить, как Путин», «Говорим, как Путин» (см., например, электронные ресурсы studbooks.net [URL: <https://studbooks.net>], syntone.ru [URL: <http://syntone.ru>], ustinow.ru [URL: <http://ustinow.ru>] и др.).

К индивидуальным факторам, формирующим орфоэпические характеристики государственных и муниципальных служащих, отнесем *фонетические особенности, связанные с правильным или патологическим развитием артикуляционного аппарата, физиологическими особенностями конкретного индивидуума (задержки речевого развития в детстве, заикание и др.), психологическими факторами формирования личности (интерес или его отсутствие по отношению к русскому языку, сформированный в дошкольном и школьном возрасте, любовь к чтению, сценический опыт и др.)* и другими индивидуальными способностями. Хорошая дикция и правильная речь, с одной стороны, формируются у личности на протяжении всей жизни и профессиональной деятельности, они могут и должны развиваться, с другой – существует большое количество индивидуальных аспектов, влияющих на ораторские возможности, которые сложно игнорировать.

В рамках регионального исследования нами были выделены положительные и отрицательные характеристики речи государственных и муниципальных служащих на орфоэпическом уровне.

К положительным тенденциям необходимо отнести следующие.

1. Практическое *отсутствие диалектологических особенностей* в речи государственных и муниципальных служащих. На интерактивных занятиях в рамках дополнительных профессиональных программ повышения квалификации «Деловой русский на государственной гражданской службе» и «Деловой русский на муниципальной службе» представители органов государственного и муниципального управления в дискуссионном режиме обсуждали коммуникативные проблемы, с которыми им приходится сталкиваться в профессиональной деятельности. Судя по опыту их публичных выступлений, необходимо отметить высокий уровень орфоэпической грамотности. Безусловно, присутствуют фонетические особенности у муниципальных служащих, работающих в округах и районах Владимирской области. Однако незначительные отклонения от орфоэпической нормы компенсируются грамотностью и выразительностью речи.

2. Одной из основных положительных тенденций является *стремление представителей органов власти соблюдать акцентологические нормы*. Государственные и муниципальные служащие признают, что трудности с правильной постановкой ударения, а также несоблюдение орфоэпических норм современного русского литературного языка снижают качество публичных выступлений, негативно влияют на имиджевую составляющую государственной службы, замедляют взаимодействие между государством и обществом (особенно с интеллигенцией). Лингвистическими факторами, затрудняющими правильную постановку ударения, является незакрепленность русского ударения за определенным слогом, его возможная подвижность и вариативность. Хочется отметить, что государственные гражданские и муниципальные служащие Владимирской области понимают процесс вариативности и динамичности акцентологических норм, в связи с чем считают необходимым обращаться к академическим словарям и справочникам, регламентирующим орфоэпические и акцентологические нормы. Для реализации теоретических знаний в практической профессиональной деятельности представителей государственного и муниципального управления Владимирской области нами было создано учебное пособие «Русский язык и культура речи», которое предоставляется служащим во время прохождения дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и находится в свободном доступе в сети «Интернет» (см.: [Котлярова, 2016], [URL: <https://elibrary.ru>]).

3. В качестве положительной тенденции отметим *стремление* представителей государственного и муниципального управления *соблюдать интонационные нормы*. Администрация Владимирской области ежегодно проводит конкурс «Лучший государственный служащий Владимирской области» и «Лучший муниципальный служащий Владимирской области». На финальном этапе в рамках публичного выступления участники защищают авторские проекты. Конкурсная комиссия оценивает в том числе и ораторское мастерство государственных и муниципальных служащих, их умение корректно и грамотно отвечать на неожиданные и сложные вопросы, логично аргументировать свою позицию и отстаивать собственное мнение в дискуссионном формате.

Несмотря на традиционное мнение, что речь государственных служащих должна соответствовать нормам современного русского литературного языка и служить образцом грамотной коммуникации для всех представителей общества, многие лингвисты всё чаще указывают на несовершенный характер речевых реализаций современных государственных служащих. В частности, анализ материалов круглого стола «Роль языковых средств в деле формирования положительного имиджа государственного служащего», проведенного в 2016 году в Академии государственной противопожарной службы, свидетельствует о существующей проблеме правильности речи государственных служащих. К примеру, С. Е. Ершова в статье «Культура деловой речи государственного служащего экономического профиля» заметила следующее: «Деловая речь государственных служащих экономического профиля, безусловно, не является образцовой и содержит множество ошибок в произношении, которые можно назвать "фонетическими вирусами"... Многим служащим приходится выступать на публике, и их речь не блещет чистотой и правильностью» [Ершова, 2016, с. 48].

К отрицательным тенденциям, характеризующим речь государственных и муниципальных служащих на орфоэпическом уровне (так называемым «фонетическим вирусам»), необходимо отнести периодическое *несоблюдение акцентологических норм* современного русского литературного языка. Ср., например: **безудЕржный* (вместо *безУдержный*); **бухгалтерОв* (вместо *бухгалтеров*); **вАловой* (вместо *валовОй*); **вмЕненный* (вместо *вменЁнный*); **взрывчАтый* (вместо *взрЫвчатый*); **восьмичасОвые* (вместо *восьмичасовЫе*); **вклЮчим* (вместо *включИм*); **втридОорога* (вместо *втриИдорога*); **гербОвый* (вместо *гЕрбовый*); **диАлог* (вместо *диалОг*); **договорА* (вместо *договОры*); **по дОлговым* (вместо *по долговЫм*); **должностЕй* (вместо *дОлжностей*); **жалостлИвого* (вместо *жАлостливого*); **истеблишмЕнт* (вместо *истЕблишмент*); **квАртал* (вместо *квартАл*); **квотировАние* (вместо *квотИрование*);

*красивЕйший (вместо красИвейший); *красивЕе (вместо красИвее); *мАркетинг (вместо маркЕтинг); *мотивирОванный (вместо мотивИрованный); *намерЕний (вместо намЕрений); *нАчавшихся (вместо начАвшихся); *не нужнО (вместо не нУжно); *нормирОванный (вместо нормИрованный); *обеспечЕние (вместо обеспЕчение); *облЕгчить (вместо облеГчить); *Оптовый (вместо оптОый); *позвОнит (вместо позвонИт); *посуровЕла (вместо посурОвела); *прибылЕй (вместо прИбылей); *редакторАми (вместо редАкторами); *сИроты (вместо сирОты); *склоннЫ (вместо склОнны); *средствА (вместо срЕдства); *трАнсфер (вместо трансфЕр); *укрАинец (вместо украИнец); *услугУбить (вместо услугУбить); *ходатАйствами (вместо ходАтайствами).

Некоторые примеры нарушения акцентологических норм в рамках административно-политического дискурса свидетельствуют об актуальности проблемы и необходимости ее устранения: *Политика американского правительства по отношению к России посуровЕла в последние десятилетия; Мы не можем игнорировать факторы затруднения нАчавшихся переговоров; СредствА на общественные нужды предусмотрены государственным бюджетом; Своими истеблишмЕнтами не пугайте союзников; Мы, конечно, вклюЧим ваш проект в план стратегического развития до 2025 года; Не вы работаете по дОлговым обязательствам; Общественных намерЕний недостаточно для получения результатов; Нам не нужнО ваше мнение, оно субъективно; Разделение прибылЕй не всегда удовлетворяет вкладчиков; ОблЕгчить напор драйверов проектного управления помогает американский опыт; С редакторАми публичных выступлений будет вообще отдельный разговор; ВосемичасОвые переговоры не дали результатов; Многоуровневыми ходатАйствами вы добьетесь еще большей отсрочки; ЖалостлИвого правительства народ не потерпит; На центральных улицах возвЕдены прекрасные здания; СклоннЫ в вашу пользу только несколько голосов; УслугУбить ситуацию может любой участник пленарного заседания и т.д.* Причины неправильной постановки ударения могут быть различными: незнание нормы, привычка говорить неправильно, влияние профессиональной сферы, динамичность норм и мн. др.

Обозначим возможные варианты формирования и развития коммуникативной компетентности государственных и муниципальных служащих на орфоэпическом уровне.

По нашему мнению, одним из основных факторов, формирующих у государственных и муниципальных служащих орфоэпическую грамотность, является профессиональная привычка обращаться к академическим словарям и справочникам, регламентирующим акцентологические и орфоэпические нормы современного русского литературного языка. Очень важна тщательная

подготовка ко всем публичным выступлениям (проверка правильного произнесения сложных слов, проверка правильной постановки ударения). Необходима вербальная тренировка, подразумевающая произнесение речи вслух с корректировкой интонации, тона, скорости речи. Значима обдуманная расстановка логических акцентов при произнесении подготовленной речи, интонационное выделение содержательно важных моментов, умение привлечь слушателя посредством правильно выбранной интонации, усиление или уменьшение громкости голоса. Необходимо отметить, что административно-политический дискурс подразумевает использование разнообразной общеупотребительной и специальной лексики. В этой связи трудности с правильной постановкой ударения логичны и закономерны. Однако формирование и совершенствование коммуникативной компетентности государственных и муниципальных служащих, заключающиеся в том числе и в соблюдении орфоэпических норм, невозможны без постоянной речевой практики, позволяющей выявлять существующие недостатки и работать над их устранением.

3.2.2. Лексические и словообразовательные характеристики

Можно с уверенностью утверждать, что «основные проявления языковых инноваций нашего времени сконцентрированы в лексико-семантической сфере» [Юдина, 2006, с. 228]. Лексический и фразеологический уровни языка наиболее отчетливо демонстрируют многообразие стилистической окраски. Функционально-стилистическая окраска малозаметна, когда она выступает в «своем стиле», потому что там она естественна и органична. Но когда функционально окрашенные единицы употребляются вне своей сферы, они сразу становятся заметным выразительным средством [Горшков, 2006, с. 38].

Анализируя лексические и словообразовательные особенности речи современных государственных и муниципальных служащих, отметим так называемый дуализм административно-политического дискурса [Котлярова, 2018]. Он заключается, с одной стороны, в абстрагированности административного социолекта как специфического языка государственной службы, с другой – в публичности представителей органов власти, демонстративности и информационной открытости государственного управления, провоцирующей обязательную общедоступность, понятность речи государственных служащих как необходимого связующего звена между государством и гражданами, а также как основы формирования языковой моды и языкового вкуса.

Существует распространенное исследовательское мнение о том, что в 90-е годы XX века, именуемые постсоветским периодом истории России, происходила жаргонизация административно-политической речи (речевым тенденциям функционирования русского языка в конце XX – начале XXI века посвящено большое количество работ отечественных исследователей, см., к примеру: [Русский язык и современность, 1991], [Русский язык конца XX столетия, 1985-1995], [Русский язык сегодня, 2000], [Скляревская, 2004], [Скляревская, Ткачева, 2004], [Юдина, 2010] и др.).

Устаревающие процессы жаргонизации, или вульгаризации языка, связанные с прошедшими негативными социально-экономическими и политическими событиями в нашей стране, приводящие к духовным и общественным кризисам, в настоящее время перестают быть актуальными и прогрессирующими.

В качестве альтернативы процессу жаргонизации (криминализации) в начале XXI века начинают прогрессировать языковые процессы «демократизации, модернизации и инноватизации» речи государственных и муниципальных служащих, заключающиеся в «осовременивании» архаичного административно-политического дискурса. По нашему мнению, эта тенденция отражает стремление

чиновников, политиков, представителей государственной власти сделать свою речь более современной, отражающей последние общемировые тренды мировой экономики и новейшие социально-экономические изменения в стране.

Основываясь на этико-лингвистических исследованиях, проведенных нами во Владимирской области в 2015-2019 гг., а также на примерах устной коммуникации носителей административного социолекта, зафиксированных в социальных сетях, обозначим положительные и отрицательные тенденции динамики административно-политического дискурса на лексическом и словообразовательном уровнях, подтверждающие существование экстралингвистических трендов, к которым относим *стилевую глобализацию административно-политического дискурса, европеизацию официального языка, демократизацию, инноватизацию и модернизацию*, а также *интеллектуализацию и интеллигизацию* речи.

К *положительным* тенденциям административно-политического дискурса XXI века на лексическом и словообразовательном уровнях отнесем:

1) *смещение официально-делового и разговорного стилей речи*. Результатом такого процесса является употребление нейтральной лексики в переносном значении, а также использование просторечных слов и выражений в рамках административного социолекта. Подобные процессы обоснованы стремлением государственных и муниципальных служащих сделать речь наиболее понятной и доступной для разных социальных, возрастных и гендерных групп. Ср., например: *наладка процессов, замораживание среднего класса*;

2) *заимствование актуальных лексем из иностранных языков (английского и американского варианта английского) и их внедрение в административный социолект*. С этим процессом тесно связана тенденция к *ускоренной адаптации слов в русском языке*, подразумевающая быстрое образование однокоренных слов от заимствованных лексем. Ср., например: *тайминг мероприятия – тайминговать дискуссионную панель*;

3) *появление неологизмов, образующихся от недавно заимствованных или русских слов, употреблявшихся ранее в несвойственном для них значении*. Ср., например: *отпилотированный в недалеком времени проект*;

4) *интеллектуализацию административно-политического дискурса*, подтверждаемую обозначенными выше процессами и демонстрирующую собой креативность, образность мышления представителей отрасли государственного и муниципального управления. Увеличение количества активно используемых лексем, заимствование слов из других языков и их внедрение в систему русского языка, а также процесс словообразования подтверждают

наличие творческого нестандартного подхода представителей органов власти к языку.

К *отрицательным* тенденциям лексического и словообразовательного уровней административно-политического дискурса отнесем:

1) *смешение официально-делового и разговорного стилей речи* с использованием в меньшей степени *жаргонных лексем* и в большей степени *грубо-просторечных или просторечных слов и выражений*, что не соответствует коммуникативным задачам официального языка и в значительной степени снижает качественную характеристику административного социолекта. Ср., например: *Нам ваша халява не нужна; А она (экономика) кувырк и перевернулась;*

2) *необоснованное заимствование лексических единиц из английского языка*. Современная речь представителей органов власти изобилует иностранными словами, значение которых не всегда понятно другим представителям российского общества. Использование подобных единиц в речи, с одной стороны, демонстрирует высокий уровень знаний оратора, но с другой, особенно в рамках публичных выступлений, констатирует неуважительное отношение к слушателям, так как открыто демонстрирует, что оратор знает больше, чем аудитория. Злоупотребление иностранными словами затрудняет взаимодействие между говорящим и слушающими. К необоснованному употреблению заимствований присоединяется процесс *коверканья* иностранных лексем. К примеру, заимствованный термин *soft-skills*, обозначающий гибкие, лабильные профессиональные навыки, в административном социолекте часто звучит как *софт-скилы* или просто *скилы* (то есть происходит образование формы множественного числа существительного посредством русской системы формообразования, при помощи присоединения окончания *-ы*). С одной стороны, такой пример демонстрирует включение в речь элементов языковой игры (см. § 3.4) и свидетельствует о творческом подходе к языку, с другой – искажение формы заимствованного слова деформирует значение термина и затрудняет его интерпретацию.

Скоростное внедрение заимствованной терминологии в систему современного русского литературного языка также не всегда имеет положительные последствия. В большинстве случаев языковая адаптация заимствованной лексемы не происходит. Иностранное слово не становится общеупотребительным в системе русского языка. Заимствованная лексема, как правило, функционирует ограниченное количество времени, употребляется недостаточным количеством говорящих, в результате у носителей русского языка возникают трудности с правильным произнесением и написанием такого рода слов, а главное – наличие таких лексем в языке представителей власти

разрушает доступность и понятность речи. Ср., к примеру: *фит-бэк в управлении не провал, а карьерный ход*;

3) образование неологизмов от русских и иностранных, имеющее не только положительные, но и негативные последствия. Государственные и муниципальные служащие, образуя подобные новые слова, нарушают нормы современного русского языка. Присутствие подобных примеров в речи представителей власти, с одной стороны, создает фундамент для реализации лингвокреативной деятельности чиновников, а с другой – демонстрирует небрежное отношение к русскому языку, возможность необоснованно «играть» языковыми средствами. Если предположить, что административно-политический дискурс является речевым образцом для других представителей общества, подобного рода небрежное отношение подрывает ценности административной культуры и бережного обращения с русским языком. Ср., к примеру: *стартапить может каждый, вопрос чистой прибыли при этом остается открытым*.

Проиллюстрируем обозначенные выше положительные и отрицательные тенденции собранным языковым материалом.

Особенности функционирования имен существительных

1. Одной из основных тенденций, демонстрирующих процессы модернизации и демократизации административно-политического дискурса, является тенденция к *смешению официально-делового и разговорного стилей речи*. Стилевое смешение, или *стилевую глобализацию*, можно назвать актуальным трендом, демонстрирующим развитие языка власти. Интернет-коммуникация и устная форма общения подвижны и подвержены наибольшему изменению по сравнению с письменной формой. Процесс стилевой глобализации условно делится на 3 уровня по критерию нейтральности и стилистической окрашенности задействованных лексических единиц: 1.1) уровень смешения *официально-деловой лексики с нейтральными, общеупотребительными словами в переносном, несвойственном им ранее значении*; 1.2) уровень смешения *официально-деловой лексики с разговорной лексикой*; 1.3) уровень смешения лексики *официально-делового стиля с жаргонной, просторечной, грубо-просторечной и сниженной лексикой*.

1.1. С точки зрения функционирования имен существительных процесс *диффузии общеупотребительной и официальной лексики* часто сопровождается игнорированием норм современного русского литературного языка.

Результатом проведенного исследования стало выделение следующих лексико-семантических групп имен существительных, наиболее часто употребляемых в административно-политическом дискурсе:

а) существительные с расширяющейся семантикой (ср.: *история, сценарий, сюжет, продукт, проект*). К таким случаям необходимо отнести употребление существительных в переносных значениях, в том числе и не зафиксированных до настоящего времени в лексикографических источниках. При этом основное лексическое значение слова расширяется, получает обобщенную коннотацию, становится дефиницией для множества явлений действительности. К таким примерам относятся существительные, обозначающие обобщенные абстрактные понятия и в определенном контексте имеющие возможность приобретать различные значения: *история* – 1. Действительность в ее развитии, движении. 2. Совокупность наук, изучающих прошлое человеческого общества. 3. чего или какая. Наука о развитии какой-нибудь области природы, знания. 4. чего. Ход развития, движения чего-нибудь. 5. Прошлое, сохраняющееся в памяти человечества. События, вошедшие в историю. 6. Рассказ, повествование (разг.). 7. Происшествие, событие, преимущественно неприятное (разг.) [ТСРЯ, 2011]. Ср.: *Это не разовая история* (история в значении «происшествие, событие»); *Есть положительная, но есть и отрицательная история* (история в значении «последствие»). *Сюжет* – в литературном или сценическом произведении – последовательность и связь описания событий; в произведении изобразительного искусства – предмет изображения [ТСРЯ, 2011]. Ср.: *Можно утверждать, что это не его сюжет* (сюжет в значении «деятельность, в которой кто-то не добился результатов»). *Сценарий* – 1. Драматическое произведение с подробным описанием действия и реплик, предназначенное для создания кино- или телефильма, а также краткая сюжетная схема театрального представления, спектакля. 2. Список действующих лиц пьесы с указанием порядка и времени выхода на сцену (спец.). 3. Заранее подготовленный детальный план проведения какого-н. зрелища, вообще (перен.) осуществления чего-нибудь [ТСРЯ, 2011]. Ср.: *Это другой сценарий* (сценарий в значении «план действий»); *Такими сценариями нас забрасывать не нужно* (сценарий в значении «идея, предложение»). *Проект* – 1. Разработанный план сооружения, постройки, изготовления или реконструкции чего-либо. 2. Предварительный, предположительный текст какого-либо документа. 3. План, замысел, намерение. 4. разг. Самостоятельная деятельность, осуществляемая с целью получения личной выгоды, дохода [БТС, 2000]. Ср.: *Реализация проекта напрямую зависит от финансирования* (проект в значении «масштабное мероприятие»); *Проекты во всем – управленческий тренд XXI века* (проект в значении «применение проектного подхода»). *Продукт* – 1. Предмет как результат человеческого труда. 2. обычно мн.: продукты, продуктов. Предметы питания, съестные припасы. 3. Вещество, образующееся химическим или иным путём из другого

вещества. 4. То, что служит для изготовления чего-либо. 5. чего. Порождение, следствие, результат чего-либо [ТСРЯ, 2011]. Ср.: *Продукт, контент, что вы производите* (продукт в значении «концепция производства»); *Ваш продукт не интересоваляет в связи с отсутствием его уникальности* (продукт в первом словарном значении – «результат труда»).

Важно отметить, что данные лексические единицы имеют обобщающие значения, не отличаются конкретностью и в ряде случаев формируют неоднозначность высказывания, наполняясь определенным содержанием только исходя из контекста. Без дополнительного контекста невозможно понять, о чем идет речь, лексемы *история, сюжет* и *сценарий* могут характеризовать любое событие, мероприятие, действие и т. д. Интересно заметить, что в большинстве текстов эти существительные могут выступать в качестве синонимов, однако благодаря их абстрактному значению происходит отклонение от дискуссионной конкретики и затрудняется интерпретация речи.

В этой связи справедливо мнение М. Кронгауза, считающего, что употребление подобных слов обобщает суть высказывания, с одной стороны, «скрывает суть дела, с другой стороны, придает делу серьезность и значительность. Когда кто-то говорит: "Я участвую в проекте", это может означать все что угодно, то есть буквально все или ничего. Точно так же за выпуском нового продукта может скрываться нечто значительное, а может – ерунда. Мы оставляем собеседнику возможность самому додумать, конкретизировать сказанное нами, заполнить пустоты, создаваемые чрезмерной абстрактностью, желательно в выгодном для нас ключе» [Кронгауз, 2008, с. 33];

б) отглагольные существительные с общим значением «действия в отвлечении от их производителей и вне связи с их временным протеканием» (ср.: *настройка, наладка, наращивание, развязка, замораживание, отъедание, провал*):

- отглагольные существительные с лексическим значением «регулирование, налаживание какого-либо действия» (ср.: *настройка, наладка, наращивание*). *Настройка* – см. *настраивать* – 1. что. Натягивая (струны), придать (музыкальному инструменту) определенное звучание. 2. что. Установить для приема радиоволн определенной длины. 3. что. Отрегулировать, привести в нужное техническое состояние. 4. перен., кого (что). Привести кого-нибудь в какое-нибудь настроение, внушить кому-нибудь какие-нибудь чувства, мысли по отношению к кому-нибудь, чему-нибудь [ТСРЯ, 2011]: Ср.: *Настройка обсуждаемых процессов связана прежде всего с проектным управлением* (существительное *настройка* имеет обобщенное значение *налаживания определенной методологии*, однако представленный контекст лишен точности высказывания).

Наладка – см. *наладить* – 1. Привести в рабочее состояние, отрегулировать, сделать пригодным для пользования. 2. Устроить, организовать. 3. Настроить на нужный лад (музыкальный инструмент) (разг.) [ТСРЯ, 2011]. Ср.: *Проектное управление – это механизм наладки процессов, которые существуют* (существительное *наладка* имеет контекстуальное значение *регулирование процесса*). *Наращивание* – см. *нарастить* – 1. что. Заставить вырасти, образоваться. 2. что. Удлинить, увеличить прибавлением чего-нибудь. 3. перен., что. Увеличить, усилить. 4. что и чего. Вырастить в каком-нибудь количестве (разг.). Ср.: *Наращивание наукоемкого спектра услуг* (существительное *наращивание* в данном контексте обозначает *расширение, улучшение, актуализацию*);

- отглагольные существительные с лексическим значением «приостановление или прекращение какого-либо действия» (ср.: *развязка, замораживание*). *Развязка* – см. 1. развязаться. 2. Конец, завершение каких-нибудь сложных событий, ситуаций; заключительная часть драматического или иного литературного произведения. 3. Дорожное сооружение – разветвление для распределения потоков транспорта (спец.) [ТСРЯ, 2011]. Ср.: *Если вы отыщите развязки в этой истории, то государственные организации и бизнес-структуры по-прежнему смогут сотрудничать* (существительное *развязка* имеет значение *выход из создавшейся ситуации*); *Руководству удалось все эти развязки пройти* (контекстуальное значение существительного *развязка* – *сложность, препятствующая достижению цели*). *Замораживание* – см. *заморозить* – 1. кого-что. Подвергнуть действию холода, мороза, дать замерзнуть, застыть. 2. что. Сильно остудить (разг.). 3. Подвергнуть местному обезболиванию (разг.). 4. перен., что. Оставить на прежнем уровне или неиспользованным [ТСРЯ, 2011]. Ср.: *Замораживание среднего класса происходит регулярно* (существительное *замораживание* имеет контекстуальное значение *остановка в развитии*);

- отглагольные существительные с лексическим значением «разъединение с чем-либо, отсоединение от чего-либо» (ср.: *отъедание*). *Отъедание* – см. отъедать – отъединить, кого или что. Разъединить, отделить, отсоединить [ТСРЯ, 2011]. Ср.: *Существует одна конкурентная стратегия – это отъедание рынка у конкурентов* (существительное *отъедание* имеет значение *изъятие материальных ресурсов у конкурентов*);

- отглагольные существительные с лексическим значением «поражение, крах, неудача» (ср.: *провал, развязка*). *Провал* – см. провалиться. 1. Провалившееся место, углубление. 2. Полная неудача в каком-нибудь деле. 3. перен. Потеря восприятия окружающего, способности понимать, ясно мыслить (при некоторых болезнях,

опьянении) [ТСРЯ, 2011]. Ср.: *У нас огромный провал – это связь с ростом экономики (существительное провал имеет контекстуальное значение пробел, слабое место); Есть провалы, которые говорят о том, что в этих регионах есть проблемы с малым инновационным бизнесом (провалы в значении отрицательные факторы, показатели).*

1.2. Процесс стилевого перемешивания *разговорной и деловой лексики* усугубляет процесс вульгаризации языка. Несмотря на стремление государственных и муниципальных служащих сделать речь простой и доступной для всех, происходит злоупотребление просторечной лексикой, демонстрирующее бытовую коммуникацию, не свойственную для представителей государственного управления и негативно влияющую на восприятие их речи.

Среди разговорной лексики можно выделить экспрессивно-оценочные слова с ярко выраженным пейоративным оттенком (ср.: *приукрас, головотяпство*). *Приукрас* – разговорная форма существительного, образованная от глагола *приукрасить* – преувеличить в своём рассказе что-л. положительное; расцветить [БТС, 2000]. Ср.: *Здесь говорю без всяких приукрас. Головотяпство* – неодобр. крайняя небрежность и бестолковость в ведении какого-либо дела; поведение головотяпа [БТС, 2000]. Ср.: *Такое неприкрытое головотяпство говорит об управленческих ошибках.*

Помимо экспрессивно-оценочной лексики присутствует нейтральная лексика (ср.: *пятнашка, увязка*). *Пятнашка* – разг. монета достоинством в 15 копеек [БТС, 2000], в представленном контексте *пятнашка* – пятнадцать лидирующих регионов. Ср.: *Уважаемые региональные ассоциации, пожалуйста, не расслабляйтесь, потому что первые восемь из вас постоянно в пятнашке первых.* *Увязка* – разг. от увязать – согласовать, соотнести, установить связь, взаимоотношение между чем-либо [БТС, 2000]. Ср.: *Мы управляем этими проектами в увязке Федерация, регион, муниципалитет.*

1.3. Можно назвать процессы *смешения лексики официально-делового стиля с грубо-просторечной, сниженной лексикой* устаревающими. Такая тенденция к криминализации политического дискурса была актуальна в перестроечный и постперестроечный периоды, что особенно заметно на уровне функционирования имен существительных (ср.: *подстава, отмаз*). Необходимо отметить, что негативная тенденция к криминализации административного социолекта в XXI веке теряет актуальность и регулярность по сравнению, например, с 90-ми годами XX века. *Подстава* – арг. в значении *розыгрыш, предательство* [Словарь русского аргю, 2000.]. Ср.: *Мы посмотрели этот рейтинг и поняли, что у нас нет, как говорится, никакой, в этом смысле, подставы.* *Отмаз* – арг. в значении *предлог, отговорка, повод к чему-либо, оправдание, алиби, возможность увильнуть, отделаться от чего-либо* [Словарь русского

арго, 2000]. Ср.: Любая оценка в том числе тоже может быть обвинена в субъективности, а это, как говорится, хороший отмаз.

2. Начиная с 90-х годов XX века одним из самых актуальных трендов языка власти является использование заимствованных терминов и общеупотребительных слов.

Регулярное использование заимствованных лексем в административном социолекте можно назвать искусственной скоростной языковой адаптацией. Ее следствием является быстрое образование новых однокорневых слов.

Заимствование иностранных слов, их скоростная адаптация и внедрение в активный словарный запас носителей административно-политического социолекта подтверждают динамику тенденций к демократизации и модернизации современного русского языка.

Заимствования в речи государственных и муниципальных служащих демонстрируют последние мировые экономические изменения. По нашему мнению, необоснованное частое употребление заимствованных лексических единиц ведет к затруднению интерпретации высказывания.

Процесс заимствования из английского языка и не всегда обоснованное использование подобных единиц в речи государственных и муниципальных служащих особо заметны в функциональной парадигме имен существительных и глаголов. Можно выделить следующие лексико-семантические группы существительных, заимствованных и внедренных в административно-политический дискурс:

- существительные с обобщенной временной семантикой, а также существительные, обозначающие явления, ускоряющие или замедляющие какой-либо процесс (ср.: тайминг, драйвер, лаг, стартап, челленж). Тайминг – от англ. *timing* – отчет времени, регламент. Ср.: За таймингом следит модератор панельной дискуссии, сомодератор контролирует процесс (тайминг в значении «регламент выступления»); Проектный тайминг является приоритетным фактором конкурсного отбора (тайминг в значении «временные ограничения реализации проекта»). Драйвер – от англ. *driver* – двигатель. Ср.: Какие драйверы роста я вижу в социальной сфере; Проектное управление считается драйвером управленческой культуры (драйвер в значении «стимулятор, ускоритель»). Лag – от англ. *lag* – отставание, задержка. Ср.: Пятидесятилетний лаг в развитии экономики никто не может игнорировать; В экономике нам лаг не нужен (лаг в значении «временное отставание»). Стартап – от англ. *startup* – пуск, стартующий, запускать. Ср.: Инкубаторы стартапов наряду с бизнес-инкубаторами заполнили образовательные учреждения (инкубатор стартапов – организация мероприятий, направленных на удачное начало действия проектов).

Челленж – от англ. *challenge* – вызов, толчок, препятствие. Ср.: Для молодых сотрудников это большой такой челленж и мотивация для продолжения работы в государственных органах (*челленж* в значении «проверка профессиональных компетенций»);

- существительные с обобщенной количественной семантикой (ср.: *сет*). *Сет* – от англ. *set* – набор, комплект. Ср.: Сет коммуникативных мастер-классов, погружающих в атмосферу дебатов (*сет* в значении «комплекс, система»); Коммуникативный сет участвующих сторон (*сет* в значении «единство»);

- существительные с обобщенной качественной семантикой (ср.: *аджайл*, *хайтек*, *хаббат*, *ки-пи-ай*). *Аджайл* – от англ. *agile* – проворный. В русском языке термин *аджайл-технология* обозначает большинство гибких методологий, направленных на уменьшение производственных рисков. Такая минимизация рисков достигается путём разработки и применения серии коротких циклов, итераций, программных миниатюрных проектов. По окончании каждой итерации команда выполняет переоценку приоритетов разработки. Ср.: Методология аджайл в управлении уже не новинка. *Хайтек* – от англ. *hi-tech* – высокие технологии. Термин *хайтек* более двух десятилетий используется в русском языке и обозначает внедрение высоких технологий в разнообразные аспекты социальной действительности (в сфере управления, коммуникаций, образования, производства, торговли и т. д.). Ср.: Больше всех сотрудников хайтека задействовано в трех лидирующих регионах. *Хаббат* – от англ. *hub* – центр, средоточие, эпицентр. Ср.: Создать систему университетов, которые были бы хаббатами развития (*хаббат* в значении «профессионал высшего уровня»). *Ки-пи-ай* – от англ. *Key Performance Indicators, KPI* – ключевые показатели эффективности. Ср.: Какие ки-пи-ай вы видите;

- существительные, номинирующие аспекты межличностного, взаимодействия (ср.: *фитбек*, *стейкхолдер*). *Фитбек* – от англ. *feedback* – обратная связь. Примеры: Мы собрали некий фитбек мнений широкой публики; Будет очень быстрый фитбек со стороны корпораций; *Стейкхолдер* – от англ. *stakeholder* – заинтересованная сторона. Ср.: Мы предлагаем вам информацию с точки зрения разных стейкхолдеров рынка;

- существительные, обозначающие материальные аспекты взаимодействия (ср.: *инпут*, *плейграунд*). *Инпут* – от англ. *input* – вход, ввод, вклад, ресурсы. Ср.: Только инпута предпринимательства так никто и не сделал. *Плейграунд* – от англ. *playground* – детская площадка, в контексте имеет значение «условия, возможности, ресурсы». Ср.: Они не дают всем равного плейграунда, не дают всем регионам выйти на одну позицию;

- существительные, обозначающие наиболее актуальные и применяемые управленческие методологии (ср.: *ассесмент*,

фасилитация). *Ассесмент* – от англ. *assessment center* – центр оценки. Технологии ассесмента не просто подразумевают оценивание компетентностных возможностей персонала, но и предполагают выявление профессионального и личного потенциала. Ср.: *Другие сотрудники оцениваются в ассесменте*. *Фасилитация* – от англ. *facilitate* – помогать, облегчать, способствовать. Методология фасилитации представляет собой методологию управленческого процесса, в котором его субъект должен сочетать в себе функции руководителя, лидера и участника групповой динамики. Методы фасилитации активно используются в психологии, проектной деятельности, образовании и управлении. Ср.: *Чувствуется опыт фасилитации в проектной деятельности; Корпоративная фасилитация вместо планерки – прекрасный выход*.

3. Процесс появления новых словарных единиц, или неологизмов, связан с процессом заимствования, так как одним из основных источников появления лексических единиц становится пласт лексики, заимствованной из английского языка. Неологизмы появляются в процессе присоединения русских словообразовательных морфем к корням заимствованных слов. Другим источником неологизмов можно считать русские лексемы, деформирующие первоначальное лексическое значение и выступающие в качестве словообразовательного материала.

3.1. *Неологизмы на основе заимствований* в парадигме функционирования существительных можно разделить на две лексико-семантические группы (ср.: *фундатор, сомодератор*):

- существительные, обозначающие субъекта действия. *Фундатор* – от лат. *fundator* – учредитель, основатель [Чудинов, 1910]. Ср.: *Фундаторы первого офиса начинали совсем с малого*. *Сомодератор* – производное от латинского *moderator*, обозначающего посредника или арбитра; *сомодератор* – образованное при помощи приставки *со-* слово, которое имеет контекстуальное значение *соведуций*. Ср.: *Давайте дождемся моего сомодератора и будем открывать сессию*;

- существительные, обозначающие какой-либо процесс. *Апдейт* – от англ. *update* – обновить, обновление. Ср.: *Возможно, стратегия общеэкономического развития страны должна получить апдейт*. *Тьютерринг* – от англ. *tutor* – наставник, репетитор, опекун; *тьютерринг* обозначает внедрение методологии тьюторства в систему образования или управления. Ср.: *Нам тьютерринг не интересен, система наставничества не дает сбоев*.

3.2. *Русские неологизмы* (или неологизмы, образованные на основе слов, давно адаптированных в русскоязычном пространстве) (ср.: *пилот, пилотировать, отпилотированный, обучатели*,

*внедрятели, трансформаторы, панелист, контролька²). Пилот – от русского *пилотный* – книжн. *пробный, экспериментальный*, существительное *пилот* обозначает *пробный вариант, проект*; глаголы *пилотировать, отпилотировать* – начинать, пробовать, запускать. Ср.: *Росатом на пороге пилота такого вот девайса. Обучатель, внедрятель, трансформатор* – нелитературные формы, образованные от глаголов *обучать, внедрять, трансформировать*. Ср.: *Обучатели и внедрятели современных технологий думают о результатах, но не всегда о последствиях. Панелист* – от *панель* (нем. *Paneel*) – спец. ряд однородных объектов, учитываемых при социологическом обследовании по определённой программе, в представленном контексте существительное *панелист* обозначает участника панельной дискуссии. Ср.: *Три панелиста спокойно говорят по-русски. Контролька* – производное от рус. *контроль*, имеет значение «регламентированность сроков исполнения». Ср.: *Для чиновника есть одна ключевая задача – снять с контрольки.**

Особенности функционирования прилагательных

1. Тенденция к смешению лексики официально-делового и разговорного стилей речи в функциональном ракурсе имен прилагательных по сравнению с именами существительными определяется меньшей регулярностью и частотностью.

1.1. Процесс *диффузии нейтральной лексики со словами официально-делового стиля* иллюстрируется такими примерами, как: *сырой* – 1. Покрытый, пропитанный влагой; влажный. 2. Имеющий значительную влажность. 3. только полн. Не подвергшийся варке, кипячению, жарению и т. п. (о продуктах питания). 4. только полн. Подвергшийся лишь первичной обработке (о продукте производства, материале). 5. Разг. Тучный, с нездоровой полнотой; болезненно вялый, слабый из-за излишней полноты, рыхлости [БТС, 2000]. Прилагательное *сырой* в представленном контексте имеет значение «несформированный». Ср., к примеру: *Идеи пока сырые. Однобокий* – 1. Такой, у которого один бок, одна сторона больше другой. 2. Направленный на что-либо одно в ущерб другому; односторонний [БТС, 2000]. Ср.: *Может быть, мой взгляд будет несколько однобоким, но все-таки я скажу.*

1.2. Процесс *смешения и чередования разговорно-бытовых и официальных лексем* представлен примерами: *оголтелый* – разг. ничем не сдерживаемый, безудержный, крайний по степени проявления [БТС, 2000], *бешеный* – разг. отличающийся необыкновенной быстротой, силой, напряжением и т. п.; чрезвычайный [БТС, 2000]. Ср., к примеру:

² Здесь представлены примеры, собранные из речи представителей властных структур, участников Гайдаровского форума 2018 - 2019 гг.

Как избежать оголтелого протекционизма; Все равно этих ресурсов, несмотря на то, что они бешеные, не хватает.

2. На функциональном уровне прилагательных динамично развивается процесс неологизации речи (ср.: платформенный). Платформенный – от платформа – 1. Возвышенная площадка вдоль железнодорожного пути на станции; перрон. 2. Небольшая железнодорожная станция; полустанок. 3. Ровная возвышенная площадка, пригодная для размещения чего-л. 4. Товарный вагон с невысокими бортами, без крыши (для перевозки навалочных грузов, контейнеров). 5. Небольшая площадка в механизмах, устройствах, на которую кладут, к которой крепят что-л. и т. п. 6. Программа действий, система убеждений, политических требований какой-либо партии, группы, общественной организации, общественного деятеля. 7. геол. Одна из главных глубинных структур земной коры, характеризующаяся малой тектонической и вулканической активностью и плоским рельефом. 8. разг. Толстая подошва у обуви. *Делать какие-то платформенные решения, чтобы уйти от схемы* (значение словосочетания *платформенные решения* в представленном контексте синонимично *панельным решениям*, то есть решениям, принятым посредством дискуссии, т.е. коллективным решениям).

Особенности функционирования глаголов

1. *Смешение официально-делового и разговорного стилей речи.*

1.1. В процессе соединения официально-деловой и нейтральной лексики регулярно задействованы следующие лексико-семантические группы глаголов в несвойственных для них значениях:

а) глаголы, обозначающие действие или деятельность:

- глаголы движения, обозначающие самостоятельное действие при наличии исходной точки движения (ср.: *отваливаться, ускоряться*). *Отваливаться* в значении «покинуть место нахождения». Ср.: *Пока не отвалился один из наших спикеров. Ускоряться* в значении «двигаться в выбранном направлении». Ср.: *А вам вообще надо ускоряться в сторону Европы;*

- глаголы перемещения объекта (ср.: *вымываться, интегрировать*). *Вымываться* в значении «перемещаться куда-то откуда-то». Ср.: *Человеческие интеллектуальные ресурсы вымываются в европейские вузы. Интегрировать* в значении «вкладывать куда-то материальные ресурсы». Ср.: *Необходимо с удвоенной силой интегрировать эти идеи в экономический сектор;*

- глаголы физического воздействия на объект (ср.: *гасить, давить (передавить), поджимать*). *Гасить* в значении «уничтожать». Ср.: *Мы не гасим, может быть, никогда не существовавший полет. Передавить* в значении «уничтожить, сделать невозможным». Ср.:

Становящаяся вертикаль власти еще не успела передавать бизнес. Поджимать в значении «ограничивать в действиях». Ср.: Вас вообще поджимают, но вы еще бодаетесь;

- глаголы социальной деятельности (ср.: *вытягивать, откатываться, подстегивать*). *Вытягивать* в значении «справляться». Ср.: *Со средним профобразованием при всем желании мы пока не вытягиваем. Откатываться* в значении «отказаться от намерений». Ср.: *Вы думаете, если эти области принять в ассоциацию, они откатятся назад? Подстегивать* в значении «способствовать». Ср.: *Подстегнуть современную экономику не может отдельная корпорация, это системный процесс;*

- глаголы созидательной деятельности (ср.: *делать, докрутить*). *Делать* в значении «развивать, формировать». Ср.: *То другой вид отношений к территории, которую делают. Докрутить* в значении «довести до логического завершения». Ср.: *Готовы докручивать историю с картами технологических компетенций;*

- глаголы речевой деятельности (ср.: *наехать, порешаем*). *Наехать* в значении: 1) «обсуждать непреднамеренно»; 2) «резко осудить мнение оппонента». Ср.: *Коль скоро мы на эту тему сегодня наехали; Почему вы постоянно наезжаете на регионы? Порешать* в значении «договориться». Ср.: *Мы порешаем все вопросы в неформальной обстановке.* Вслед за М. Н. Пановой к глаголам речевой деятельности, особо популярным в речи чиновников XXI века и употребляющимся в политическом дискурсе в несвойственном ранее значении, отнесем глаголы *озвучить, артикулировать, обозначить*. У каждого из перечисленных глаголов появляется новое значение, устойчиво закрепленное в речевой практике и не зафиксированное ранее в лексикографических источниках. Глагол *озвучить* приобрел значение «произнести, назвать, сформулировать, сообщить» [Панова, 2015, с. 35]. Словосочетания типа *озвучить доклад, данные, документ, информацию, решение и т.д.* являются грубым нарушением норм современного русского языка. Глагол *артикулировать*, не зафиксированный в авторитетных лексикографических источниках русского языка, как лингвистический термин означает «осуществлять артикуляцию, произносить, выговаривать» [Панова, 2015, с. 36]. Однако в речи современных чиновников этот глагол приобрел значение «заявить, сообщить о чем-то», «назвать, сформулировать что-либо» [Панова, 2015, с. 36]. Что касается глагола *обозначить*, то его второе значение, зафиксированное в словарях как «указать, назвать, определить», наиболее точно объясняет новое употребление в словосочетаниях типа *обозначить проблему, обозначить цели и задачи*. М. Н. Панова предполагает, что в новом употреблении обсуждаемых глаголов прослеживается «некая отстраненность, непричастность, подсознательное стремление абстрагироваться, самоустраниться,

избежать ответственности» [Панова, 2015, с. 38]. Частотность употребления глаголов *озвучить, артикулировать, обозначить* и их выход за границы административно-политического дискурса М. Н. Панова объясняет «простым подражанием речевому поведению медийных чиновников» [Панова, 2015, с. 38];

- глаголы интеллектуальной деятельности (*ср.: прошить*). *Прошить* в значении «обдумать, проанализировать». Ср.: *Надо все еще раз прошить на основании опыта 17-го года;*

б) глаголы, обозначающие отношение к чему-либо:

- глаголы замены (*ср.: оборачивать, проехать*). *Оборачивать* в значении «изменять». Ср.: *Мы должны ситуацию оборачивать*. *Проехать* в значении «пропустить». Ср.: *Давайте это проедем и перейдем к следующему вопросу;*

- глаголы утраты объекта (*ср.: отламываться, проедать*): *Отламываться* в значении «отсоединяться». Ср.: *От инженерной школы отламывался политехнический университет*. *Проедать* в значении «использовать бюджетные деньги». Ср.: *Мы начали проедать то советское наследие, которое нам досталось;*

- глаголы лишения (*ср.: выпасть*). *Выпасть* в значении «терять позиции, не соответствовать определенным требованиям». Ср.: *Чтобы Москва как один из мегаполисов не выпадала из этих тенденций – эти идеи прислали нам;*

- глаголы взаимоотношений (*ср.: лезть, влезть, полезть*). *Лезть, влезть, полезть* в значении «вмешиваться». Ср.: *Одно предприятие туда полезло. А между вами постоянно пытаются влезть Белгородская и Астраханская области;*

в) глаголы, обозначающие бытие, состояние, качество:

- глаголы качественного состояния (*ср.: закрутить, падать, просесть, раскручиваться*). *Закручивать* в значении «не давать возможности развиваться», а также в противоположном значении «заставить работать». Ср.: *О том, как закрутить всевозможные муниципалитеты, я и без вас знаю; Закрутите менеджеров, и продажи пойдут*. *Падать* в значении «терять позиции». Ср.: *Относительно этих стран мы падаем, несмотря на то, что рейтинговые тенденции нормальные*. *Просесть* в значении «понести качественные и количественные потери». Ср.: *Таким ушатом для нас был 2016 год, когда мы поняли, что резко просели*. *Раскручиваться* в значении «развиваться». Ср.: *На шаг дальше все очень тяжело раскручивается*.

1.2. В ракурсе функционирования глаголов тенденция к смешению официально-деловой лексики с лексикой разговорной иллюстрируется следующими лексико-семантическими группами глаголов:

а) глаголы, обозначающие действие и деятельность:

- глаголы социального воздействия (ср.: *сманить*). *Сманить* – разг. соблазнить покинуть какое-либо место, должность ради другого места, должности; переманить [БТС, 2000]. Ср.: *Преподавателя легко сманить в корпоративный университет, потому что предлагают шоколадные условия*;

- глаголы физического воздействия на объект (ср.: *пожирать, угробить*). *Пожирать* – разг. поглощать, требовать для себя что-либо в больших количествах [БТС, 2000]. Ср.: *Пожирает прибыль не инфляция, а отсутствие грамотного управления, прежде всего в кадровом вопросе. Угробить* – разг. уничтожить, погубить; испортить [БТС, 2000]. Ср.: *Угробить хорошую разработку и объяснить, что пилотирование не состоялось, – прекрасный выход для конкурентов*;

- глаголы социальной деятельности (ср.: *мухлевать, намухлевать, отмухлевать*). *Мухлевать, намухлевать, отмухлевать* – разг. жульничать, мошенничать [БТС, 2000]. Ср.: *Они дают возможность всем регионам отследить, что их соседи нигде там не отмухлевали*;

б) глаголы, обозначающие отношение к чему-либо:

- глаголы взаимоотношений (ср.: *взаимоувязать*). *Взаимоувязать* от *увязать* – просторечная, нелитературная форма. Ср.: *Креативные проекты нужно как-то взаимоувязать с общим целеполаганием*;

в) глаголы, обозначающие бытие, состояние, качество:

- глаголы качественного состояния (ср.: *заклинить, перезаклинить*): *заклинить, перезаклинить* – разг. о возникновении трудности, невозможности, нежелании понять что-либо, переключиться на что-либо другое [БТС, 2000]. Ср.: *Российская элита перезаклинена*.

1.3. Тенденция административно-политического дискурса к смешению официально-деловой и сниженной лексики в ракурсе функционирования глаголов выражена слабо (ср. *заткнуть, затыкать*). *Заткнуть, затыкать* – разг.-сниж. заставить замолчать кого-либо [БТС, 2000]. Ср.: *Они (коррупционеры) при любой опасности разоблачения сразу затыкают рот; А нас, в принципе, никому не нужно затыкать*.

2. Процесс появления неологизмов так же, как и в парадигме имен существительных, связан с образованием новых слов на основе заимствованных и исконных единиц.

2.1. Глагольные иноязычные неологизмы представлены следующими лексико-семантическими группами глаголов:

а) глаголы, обозначающие действие или деятельность:

- глаголы созидательной деятельности (ср.: *драйвить и драйвить*). *Драйвить, драйвить* – от ранее заимствованного и модного в современном речевом дискурсе существительного *драйв*,

заимствованного из английского (*drive* – «водить транспортное средство, управлять чем-либо»), образован глагол *драйвить*, *драйвить*, имеющий значение «воодушевлять, сподвигать, вдохновлять». Примеры: *Кого вы хотите драйвить? Топ-менеджеров, которым и так хорошо?*; *Драйвить сотрудников без материальной подоплеки невозможно*;

- глаголы социальной деятельности (ср.: *брендировать*). *Брендировать* – от заимствованного *бренд* (от англ. *марка, брэнд*) произошел новейший глагол *брендировать*, обозначающий «процесс популяризации чего-либо». Ср.: *Брендировать надо грамотно, это не реклама в интернете*;

- глаголы физического воздействия на объект (ср.: *отсмартовывать, чипировать*). *Отсмартовывать* – от *смарт* (англ. *SMART – self-monitoring, analysis and reporting technology*) – технология самоконтроля, анализа и отчётности. Ср.: *Сейчас эти цели уже отсмартованы*. *Чипировать* – от англ. *chip* – полупроводниковый кристалл с интегральной схемой в микропроцессоре. Ср.: *Чипированы будут животные и люди. Это реальность, причем близкая*;

б) глаголы, обозначающие бытие, состояние, качество:

- глаголы бытия (ср.: *коллабировать*). *Коллабировать* – от *коллапс*, от лат. *collapsus* – книжн. резкое ухудшение экономических, политических условий жизни общества, грозящее крахом государства; тяжёлый кризис. Ср.: *Коллабирует любой стигматичный проект*.

2.2. Русские глагольные неологизмы представлены следующими лексико-семантическими группами глаголов:

а) глаголы, обозначающие действие или деятельность:

- глаголы созидательной деятельности (ср.: *отпилотировать, рейтинговать, соптимизировать*). *Отпилотировать* – пилотировать – начинать, пробовать, запускать. Ср.: *На своем кампусе отпилотировал это, создал прототипы и запустил в жизнь*. *Рейтинговать* – от *рейтинг* (англ. *rating* – оценка, класс, разряд) – показатель популярности, авторитета какого-либо лица, общественного деятеля, организации и т. п. в какое-либо время, определяемый социологическим опросом. Ср.: *Соответствующий рейтинг их рейтингует*. *Соптимизировать* – от *оптимизация* – спец. выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных; улучшение какого-либо процесса. Ср.: *Мы должны соптимизировать процесс*;

- глаголы интеллектуальной деятельности (ср.: *отрефлексировать, стратегировать*). *Отрефлексировать* от *рефлексировать* от *рефлексия* (от лат. *reflexio* – обращение назад) – размышление о своих чувствах, анализ своих переживаний. Ср.: *Отрефлексирую некоторые моменты, которые здесь прозвучали*. *Стратегировать* – от греч. *Stratēgia* – высшая область военного искусства, ведение крупных военных операций и войны в целом. Ср.:

Стратегировать будут представители заказчика, мы на сегодняшний день просто наблюдаем;

б) глаголы, обозначающие бытие, состояние, качество (ср.: *сбойнуть*). *Сбойнуть* – от *сбой* в значении «сломаться, выйти из строя». Ср.: *Сбойнуло* в управлении, значит, будут материальные издержки.

Особенности функционирования причастий

Тенденция к смешению лексики официально-делового стиля с нейтральной лексикой, употребленной в переносном значении, реализуется посредством функционирования кратких страдательных причастий, причем обычно они употребляются в форме мн.ч. Ср.: *Итак, региональные органы власти заражены технологической поддержкой; Есть команды, которые очень глубоко построены и прогружены; Сегодня у нас эти функции в одном месте, на базе органов власти скомканы и не всегда разделяются.*

Особенности функционирования наречий

Безусловно, уровни функционирования существительных, прилагательных и глаголов наиболее подробно демонстрируют развитие тенденций к модернизации и демократизации административно-политического дискурса. Более того, использование наречий нехарактерно для административно-политического дискурса, так как характеристика действий не является коммуникативными задачами официально-делового стиля. Но и на уровне функционирования наречий прослеживается тенденция к смешению официально-деловой лексики с разговорной лексикой: критикански от прил. *критиканский*, *критиканский* от сущ. *критикан* (разг. неодобр.) – человек, склонный все критиковать, во всем видеть только недостатки. Ср.: *Вы должны, в принципе, понимать, что происходит в ваших структурах, чтобы отнестись не критикански, а критически.*

Кроме того, функциональный уровень наречий демонстрирует тенденцию к смешению официально-делового стиля языка с грубопросторечной, сниженной лексикой. *Отвязно* от *отвязный* – сниж. не стесняющий себя условностями и правилами поведения, принятыми в обществе; *независимый*; *раскованный*, *развязный* [URL: <http://gramota.ru/slovari/info/lop>]. Ср.: *Заниматься отвязно чисто интеллектуальной деятельностью.*

Тенденция к активному заимствованию слов из английского языка представлена немногочисленными примерами, извлеченными из речевой коммуникации государственных и муниципальных служащих, проживающих на территории Владимирской области: *френдли* – от англ. *friendly* – дружелюбный. Ср.: *Сделать это максимально френдли для всех желающих.*

Особенности функционирования междометий

Тенденция к смешению официально-деловой лексики с разговорной лексикой представлена немногочисленными примерами с использованием междометий. Вопреки тому, что деловой стиль не предполагает использование междометий, фиксируется периодическое использование междометия *кувырк* (ср.: межд., в функц. сказ., разг. обозначает быстрое действие по значению *кувыркать* – *кувыркнуть* и *кувыркаться* – *кувыркнуться* [БТС, 2000]). Ср.: *Мы работали несколько месяцев, а тут кувырк – и сменился управляющий; Все ориентировались на посткризисное управление, а потом кувырк, и грохнул новый кризис.*

Основываясь на результатах исследования, мы считаем необходимым сделать вывод о том, что на лексическом и словообразовательном уровнях языковая личность современного государственного и муниципального служащего характеризуется следующими особенностями.

1. В современной дискурсивной практике наблюдается эволюция административного социолекта: лексический состав регулярно используемых слов и выражений перестает быть архаично-административным и демонстрирует количественные и качественные изменения.

2. Трендом административно-политического дискурса XXI века становится *стилевая глобализация* речи, на лексическом уровне выраженная в активном использовании разностилевой лексики и терминологии различных областей научного знания.

3. Одной из наиболее ярких тенденций административного социолекта является тенденция к *демократизации и модернизации* языка представителей органов власти, сопровождаемая процессами смешения лексики официально-делового стиля с нейтральной, разговорно-оценочной и даже грубо-просторечной, жаргонной лексикой. Вместе с тем как положительную тенденцию в речи современных государственных и муниципальных служащих можно отметить *сокращение грубо-просторечных и жаргонных лексических единиц*, что, очевидно, связано со стремлением самих представителей органов власти сделать речь более грамотной, выразительной и доступной. Можно констатировать окончание эпохи вульгаризации политического дискурса, актуальной в 90-е годы XX века. Начало XXI века совпало с потребностью *инноватизации* административного социолекта, сопровождаемого *интеллектуализацией* и *интелигизацией* языка.

4. Среди лексико-семантических групп имен существительных, иллюстрирующих собой перечисленные выше тенденции, выделяются наиболее часто используемые единицы: а) существительные с расширенной семантикой (*история, сюжет,*

сценарий, проект и т. д.); б) отглагольные существительные с общим значением «действия в отвлечении от их производителей и вне связи с их временным протеканием» (*настройка, наладка, наращивание, отъедание, провал, преукрасы, головопяство, отмаз, подстава* и т. д.). Использование существительных и отглагольных существительных с обобщенной семантикой характерно для официально-делового стиля. Однако отметим, что в качестве слов с обобщенным значением в современном административном социолекте выступают новые существительные, ранее не выступавшие в такой функции.

5. Тенденция к *европеизации* административного социолекта подтверждается процессом *заимствования* слов из английского языка и их *активным внедрением* в русский язык, что иллюстрируется использованием следующих лексико-семантических групп существительных: а) существительные с обобщенной временной семантикой (*тайминг, лаг*); б) существительные с обобщенной количественной семантикой (*сет*); в) существительные, с обобщенной качественной семантикой (*аджайл, хаббат*); г) существительные, номинирующие аспекты межличностного взаимодействия (*фитбек, стейкхолдер*); д) существительные, обозначающие материальные аспекты взаимодействия (*плейграунд, импут*); е) существительные, обозначающие актуальные методологии (*ассесмент, фасилитация*). Использование таких существительных в речи государственных и муниципальных служащих свидетельствует о необходимости российского государственного управления соответствовать меняющимся экономическим, политическим и социальным стандартам, актуальным на мировой арене.

6. Тенденция к *инноватизации* речи подтверждается процессом *неологизации* на функциональном уровне имен существительных, заключающейся в образовании новых слов от заимствованных английских (*фундатор, модератор*) и русских лексем (*внедрятель, контролька*). Такие процессы свидетельствуют о креативности мышления представителей государственного и муниципального управления. Несмотря на то, что процесс образования новых слов часто противоречит нормам современного русского литературного языка, в качестве положительной тенденции выделим стремление государственных и муниципальных служащих разнообразить собственную речь посредством неологизмов, сделав ее более яркой, образной и выразительной.

7. Из всего спектра выделенных тенденций на функциональном уровне имен прилагательных можно проследить *процесс смешения лексики официально-делового и разговорного стилей речи*. Он определяется меньшей регулярностью по сравнению с парадигмой имени существительного и иллюстрируется нейтральными

и экспрессивно-окрашенными лексемами (*сырой, односторонний, оголтелый* и т. д.). Употребление в административном социолекте подобных прилагательных свидетельствует об *образности* речи представителей властных структур. Можно констатировать, что представленные выше определения выражают субъективную оценку ситуации, характеризуют описываемые процессы с положительной или отрицательной стороны, демонстрируют мнение конкретных представителей государственного и муниципального управления. Такой процесс свидетельствует о демократизации речи и поведения представителей органов власти.

8. Кроме того, необходимо выделить тенденцию к *неологизации* речи на основе русских или заимствованных слов (*платформенный, панельный*). Стоит отметить, что образование новых прилагательных происходит от существительных с расширяющейся семантикой. К примеру, в начале XXI века слова *панель, платформа, площадка* все чаще употребляются не в прямом, а в переносном значении и обозначают «какое-либо организационное начало, на основе которого проводятся различные мероприятия». В этой связи образование прилагательных *платформенный, панельный* свидетельствует о стремлении государственных и муниципальных служащих модернизировать официальный язык.

9. Функциональные особенности глаголов демонстрируют тенденцию к *смешению официально-делового и разговорного стилей речи* и выражены следующими лексико-семантическими группами: а) глаголы, обозначающие действие или деятельность (глаголы движения, обозначающие самостоятельное действие при наличии исходной точки движения: *отваливаться*; глаголы перемещения объекта: *вымываться*; глаголы физического воздействия на объект: *передавить, поджимать*; глаголы социальной деятельности: *подстегивать, вытягивать*; глаголы созидательной деятельности: *докрутить*; глаголы речевой деятельности: *наехать, порешать*; глаголы интеллектуальной деятельности: *прошить*); б) глаголы, имеющие наряду с собственной глагольной семантикой значение отношения к чему-либо (глаголы замены: *оборачивать*; глаголы утраты объекта: *отламываться, проедать*; глаголы лишения: *выпадать*; глаголы с семантикой взаимоотношений: *лезть, влезть*); в) глаголы, обозначающие бытие, состояние, качество (глаголы качественного состояния: *просесть, раскручиваться, падать*). По нашему мнению, перечисленные лексико-семантические группы глаголов обозначают наиболее значимые процессы, функционирующие в финансовой, экономической и политической сферах современного общества. Использование в речи государственных и муниципальных служащих подобных лексем свидетельствует, с одной стороны, о стремлении к обобщению и

систематизации происходящих процессов, а с другой – о нежелании ответить на конкретно заданный вопрос с помощью использования лексических единиц с расширенной семантикой, «стремление абстрагироваться, самоустраниться» [Панова, 2015, с. 39].

10. Частотны примеры, демонстрирующие тенденцию к *смешению официально-деловой лексики с лексикой разговорной*: а) глаголы, обозначающие действие и деятельность (глаголы социального воздействия: *сманить*; глаголы физического воздействия на объект: *угробить*; глаголы социальной деятельности: *мухлевать*); б) глаголы, обозначающие отношение к чему-либо (глаголы взаимоотношений: *взаимоувязать*); в) глаголы, обозначающие бытие, состояние, качество (глаголы качественного состояния: *перезаключить*). Частотность употребления таких единиц в речи государственных и муниципальных служащих свидетельствует об их желании модернизировать, «омолодить» административно-политический дискурс, о стремлении разговаривать на современном языке, актуальном для молодого поколения и понятном старшему поколению.

11. Наименьшим количеством глагольных примеров выражена тенденция к *диффузии сниженной и официально-деловой лексики (заткнуть, затыкать)*, что свидетельствует об уменьшении потребности использования жаргонной лексики и о динамике процесса *интеллигизации и интеллектуализации* языка власти.

12. *Процесс появления неологизмов* в глагольной парадигме связан с образованием новых слов на основе заимствованных и русских лексем. *Неологизмы на основе заимствований* представлены следующими лексико-семантическими группами: а) глаголы, обозначающие действие или деятельность (глаголы созидательной деятельности: *драйвить*; глаголы социальной деятельности: *брендировать*; глаголы физического воздействия на объект: *чипировать*); б) глаголы, обозначающие бытие, состояние, качество (глаголы бытия: *коллабировать*). *Неологизмы на основе русских слов* представлены следующими лексико-семантическими группами: а) глаголы, обозначающие действие или деятельность (глаголы созидательной деятельности: *отпилотировать, соптимизировать*; глаголы интеллектуальной деятельности: *стратегировать*); б) глаголы, наряду с собственно глагольной семантикой обозначающие бытие, состояние, качество (*сбойнуть*). Употребление вышеперечисленных лексико-семантических групп глаголов подтверждает мысль о нестандартном, творческом мышлении современных государственных и муниципальных служащих, что приводит к инноватизации административного социолекта.

13. Интегральным для всех частеречных функциональных уровней может стать вывод о том, что положительная тенденция к

стилевой глобализации с целью усиления доступности и простоты высказывания сопровождается в том числе и негативными последствиями, а именно снижением качества административно-политического дискурса, что выражается в количестве ошибок и, безусловно, отрицательно влияет на имидж представителей государственного и муниципального управления.

14. Активное заимствование из английского и других языков и внедрение в русский язык иностранных лексем можно назвать «искусственной скоростной языковой адаптацией». К негативным последствиям отмеченной тенденции можно отнести затруднение восприятия речи представителей системы государственного и муниципального управления и в некоторых случаях ее неправильную интерпретацию. К положительным аспектам заимствования отнесем внедрение в активный словарный запас номинаций, обозначающих общемировые политические и экономические тренды, а также обновление и омоложение административно-политического дискурса.

15. Процесс неологизации образуемых от часто употребляемых русских или заимствованных английских лексем не всегда оправдан. В большинстве своем новообразованные единицы существуют недолго и встречаются в ограниченных группах носителей русского языка (профессиональных, социальных, возрастных, гендерных и др.), поэтому не всегда понятны всем носителям русского языка.

16. В целом лексические особенности языкового портрета современного государственного служащего определяются тенденциями к *стилевой глобализации, демократизации, модернизации, инноватизации* речи и *европеизации* административного социолекта. Кроме того, однозначно стремление государственных и муниципальных служащих делать собственную речь образной, выразительной и понятной для различных социальных групп российского общества, чему способствует креативное мышление и развитие коммуникативных компетенций представителей органов власти.

3.2.3. Сочетаемость лексических единиц в речи

Можно с уверенностью говорить о том, что лексические единицы, входящие в активный словарный запас представителей властных структур, чаще всего употребляются в новом, ранее несвойственном для них значении, в связи с чем в настоящее время мы можем наблюдать расширенные возможности сочетаемости с другими словами, не зафиксированные ранее в словарях и не являющиеся традиционными для официально-делового стиля современного русского языка. Такие речевые процессы влияют на изменение *сочетательной ценности* слова.

По справедливому замечанию В. В. Морковкина, «сочетательной ценностью слова называется информация о его способности сочетаться определенным образом с определенными словами» [Морковкин, 1979, с. 8].

С понятием сочетательной ценности тесно связана дефиниция валентности. «Валентность – это такое свойство значения слова, которое позволяет последнему иметь при себе определенный набор синтактико-семантических позиций, то есть закрепленных правилами языка возможностей употребления этого слова с рядом однотипно связанных с ним распространителей его значения. Набор имеющихся при слове синтактико-семантических позиций составляет синтаксическую сочетаемость этого слова. В качестве распространителя значения слова могут выступать слово, свободное или несвободное словосочетание, предложение (придаточное). Совокупность распространителей значения слова составляет лексическую сочетаемость последнего» [Словарь сочетаемости слов русского языка, 1983, с. 10].

Общепризнанным фактом считается введение термина «валентность» в конце 40-х годов XX века профессором С. Д. Кацнельсоном [Кацнельсон, 1948], понимающим валентность «как общую сочетательную возможность слов» [Юдина, 2006]. «Полновесное вещественное слово в каждом языке не есть слово вообще, а слово с конкретным синтаксическим потенциальными, позволяющими употребить его лишь строго определенным образом, предуказанным уровнем развития грамматических отношений в языке. Это свойство слова определенным образом реализовываться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами можно было бы назвать его синтаксической валентностью» [Кацнельсон, 1986, с. 126].

В западноевропейское языкознание термин «валентность» был введен Л. Теньером, относившим данное понятие исключительно к глаголу. Л. Теньер различал авалентные, одновалентные, двухвалентные и трехвалентные глаголы: «Глагол можно представить

себе в виде своеобразного атома с крючками, который может притягивать к себе большее или меньшее число актантов в зависимости от большего или меньшего количества крючков, которыми он обладает, чтобы удерживать эти актанты при себе. Число таких крючков, имеющих у глагола и, следовательно, число актантов, которыми он способен управлять, и составляет сущность того, что мы будем называть валентностью глагола» [Теньер, 1988, с. 250].

Однако, на наш взгляд, до сих пор не существует «единообразия в употреблении терминов "валентность" и "сочетаемость"» [Юдина, 2006, с. 24]. Ряд лингвистов употребляют термины «сочетаемость» и «валентность» в качестве синонимов (см., например, исследования П. В. Чеснокова [Чесноков, 1996]), другие исследователи используют либо термин «сочетаемость» (см., напр., [Копыленко, 1973]), либо термин «валентность» (см., напр., [Левицкая, Фитерман 1975]), игнорируя проблему разграничения этих понятий.

Современные лингвистические словари разграничивают понятия *валентности* и *сочетаемости*, определяя сочетаемость как «способность языковых элементов соединяться друг с другом в речи», а валентность относят исключительно к сфере слова; ср.: «валентность – способность слова вступать в словосочетания с другими словами» [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 44].

Наиболее логично вопрос взаимообусловленности сочетаемости и валентности представлен в работах В. Г. Гака. Валентность В. Г. Гак определяет как «способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами», сочетаемость как «свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня» [Гак, 1990а, с. 483]; можно считать одним из «фундаментальных свойств языковых единиц, отражающее синтагматические отношения между ними» [Гак, 1990а, с. 483].

На наш взгляд, следует различать *валентность языковую*, подразумевающую потенциальную способность языковой единицы сочетаться с другими языковыми единицами, и *валентность речевую*, которая «не всегда может соответствовать этим потенциальным способностям сочетающихся языковых единиц и – даже более того – нарушать традиционные закономерности соединения» (подробнее см.: [Юдина, 2006, с. 29]). Под *сочетаемостью* следует понимать «конкретную реализацию данной способности слова, которая обнаруживает себя в дискурсивном употреблении и может быть выявлена и изучена на основе анализа конкретного языкового материала» [Юдина, 2006, с. 29]. Сочетательные возможности лексем в зависимости от разной стилевой принадлежности анализируемых текстов раскрываются по-разному.

Интересующая нас сфера административно-политического дискурса имеет непосредственное отношение к официально-деловому

стилю, который традиционно характеризуется устойчивостью и замкнутостью. Однако необходимо заметить, что первые десятилетия XXI века демонстрируют активную динамику административного социолекта и официально-делового стиля. Процессы демократизации и модернизации языка сопровождаются расширенными сочетательными способностями используемых слов.

В ракурсе сочетаемости слов в речи языковой портрет государственного служащего характеризуется наиболее распространенными и часто употребляемыми словосочетаниями, члены которых расширяют границы сочетательных возможностей и вступают в лексико-грамматические взаимосвязи с ранее не фиксировавшимися при них лексемами [Котлярова, 2018]. По частоте употребления наиболее распространены субстантивные словосочетания. Среди таких комбинаций наиболее регулярными в устной речи государственных служащих являются конструкции, построенные по модели «существительное + препозитивное согласованное определение» (прилагательное или причастие), а также модели типа «существительное + существительное».

В процентном соотношении распространенность словосочетаний разного вида представлена на рисунке 4.

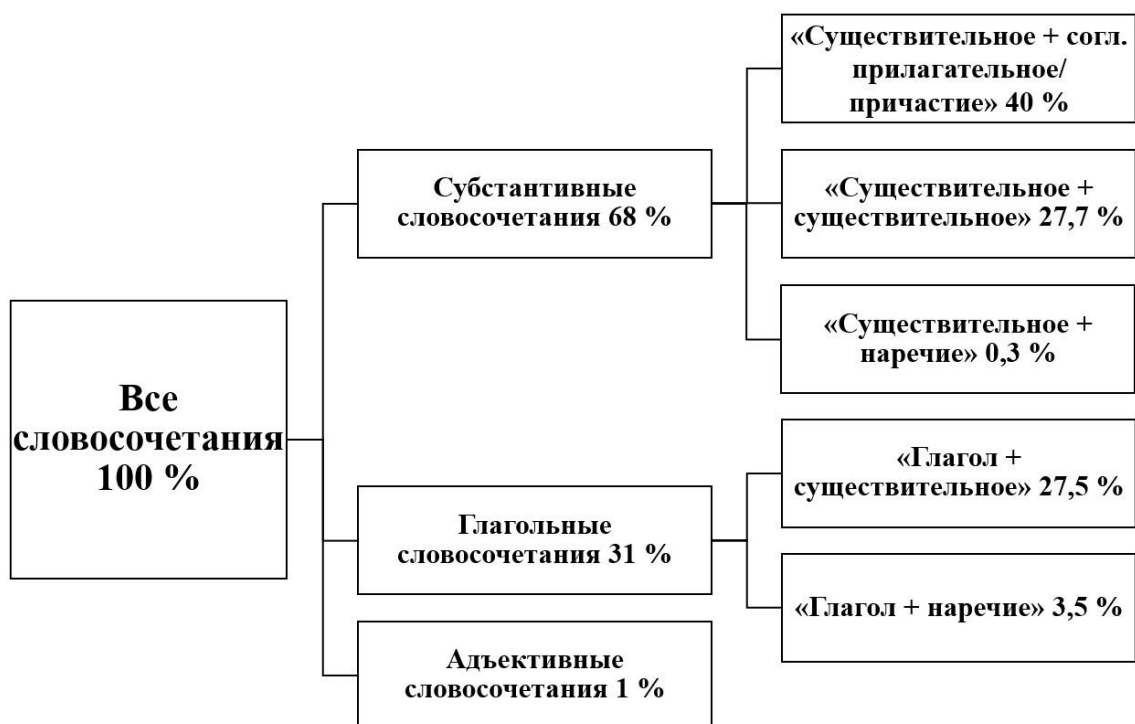

Рис. 4. Процентное соотношение всех видов словосочетаний

Субстантивные словосочетания

Результатом анализа устной формы административного социолекта стало выявление самого распространенного вида словосочетаний, характеризующих языковую личность

государственного служащего, – это сочетания, построенные по модели «*существительное + препозитивное прилагательное или причастие*». Употребление подобных словосочетаний не свойственно официально-деловому стилю речи и характерно для художественного стиля. Наличие определений при существительном обозначает оценку качества предмета. Административный дискурс чаще всего предполагает официальное общение, не подразумевающее межличностное взаимодействие и высказывания субъективной позиции или оценки. В официально-деловом стиле преобладают глагольные словосочетания (*ср.: упорядочить действия, согласовать решение*) или субстантивные словосочетания «отглагольное существительное + существительное в Р.п.» (*ср.: нехватка средств, сбор налогов*). Преобладание словосочетаний «*существительное + препозитивное прилагательное или причастие*» свидетельствует о межстилевом взаимодействии, подтверждающем тенденцию к *стилевой глобализации* и развитие образности речи государственных и муниципальных служащих.

Выделим семантические группы словосочетаний «*существительное + согласованное определение*», являющиеся нормативными и частотными в устной речи современных государственных и муниципальных служащих.

1. Словосочетания, в которых главный компонент обозначает какой-либо процесс (*ср.: адекватное улучшение, великая рецессия, социальное перемешивание*).

Адекватное улучшение. Улучшение – дело, мероприятие, улучшающее что-либо; усовершенствование [БТС, 2000]. *Адекватный* – от лат. *Adaequatus* – приравненный, книжн. вполне соответствующий чему-либо (условиям, обстановке и т. п.); верный, совпадающий с ожидаемым [БТС, 2000]. Данное словосочетание можно назвать нормативным и часто употребляемым, так как поисковые системы, в частности «Яндекс», обнаруживают 15 млн. запросов словосочетания *адекватное улучшение* и демонстрируют результаты поиска. Словосочетание *адекватное улучшение* употребляется в значении «*действительное, реальное улучшение*». Ср.: *Адекватное улучшение имиджа и финансового состояния*.

Великая рецессия. *Рецессия* – спад производства или замедление темпов его роста [Словарь иностранных слов современного русского языка, 2014]. *Великий* – отличающийся особыми, выдающимися свойствами, в составе различных названий и терминов [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 26 млн. запросов словосочетания *великая рецессия* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *великая рецессия* имеет значение «*глобальный кризис*». Ср.: *Великая рецессия в области образования*.

Социальное перемешивание. Перемешивание – от перемесить – превратить в однородную вязкую массу, размешивая, разминая, растирая что-либо в воде (в жидкости) [БТС, 2000]. *Социальный* – (от лат. *socialis*) товарищеский, общественный, свойственный обществу, связанный с жизнью и отношениями людей в обществе; общественный [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 25 млн. запросов словосочетания *социальное перемешивание* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *социальное перемешивание* можно считать в некотором смысле алогичным; в зависимости от контекста оно может приобретать значения: «смешение людей, имеющих различный социальный статус/различное материальное благосостояние/смешение по расовому признаку» и др. Ср.: *Это имеет формат социального перемешивания*.

2. Словосочетания, где главный компонент обозначает *результат мыслительной деятельности* (ср.: *жесткое соглашение, структурное решение, тяжелая наука*).

Жесткое соглашение. Соглашение – договор, устанавливающий взаимные обязательства сторон; документ о таком договоре [БТС, 2000]. *Жесткий* – не допускающий отклонений, изменений; строгий, безоговорочный [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 25 млн. запросов словосочетания *жесткое соглашение* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *жесткое соглашение*, изначально употребляемое в политической сфере, сейчас распространено в сфере экономической, а также в сфере государственного и муниципального управления. Оно частотно и общеупотребительно и даже, как кажется, тяготеет к устойчивости. Ср.: *Жесткие соглашения с медицинскими школами, которые находятся рядом*.

Структурное решение. Решение – обдуманное намерение сделать что-л., заключение, вывод из чего-либо [БТС, 2000]. *Структурный* – имеющий отношение к структуре [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 37 млн. запросов словосочетания *структурное решение* и демонстрирует результаты поиска. В зависимости от контекста словосочетание *структурное решение* может иметь значение «решение, принятое определенной конкретной организацией (структурой)» или «решение, имеющее свою структуру, многоаспектное решение». Ср.: *Это уже можно считать структурным решением*.

Тяжелая наука. Наука – система знаний о закономерностях развития природы и общества и способах воздействия на окружающий мир [БТС, 2000]. *Тяжелый* – требующий большого напряжения для осуществления, преодоления, понимания; трудный [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 40 млн. запросов словосочетания *тяжелая наука* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *тяжелая наука* употреблено в значении *точная наука* для противопоставления с

гуманитарной областью знаний. Ср.: *Людей «тяжелой науки» (физиков, химиков) не хватает.*

3. Словосочетания, где главный компонент обозначает какую-либо систему (ср.: *инновационная экосистема, комплексная платформа, политический ландшафт, полноценная палитра*).

Инновационная экосистема. Экосистема – экологическая система [БТС, 2000]. *Инновационный* – от инновация. Инновация: 1. книжн. Нововведение, новшество. 2. экон. Комплекс мероприятий, направленных на внедрение в экономику новой техники, технологий, изобретений и т. п.; модернизация. 3. лингв. Новое, более позднее явление в языке. Инновации в лексике [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 17 млн. запросов словосочетания *инновационная экосистема* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *инновационная экосистема* обозначает «разновидность экосистем в экономике» и позволяет совмещать усилия по созданию и продвижению на рынок новшеств. Ср.: *Надо развивать инновационную экосистему.*

Комплексная платформа. Платформа – программа действий, система убеждений, политических требований какой-либо партии, группы, общественной организации, общественного деятеля [БТС, 2000]. *Комплексный* – охватывающий целую группу предметов, явлений, процессов; представляющий собой комплекс чего-либо [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 37 млн. запросов словосочетания *комплексная платформа* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *комплексная платформа*, употребляемое по аналогии с *комплексной платформой обработки данных*, в метафоричном значении переносится в образовательную парадигму. Ср.: *Собрать такого рода комплексную платформу можно только на базе университета многопрофильного, сочетающего систему кластеров.*

Политический ландшафт. Ландшафт – географическая часть земной поверхности, для которой характерно определенное сочетание рельефа, климата, почв, растительного и животного мира [БТС, 2000]. *Политический* – обращённый к проблемам политики и деятельности по её проведению; основанный на интересах политики [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 24 млн. запросов словосочетания *политический ландшафт* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *политический ландшафт* употребляется достаточно часто и имеет значение «пространственное распределение политических сил или какой-либо политической характеристики». Ср.: *Раздробленность политического ландшафта.*

Полноценная палитра. Палитра – совокупность выразительных средств писателя, художника в какой-либо области искусства [БТС, 2000]. *Полноценный* – полностью соответствующий требованиям [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 17 млн. запросов словосочетания

полноценная палитра и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *полноценная палитра* употреблено в метафорическом значении «многообразии, присутствии всех аспектов». Ср.: *Будем развивать полноценную палитру экономических отношений*.

4. Словосочетания, где главный компонент имеет значение *отдельной части при наличии целого* (ср.: *индустриальный дивизион, материальная составляющая, экспертная составляющая*).

Индустриальный дивизион. *Дивизион* – (от франц. *division*) воен. войсковое подразделение в ракетных и артиллерийских частях или мор. – соединение военных кораблей одного класса [БТС, 2000]. *Индустриальный* – то же, что промышленный [Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, 2011]. «Яндекс» обнаруживает 28 млн. запросов словосочетания *индустриальный дивизион* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *индустриальный дивизион* наиболее часто употребляется в английском варианте *Industrial Division* и обозначает *промышленное отделение*. Ср.: *Были созданы индустриальные дивизионы*.

Материальная составляющая. *Составляющая* – о том, что входит в состав, является частью чего-либо [БТС, 2000]. *Материальный* – 1. к материя (1 зн.). 2. Вещественный, предметный; воспринимаемый как реальность, осязаемый. 3. только полн. к материал (1 зн.). «Яндекс» обнаруживает 42 млн. запросов словосочетания *материальная составляющая* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *материальная составляющая* имеет значение «денежная составляющая, материальные затраты». Ср.: *Материальная составляющая в любом случае значима*.

Экспертная составляющая. *Экспертный* – от эксперт. *Эксперт* – (от лат. *expertus* – опытный) специалист, производящий экспертизу. Словосочетание *экспертная составляющая* имеет значение «участие в чем-либо экспертов». «Яндекс» обнаруживает 26 млн. запросов словосочетания *экспертная составляющая* и демонстрирует результаты поиска. Ср.: *Экспертная составляющая является самой неважной*.

5. Словосочетания, где главный компонент обозначает *субъекта деятельности* (ср.: *нишевый игрок, эффективный руководитель*).

Нишевый игрок. *Игрок* – участник какой-либо игры [БТС, 2000]. *Нишевый* – от ниша. *Ниша* – (от франц. *Niche*) область, сфера деятельности, где кто-либо находит применение своим способностям и возможность устроить свою жизнь оптимальным образом [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 27 млн. запросов словосочетания *нишевый игрок* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *нишевый игрок* употребляется в значении «имеющий значимость в очень определенной, конкретной, ограниченной области». Ср.: *Хотя мы*

являемся очень нишевым игроком, мы попробуем побороться за этот проект.

Эффективный руководитель. Руководитель – тот, кто руководит чем-либо, направляет деятельность чего-либо [БТС, 2000]. *Эффективный* – дающий эффект; действенный [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 40 млн. запросов словосочетания *эффективный руководитель* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *эффективный руководитель* имеет значение «руководитель, умеющий организовывать эффективную деятельность». Ср.: Эффективные руководители показывают высокие результаты.

6. Словосочетания, где главный компонент имеет значение *географического объекта* (ср.: *комфортная страна*). *Комфортная страна.* Страна – государство [БТС, 2000]. *Комфортный* = комфортабельный [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 33 млн. запросов словосочетания *комфортная страна* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *комфортная страна* образовано по аналогии с сочетаниями *комфортная среда, комфортная обстановка, комфортная мебель*. Ср.: Создание комфортной страны – один из приоритетов развития нашей области.

7. Словосочетания, где главный компонент обозначает *степень интенсивности задействованных ресурсов* (ср.: *глубокий акцент, конкретный акцент, инвестиционная привлекательность, налоговая нагрузка, репутационный риск*).

Глубокий акцент. Конкретный акцент. *Акцент* – выделение чего-либо существенного, важного различными средствами [БТС, 2000]. *Глубокий* – отличающийся глубиной, затрагивающий сущность, существо чего-либо; значительный, основательный [БТС, 2000]. *Конкретный* – (от лат. *concretus*) сгущённый, густой, уплотнённый, реально существующий, предметно определённый [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 27 млн. запросов словосочетания *глубокий акцент* и 26 млн. результатов со словосочетанием *конкретный акцент* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *конкретный акцент* и *глубокий акцент* синонимичны в представленном контексте и имеют значение «основной акцент». Ср.: Сейчас конкретный, глубокий акцент делается на том, как развивается инновационный бизнес в России.

Инвестиционная привлекательность. *Привлекательность* – (от привлекательный) такой, который влечёт к себе, кажется заманчивым; интересный, увлекательный [БТС, 2000]. *Инвестиционный* – (от инвестиция) долгосрочные вложения капитала в какую-либо отрасль экономики [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 14 млн. запросов словосочетания *инвестиционная привлекательность* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *инвестиционная привлекательность* стало устойчивым и часто употребляемым.

Характерно для экономической, а также социальной сфер деятельности. Ср.: *Мы познакомились со всеми признаками инвестиционной привлекательности вашего региона.*

Налоговая нагрузка. *Нагрузка* – 1. К нагрузить – нагружать (1 зн.). 2. То, что нагружено; груз. 3. Количество работы, степень занятости какой-л. работой. // Разг. Об общественно полезной деятельности, выполняемой кем-л. 4. (на что и с опр.). Техн. Вес, усилие, работа, мощность, производительность, приходящиеся на устройство или его часть. 5. техн. Потребитель энергии, подключённый к её источнику. 6. с опр. Определённая предназначённость информационного факта. 7. устар. разг. В СССР в 70-80 гг. XX века: о каком-либо товаре, продаваемом в виде обязательного дополнения к дефицитному товару. *Налоговый* – от налог. *Налог* – устанавливаемый государством, обязательный сбор, взимаемый с граждан и предприятий [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 43 млн. запросов словосочетания *налоговая нагрузка* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *налоговая нагрузка* имеет значение «количество денежных средств, потраченных на оплату налогов». Ср.: *Снижение налоговой нагрузки повлечет за собой расцвет малого бизнеса.*

Репутационный риск. *Риск* – возможная опасность чего-л. [БТС, 2000]. *Репутационный* – относящийся к репутации, связанный с репутацией [Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, 2011]. «Яндекс» обнаруживает 11 млн. запросов словосочетания *репутационный риск* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *репутационный риск* в системе государственного и муниципального управления стало устойчивым и часто употребляемым, оно имеет значение *риск, связанный с возможной потерей профессиональной репутации*. В представленном примере употребляется словосочетание *двойной репутационный риск*, которое приобретает значение «риск потери репутации перед двумя партнерами». Ср.: *Сейчас наша организация имеет двойной репутационный риск.*

8. Словосочетания, где главный компонент имеет *временное* значение (ср.: *налоговая трехлетка*). *Трехлетка* – разг. период в три года [URL: <http://orfo.ruslang.ru>]. *Налоговый* – от налог. *Налог* – устанавливаемый государством, обязательный сбор, взимаемый с граждан и предприятий [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 20 млн. запросов словосочетания *налоговая трехлетка* и демонстрирует результаты поиска. Словосочетание *налоговая трехлетка* имеет значение «реформа с трехлетней перспективой, касающаяся будущих налогов» по аналогии с советской *пятилеткой*. Ср.: *Нам надо принимать налоговую трехлетку.*

Помимо регулярных нормативных словосочетаний, представленных выше, необходимо отметить словосочетания-

неологизмы, сформированные непосредственно в процессе живого общения в речи государственных и муниципальных служащих (ср.: *исчерпанная ниша, компетентностное картирование, матричная диверсификация, объединенный континуум, торговая цифра, хаотичный управленец* и др.). Подобные словосочетания демонстрируют новейшие тенденции в сфере управления, экономики и политики. Важно отметить, что интернет-системы фиксируют поисковые запросы по таким словосочетаниям, но не выдают результатов поиска и не фиксируют полное совпадение компонентов словосочетания, что доказывает расширение синтаксического потенциала указанных лексем и новизну (а в некотором смысле – и оксюморонность) анализируемых комбинаций слов. Названные словосочетания неоднократно встречаются в речи государственных и муниципальных служащих, что впоследствии может стать закономерным для речи других представителей российского общества, которые «копируют стиль речевого поведения политико-управленческого "истеблишмента", "приучая" к нему общество, делая этот стиль модным и предлагая его в качестве примера для подражания» [Панова, 2015, с. 39]. Проанализируем некоторые из обозначенных выше комбинаций лексем.

1. Словосочетания, в которых главный компонент обозначает *процесс или результат интеллектуальной деятельности* (ср.: *компетентностное картирование, компетентностная нагрузка, пожарное соображение*).

Компетентностное картирование. *Картирование* – процесс нанесения объектов на географическую или небесную карту, изготовление карт [Словарь иностранных слов современного русского языка, 2014]. *Компетентностный* – от компетентность. *Компетентность* – способность личности к выполнению какой-либо деятельности на основе жизненного опыта и приобретенных знаний, умений, навыков [БТС, 2000]. Словосочетание *компетентностное картирование* обозначает «фиксацию и анализ карт компетенций определенной территории». Ср.: *Компетентностное картирование на региональном уровне нужно нам для дальнейшей подачи заявки на федеральный конкурс.*

Компетентностная нагрузка. *Нагрузка* – количество работы, степень занятости какой-либо работой [БТС, 2000]. *Компетентностный* – от компетентность. *Компетентность* – способность личности к выполнению какой-либо деятельности на основе жизненного опыта и приобретенных знаний, умений, навыков [БТС, 2000]. В отличие от компетенции, которую принято рассматривать в виде знаний, умений, навыков, приобретенных в ходе обучения и образующих содержательную сторону такого обучения, компетентность означает свойства, качества личности, определяющие

ее способность к выполнению деятельности на основе приобретенных знаний и сформированных навыков и умений [Новый словарь методических терминов и понятий, 2009]. Словосочетание *компетентностная нагрузка* употребляется в значении «употребление приобретенного опыта в виде знаний, навыков, умений в профессиональной деятельности». Ср.: *Неопределенность больше, когда мы считаем компетентностные нагрузки.*

Пожарное соображение. *Соображение* – способность соображать, понимать; ясное понимание [БТС, 2000]. *Пожарный* – относящийся к пожару [БТС, 2000]. Словосочетание *пожарное соображение* редуцировано в разговорной речи и имеет значение «по соображениям пожарной безопасности». Ср.: *Если мы хотим закрыть европейский университет, давайте сделаем это по пожарным соображениям.*

2. Словосочетания, в которых главный компонент обозначает какую-либо систему (ср.: *матричная диверсификация, объединенный континуум*).

Матричная диверсификация. *Диверсификация* – (от лат. *diversification*) спец. разнообразие, разносторонность [БТС, 2000]. *Матричный* – от матрица. *Матрица* – общая основа, схема чего-либо [БТС, 2000]. Словосочетание *матричная диверсификация* синонимично словосочетанию *матрица диверсификации* и обозначает «схему или систему стратегий высокого риска». Ср.: *Мы в прошлый раз говорили о матричной диверсификации. Она действительно является небезопасной для нас.*

Объединенный континуум. *Континуум* – (от лат. *Continuit* – непрерывное, сплошное) книжн. совокупность каких-либо тесно связанных друг с другом явлений, процессов и т. п. [БТС, 2000]. *Объединенный* – представляющий собой единство, общность [БТС, 2000]. Основное лексическое значение существительного *континуум* уже подразумевает объединение. Словосочетание можно назвать неологичным. Ср.: *Мы хотели бы видеть объединенный континуум знаний. С этой целью проведем дополнительное исследование.*

3. Словосочетания, в которых главный компонент обозначает часть целого (ср.: *исчерпанная ниша*). *Исчерпанная ниша.* *Ниша* – область, сфера деятельности, где кто-либо находит применение своим способностям и возможность устроить свою жизнь оптимальным образом [БТС, 2000]. *Исчерпанный* – от исчерпать. *Исчерпать* – истратить, израсходовать полностью. Полностью использовать. Словосочетание «*исчерпанная ниша*» имеет значение «ограничение ресурсов профессионального направления». Ср.: *Насколько исчерпанной является у каждого своя ниша, мы можем определить по тестам.*

4. Словосочетания, в которых главный компонент обозначает субъекта деятельности (ср.: *хаотичный управленец, экспромтовый человек*).

Хаотичный управленец. Управленец – разг. работник управления [БТС, 2000]. *Хаотичный* – лишённый порядка, систематичности, беспорядочный [БТС, 2000]. Прилагательное *хаотичный* традиционно сочетается с неодушевленными существительными: *посадки, характер спора, телодвижения*. Часто употребляемым является словосочетание *управление хаосом*. Сочетание слов *хаотичный управленец* можно считать неологичным. Ср.: *Я был харизматичным, но немного хаотичным управленцем*.

Экспромтовый человек. Человек – личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств [БТС, 2000]. Словари фиксируют прилагательное *экспромтный* – от экспромт (от лат. *exromptus* – находящийся в готовности, под рукой). *Экспромт* – небольшое стихотворение, музыкальное произведение, короткая речь и т. п., созданные сразу, в момент произнесения, исполнения [БТС, 2000]. Словосочетание *экспромтовый человек* употреблено в значении *человек, склонный к экспромту, к импровизации*. Ср.: *Я экспромтовый такой человек. Со мной не соскучишься*.

5. Словосочетания, где в качестве главного компонента выступает *существительное с обобщенной семантикой* (ср.: *общеелекторальная история, торговая цифра*).

Общеэлекторальная история. История – разг. происшествие, событие, случай [БТС, 2000]. *Общеэлекторальный* – сложное от общий и электоральный. *Электоральный* – (от электорат, лат. *electorat* – избиратель) книжн. совокупность избирателей, голосующих за какую-либо политическую партию или её кандидатов [БТС, 2000]. Словосочетание *общеелекторальная история* приобретает значение обобщенности, объединенности. Ср.: *Это уже общеелекторальная история, и для ее оценок есть обученные специалисты*.

Торговая цифра. Цифра – разг. сумма, количество чего-л., выражаемое каким-либо числом [БТС, 2000]. *Торговый* – относящийся к торговле, её организации и ведению [БТС, 2000]. Словосочетание *торговая цифра* является неологичным и употреблено в значении «действующая цена, цена, представленная на рынке». Ср.: *Я посмотрел на торговые цифры между Россией и окружающими странами*.

Менее распространены в устной коммуникации государственных служащих субстантивные словосочетания «*существительное + существительное*». Официально-деловой стиль языка традиционно характеризуется многочленными цепочками, «нанизыванием» форм родительного падежа. Однако важно отметить, что такое «нанизывание» перестает быть многочленным. Все чаще встречаются

двучленные именные словосочетания с зависимым словом в родительном падеже.

В категории «существительное + существительное» также возможно классифицировать все словосочетания на *традиционные* и *новейшие (неологичные)*. *Традиционные* словосочетания чаще всего зафиксированы в словарях сочетаемости слов русского языка и соответствуют нормам лексической и грамматической сочетаемости. Поисковые запросы и результаты поиска традиционных словосочетаний обнаруживаются в «Яндексе». *Неологичные* словосочетания образуются в живой речи государственных и муниципальных служащих. Такие комбинации слов не зафиксированы в лексикографических источниках, «Яндекс» фиксирует поисковые запросы с такими словосочетаниями, но не демонстрирует результаты поиска с точным совпадением слов. Возникновение и употребление словосочетаний, ранее не свойственных ни административному социолекту – в частности, ни русскому языку – в целом, говорят о креативном характере мышления представителей органов власти и их стремлении разнообразить и обогатить речь.

Словосочетания «существительное + существительное с предлогом и без предлога», которые определяем как *традиционные*, могут быть отнесены к следующим лексико-семантическим группам.

1. Словосочетания, главный компонент которых обозначает *процесс* или *действие* (ср.: *выработка подходов, трансформация культур*).

Выработка подходов. *Выработка* – то, что выработано; количество выработанного [БТС, 2000]. *Подход* – совокупность способов, приёмов в рассмотрении чего-либо, в воздействии на что-либо [БТС, 2000]. «Яндекс» фиксирует 22 млн. результатов поисковых запросов. В традиционном понимании словосочетание *выработка подходов* обозначает психоаналитический метод, в представленном контексте *выработка регуляторных подходов* имеет значение «разработка регулятивных стратегий». Ср.: *Выработка регуляторных подходов.*

Трансформация культур. *Трансформация* – от трансформировать. *Трансформировать* – преобразовывать, превратить, изменить, форму, существенные свойства чего-либо [БТС, 2000]. *Культура* – просвещённость, образованность, начитанность [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 38 млн. запросов со словосочетанием *трансформация культуры* и демонстрирует результаты поискового запроса. Словосочетание *трансформация культуры* достаточно распространено, часто употребляется в значении «изменения в связи с информационно-технологическим прорывом». Ср.: *Трансформация культуры* – *главная цель проектного управления.*

2. Словосочетания, в которых главный компонент имеет значение *субъекта действия* (ср.: *сборщик панели*). *Сборщик панели*. Сборщик – 1. Человек, производящий сбор чего-либо. 2. Рабочий, занимающийся соединением, скреплением отдельных частей машин, оборудования и т. п. в одно целое [БТС, 2000]. *Панель* – спец. ряд однородных объектов, учитываемых при социологическом обследовании по определённой программе [БТС, 2000]. В прямом значении словосочетание *сборщик панели* определяется следующей семантикой «рабочий, занимающийся созданием установки, агрегата, прибора, на который монтируются приборы контроля и управления» («Яндекс» фиксирует 29 млн. поисковых запросов), в переносном значении словосочетание *сборщик панели* имеет значение «организатор, ведущий заседание, регламентирующий работу тематической панели» (в таком значении интернет-системы не обнаруживают результатов поисковых запросов). Ср.: *Не в обиду тебе, как сборщику нашей панели, будет сказано, но на манеже все те же*.

Собранные нами из речи государственных и муниципальных служащих Владимирской области единичные неологичные словосочетания классифицируем по следующим лексико-семантическим группам.

1. Словосочетания, главный компонент которых обозначает *процесс* или *действие* (ср.: *разрыв горизонтов, стартап активности; труд изменения*). *Разрыв горизонтов*. *Разрыв* – нарушение взаимосвязи, согласованности между чем-либо [БТС, 2000]. *Горизонт* – круг будущих действий, возможностей [БТС, 2000]. «Яндекс» не фиксирует результаты поискового запроса со словосочетанием *разрыв горизонта*. Существует понятие *горизонт разрыва*, обозначающий «горизонтальную плоскость, проходящую через точку падения (точку разрыва) бомбы». Словосочетание *разрыв в горизонте* употреблено в переносном значении и обозначает «возможную парадигму изменений». Ср.: *Разрыв горизонтов – возможность формулировать большие задачи*.

Стартап активности. *Стартап* – (от англ. *startup* – стартовый) недавно созданная фирма, чаще всего интернет-компания, занимающаяся высокими технологиями, интернетом и нанотехнологиями [Универсальный дополнительный практический толковый словарь]. *Активность* – деятельное участие в чём-л. Усиленная, энергичная деятельность [БТС, 2000]. Словосочетание *стартап активности* обозначает «энергичное начинание чего-либо». Ср.: *Очень хороший показатель – стартап активности. Попробуем включить его в критерии*.

Труд изменения. *Труд* – усилие, направленное к достижению чего-либо [БТС, 2000]. *Изменение* – поправка, исправление, переделка [БТС, 2000]. «Яндекс» обнаруживает 49 млн. запросов со словосочетанием

труд изменения и демонстрирует результаты поиска. В переносном смысле словосочетание *труд изменения (финансирования)* предполагает «долгосрочный и трудоемкий процесс изменения ситуации к лучшему». Ср.: *Долгосрочный труд изменения финансирования образования*.

2. Словосочетания, в которых главный компонент имеет значение *границы чего-либо* (ср.: *контур госполитики*). *Контур госполитики*. *Контур* – внешнее очертание предмета [БТС, 2000]. *Государственная политика* – принципиальное руководство к действию для органов государственной власти, касающееся определённых направлений их деятельности, соответствующее законам и социальным обычаям [Погорелый Д. Е., Филипов К. В., Фесенко В. Ю., 2008]. Словосочетание *контур госполитики* имеет лексическое значение «границы и направления государственной политики». Ср.: *Это контур госполитики, его и надо придерживаться*.

3. Словосочетания, в которых главный компонент имеет значение *план, структура чего-либо* (ср.: *повестка обучения*). *Повестка* – разг. перечень вопросов, выносимых на обсуждение на собрании, совещании [БТС, 2000]. *Обучение* – от обучить. *Обучить* – сообщить, привить кому-либо какие-либо знания, навыки; научить [БТС, 2000]. Словосочетание *повестка обучения* обозначает «перечень вопросов, обсуждаемых и изучаемых в процессе обучения». Ср.: *Какая, собственно, повестка обучения? Огласите, пожалуйста, весь список*.

Глагольные словосочетания

Глагольные словосочетания представлены следующими комбинациями морфологических единиц: «глагол + существительное» и «глагол + наречие». Зависимые существительные в глагольных словосочетаниях чаще всего имеют форму В.п., что характерно для официально-деловой речи. Глагольные словосочетания характеризуются тем, что в качестве главного компонента выступают глаголы, недавно вошедшие в словарный запас государственных и муниципальных служащих (ср.: *переформатировать, популяризировать*). Такие глаголы не зафиксированы в словарях сочетаемости и ранее не употреблялись в административно-политическом дискурсе. На наш взгляд, частотность подобных словосочетаний демонстрирует тенденцию к демократизации и модернизации речи.

Словосочетания «глагол + существительное» представлены следующими лексико-семантическими группами.

1. Словосочетание, главный компонент которых обозначает *действие* или *деятельность*:

- глаголы *созидательной деятельности* (ср.: *переформатировать систему*). Сочетаемость возможности глагола

перереформатировать не зафиксированы в словаре сочетаемости. Ср.: Перереформатировать систему просто необходимо. Словосочетание *перереформатировать систему* является общеупотребительным, частотным, стилистически нейтральным и не противоречит грамматическим и лексическим нормам современного русского литературного языка;

- глаголы *социальной деятельности* (ср.: *популяризировать вложения*). Сочетаемостные возможности глагола *популяризировать* при управлении В.п. существительного не зафиксированы в словаре сочетаемости. Наиболее часто глагол *популяризировать* употребляется в следующих словосочетаниях: *популяризировать (что?) бренд, марку одежды, кинофильм, книгу, науку*. Ср.: Популяризировать вложения труда. Словосочетание *популяризировать вложения* не нарушает грамматическую сочетаемость, однако является спорным с точки зрения лексической сочетаемости. На наш взгляд, словосочетания *вложения труда* и соответственно *популяризировать вложения труда* противоречат нормам современного русского литературного языка.

2. Словосочетания, главный компонент которых обозначает *отношение к чему-либо*:

- глаголы *утраты объекта* (ср.: *сбиваться на имитацию*). Обычно глагол *сбиваться* употребляется с предлогом *с* (например, *сбиваться с верного пути*). Возможно употребление с предлогом *на*, но чаще всего – с предлогом *с* (например, *сбиваться с наезженной колеи на обочину*). Ср.: Часто образование сбивается на имитацию. Словосочетание *сбиваться на имитацию* нарушает и грамматическую, и лексическую сочетаемость.

Ранее отмечалось редкое использование наречий в официально-деловом стиле и административном социолекте. Чаще всего глагольные словосочетания с зависимым наречием характеризуют качество *деятельности* или *действия*, обозначенного глаголом. Такие наречия передают контекстуально-необходимые оттенки значения и встречаются непосредственно в устной речи представителей органов власти (ср.: *зарабатывать гибко, работать точно*).

Зарабатывать гибко. Сочетаемостные возможности глагола *зарабатывать* при управлении наречием: *зарабатывать (как?) легко, с трудом, самостоятельно*. Ср.: Людям необходимо давать возможность гибко зарабатывать. Словосочетание *гибко зарабатывать* не противоречит нормам современного русского литературного языка, хотя не является традиционным в плане лексической сочетаемости.

Работать точно. Сочетаемостные возможности глагола *работать* при управлении наречием:

- работать (как?) *долго, упорно, не разгибая спины*;
- работать (как?) *честно, усердно, сверхурочно*;

- работать (как?) *активно, успешно, неустанно*. Ср.: *Не готовы мы пока работать точечно*. Словосочетание *работать точно* не противоречит грамматическим нормам современного русского литературного языка, однако является новым в плане лексической сочетаемости. Частотность подобных словосочетаний свидетельствует о стремлении государственных и муниципальных служащих к *выразительности* и *точности речи*, которые, в целом, становятся положительными трендами административно-политического дискурса XXI века. Однако в погоне за креативностью не стоит забывать о соблюдении существующих норм современного русского литературного языка.

Анализируя представленные примеры традиционной и новейшей сочетаемости часто употребляемых в административном социолекте лексем, обозначим наиболее заметные речевые тенденции, характеризующие языковую личность государственного служащего.

1. Для представителей властных структур свойственно употребление нейтральных и общеупотребительных лексем в новом, несвойственном им ранее переносном значении. Последствием деформации основной, первоначальной семантики слова становится возможное расширение его сочетаемостных способностей.

2. Современная устная коммуникация государственных и муниципальных служащих демонстрирует наибольшую частотность употребления словосочетаний, построенных по модели «существительное + согласованное прилагательное или причастие» (ср.: *эффективный руководитель, экспертная составляющая*), что до недавнего времени было свойственно для художественного стиля речи и нехарактерно для официального языка. Наличие таких словосочетаний (40 % от общего количества словосочетаний) подтверждает тенденцию к *стилевой глобализации и инноватизации* административно-политического дискурса.

3. В современном административно-политическом дискурсе преобладают субстантивные (68 %) и глагольные (31 %) словосочетания, среди которых выделим: 1) *традиционные словосочетания*, подразумевающие сочетания слов, характерные для современного русского языка. Сочетаемостные возможности лексем, составляющих такие словосочетания, зафиксированы в словарях сочетаемости и не нарушают нормы лексической и грамматической сочетаемости; 2) *новейшие (неологичные)* словосочетания, ранее не свойственные административно-политическому дискурсу и официально-деловому стилю речи и в большинстве своем не описанные в существующих лексикографических источниках.

4. Среди субстантивных словосочетаний наиболее частотны комбинации, построенные по модели «существительное + согласованное прилагательное или причастие» (40 % от общего

количества словосочетаний) и «существительное + существительное в Р.п.» (27,7 %).

5. Среди *традиционных* субстантивных словосочетаний типа «существительное + согласованное прилагательное или причастие» выделим следующие лексико-семантические группы, где главный компонент обозначает (несколько условно): 1) процесс (*ср.: адекватное улучшение*); 2) результат мыслительной деятельности (*ср.: структурное решение*); 3) систему (*ср.: инновационная экосистема*); 4) часть при наличии целого (*ср.: экспертная составляющая*); 5) субъект деятельности (*ср.: нишевый игрок*); 6) географический объект (*ср.: комфортная страна*); 7) степень интенсивности задействованных ресурсов (*репутационный риск*). Наличие большого количества таких словосочетаний в речи государственных и муниципальных служащих указывает на стремление госслужащих к *образности* и *выразительности речи*.

6. Среди *традиционных* словосочетаний «существительное + существительное в Р.п.» выделим лексико-семантические группы, где главный компонент сочетания имеет значение: 1) процесса или действия (*ср.: выработка подходов*); 2) субъекта деятельности (*ср.: сборщик панели*). Подобные словосочетания являются характерной чертой административного социолекта и соответствуют стилевым нормам официального языка.

7. К *неологичным* субстантивным словосочетаниям отнесем комбинации, построенные по модели «существительное + согласованное прилагательное или причастие», классифицированные по следующим лексико-семантическим группам, в которых главный компонент имеет значение: 1) процесса или результата интеллектуальной деятельности (*ср.: компетентностное картирование*); 2) системы (*ср.: объединенный континуум*); 3) части целого (*ср.: исчерпанная ниша*); 4) субъекта деятельности (*хаотичный управленец*); 5) обобщенной семантики (*общеелекторальная история*). Большой процент подобных словосочетаний демонстрирует тенденцию к *демократизации* и *модернизации* речи представителей властных структур

8. К *неологичным* субстантивным словосочетаниям «существительное + существительное» отнесем следующие лексико-семантические группы, где главный компонент словосочетания обозначает: 1) процесс или действие (*ср.: разрыв горизонтов*); 2) границы чего-либо (*ср.: контур геополитики*); 3) *структуру* чего-либо (*ср.: повестка обучения*). Расширение сочетаемостных возможностей лексических единиц определяется употреблением существительных в ранее несвойственном для них значении.

9. Среди наиболее употребляемых глагольных словосочетаний выделим «глагол + существительное» (27,5 % от

общего количества словосочетаний) и «глагол + наречие» (3,5 %). Характерной особенностью глагольных словосочетаний является употребление лексем, недавно вошедших в систему современного русского языка (ср.: *переформатировать, популяризировать*). Выделим следующие лексико-семантические группы глагольных словосочетаний «глагол + существительное», в которых главный компонент обозначает: 1) действие или деятельность: а) созидательная деятельность (ср.: *переформатировать систему*); б) социальная деятельность (ср.: *популяризировать вложения*); 2) отношение к чему-либо: а) глаголы утраты объекта (ср.: *сбиваться на имитацию*). Глагольные словосочетания «глагол + наречие» в большинстве случаев характеризуют *действие* или *деятельность* (ср.: *зарабатывать гибко*). Наличие в административном социолекте подобных словосочетаний подтверждает развитие тенденции, направленной на *инноватизацию* речи.

10. К негативным тенденциям отнесем тот факт, что административно-политический дискурс пополняется новыми словосочетаниями, выступающими в качестве номинаций к неологичным понятиям (ср.: *исчерпанная ниша, компетентностное картирование, матричная диверсификация, объединенный континуум, торговая цифра, хаотичный управленец*), которые не всегда могут быть понятными обычному носителю современного русского языка. Такую сочетаемость в ряде случаев можно назвать оксюморонной и констатировать факт не всегда обоснованного расширения синтагматических возможностей единиц, входящих в подобные комбинации слов.

Можно предположить, что речь представителей властных структур подвержена безусловному влиянию экстралингвистических факторов и в полной мере отражает экономико-политические изменения, происходящие в современной России. Обновление лексического состава, а также расширение сочетаемостных возможностей представленных лексем свидетельствуют об «омоложении» административно-политического дискурса. Явно выраженной становится тенденция к стремлению объясняться при помощи общепринятой на мировой арене терминологии. Однако следует помнить о том, что сохранение богатства и традиций русского языка является первостепенной стратегической задачей современной России. Языковая личность современного государственного служащего выступает в качестве коммуникативного образца, на который ориентируются представители других лингвоинтенсивных профессий.

3.2.4. Изменения в сфере грамматики

Формирование языкового портрета государственного служащего осуществляется в том числе и посредством наблюдений изменения административно-политического дискурса в сфере грамматики. В этой связи вполне очевиден тот факт, что грамматическим характеристикам административного и политического дискурса посвящено большое количество современных исследований (см., например, работы О. Е. Андросовой [Андросова, 2014], Н. В. Грачевой [Грачева, 2015], А. А. Самсоновой [Самсонова, 2017] и др.). В результате масштабного мониторинга электронных ресурсов (см., например: URL: <https://www.agroxxi.ru>; URL: <http://www.dairynews.ru>; URL: <http://www.fedlab.ru>; URL: <https://lenta.ru>; URL: <https://www.rosminzdrav.ru>; URL: <http://www.trbzdrav.ru>; URL: <http://www.yugopolis.ru>; URL: <https://www.1tv.ru> и др.), предоставляющих официальную информацию публичных выступлений представителей органов власти современной России, нами были выявлены некоторые грамматические особенности административно-политического дискурса.

Так, к положительным тенденциям «языка власти» на грамматическом уровне необходимо отнести использование представителями государственного и муниципального управления *широкого спектра грамматических средств* языка для придания устной речи *образности, выразительности, доступности и понятности*. Судя по многообразию использованных средств, мы позволим себе утверждать, что государственные и муниципальные служащие при реализации официальных публичных выступлений проходят многоаспектную подготовку.

Выделим грамматические особенности, формирующие языковую личность современного государственного служащего.

1. *На морфологическом уровне* показательным, по нашему мнению, является использование местоимений типа *мы (наш), ты* и местоименных пар, контекстуально противопоставленных друг другу, *я (мой)* и *мы (наш)*, а также *мы (наш)* и *вы (ваши)*. Использование таких местоимений при реализации публичных выступлений может быть направлено на достижение нескольких задач:

- намеренное употребление местоимений *мы* и *наши* свидетельствует о желании говорящего достичь единства с аудиторией. Ср.: *Мы разработали представленный проект, мы будем справляться с поставленными задачами; Мы готовы сотрудничать; Это наши результаты; Наша деятельность направлена на эффективизацию*

производства; В 2018 году мы продолжаем регламентировать функциональность секторов; Мы настроили механизм льготного кредитования; Нами разрабатываются законопроекты, направленные на повышение эффективности экономического направления;

- использование местоимения *ты* в сочетании с обращением по имени и отчеству свидетельствует о неформальном общении и приватности беседы, является характерной особенностью административного социолекта и подчеркивает доверительность профессиональных отношений. Ср.: *Ты, Алексей Викторович, обрати на это внимание; Ты, Мария Васильевна, большая молодец;*

- употребление контекстуально противопоставленных местоимений *я (мой)* и *мы (наш)* свидетельствует о желании автора акцентировать внимание на своей субъективной позиции (мое мнение) в противовес официальной позиции организации (наше мнение). Такое противоречие носит условный характер, автор не противопоставляет свое мнение мнению коллектива, но подчеркивает, что ответственность за некоторые высказывания лежит только на нем и что концепция организации (корпорации, учреждения) может существенно отличаться. Ср.: *Мое мнение может быть не приоритетным, но я его выскажу; Наша стратегия стала выигрышной для целого научного направления; Два первых места в прошлом году на федеральном уровне, так действует наш метод; Мы рассчитываем на взаимовыгодное сотрудничество со всеми присутствующими здесь организациями; У меня нет сомнений в успехе начатого; У меня нет сомнений в том, что наши предложения будут реализованы; Я призываю: если мы будем вкладываться в когнитивные исследования, то нам будет понятно, куда мы движемся;*

- намеренное употребление местоимений *мы (наш)* и *вы (ваши)* свидетельствует о желании автора подчеркнуть противоположность суждений, противопоставить свое мнение мнению оппонента. Ср.: *Это конкретно Ваша работа, Вы должны думать о последствиях; Мы вообще не принимаем вашей логики; Эта ваша политика компании далеко не так эффективна, как вы описываете.*

2. С позиции синтаксиса правомерно выделить особенности на уровне словосочетания и предложения.

2.1. На уровне словосочетания характерной чертой административного социолекта остается «нанизывание» форм родительного падежа существительных. Ср.: заместитель

начальника отдела хозяйственного обеспечения департамента здравоохранения области.

2.2. В строе предложения можно отметить:

1) появление *осложняющих элементов*, меняющих статус простого предложения и превращающего его в осложненное, а именно:

- *обращения*, используемые в качестве средств привлечения и удержания внимания аудитории. Государственные и муниципальные служащие в устной коммуникации часто используют обращения для предания речи подчеркнутой адресности. Интересным представляется введение в обиход словосочетания *уважаемые друзья*, наряду с существующим и активно используемым словосочетанием *уважаемые коллеги*. Активно используются и другие обращения, подчеркивающие официальность коммуникативной ситуации, а также общность профессиональных интересов. Ср.: *Добрый день, уважаемые коллеги! Позвольте поприветствовать вас на открытии сегодняшнего мероприятия; Коллеги, ответьте мне на этот вопрос, это физика шестого класса. Отвечайте, я жду. Коллеги, есть варианты; Мы видим результаты совместной работы, спасибо вам, коллеги, за преданность делу и государству; Дорогие соратники, спасибо за труд! Уважаемые гости и глубокоуважаемые члены экспертной комиссии! Уважаемые друзья, я имею честь открыть сегодняшнее торжественное мероприятие;*

- *вводные слова*, выполняющие в речи государственных и муниципальных служащих связующую функцию. В большинстве случаев вводные слова не несут содержательной нагрузки, а добавляют оттеночные смысловые значения и делают речь благозвучной. Ср.: *Безусловно, главной задачей департамента на 2018 год становится следование стратегическим целям, обозначенным Президентом Российской Федерации. Так, в 2018 году к факторам риска были отнесены аспекты частного финансирования;*

- *однородные члены предложения*, являющиеся характерной особенностью официально-делового стиля речи. Ср.: *На муниципальном, региональном, федеральном уровнях ситуации не повторяются. В прошедшем мероприятии принимали активное участие главы регионов, представители Правительства Российской Федерации, представители научных содружеств и ассоциаций, преподаватели вузов. Инвестиции нужны повсюду: в частном бизнесе, в госструктурах, в корпоративных университетах. Везде современные технологии нуждаются в финансировании;*

- обособленные согласованные определения, выраженные причастиями и причастными оборотами, в устной речи государственных и муниципальных служащих преобладающие над различными обособленными обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами, и употребляющиеся как в пре-, так и в постпозиции по отношению к определяемому слову. Ср.: Сидящие здесь технари, скажите (это физика шестого класса): у вас мокрые руки, вы выходите из ванной комнаты... Реализуемая по поручению руководства новая программа не дала значимых результатов. Человек, имеющий фундаментальное образование, должен прекрасно понимать, что он должен научиться учиться. Число граждан, получивших льготы в 2018 году, значительно выросло. Цифры, аргументированные отделом продаж в прошлом году, выглядят эфемерными на сегодняшний день. Умелое употребление причастных оборотов в речи государственных и муниципальных служащих может свидетельствовать о достаточном уровне речевой коммуникации представителей властных структур;

2) изменения в структуре предложения, к которым отнесем эллиптические предложения и предложения с повторами:

- эллиптические конструкции, представляющие собой намеренные структурные изменения в предложении с пропуском слов, позволяющие сделать высказывание лаконичным и емким. Ср.: *Разговор о том, что клавиатура заменит моторику, правописание, – это разговор ни о чём. Без этого невозможно, иначе – каменный век. Следующий момент. Цифровым должно быть 100 %: школьная бухгалтерия – в цифре, классный журнал – в цифре, электронный дневник – в цифре; За период с 2017 по 2018 год мы увеличили объемы производства для российского покупателя в 3 раза, для Запада – в 2 раза.* Эллиптические конструкции придают публичной речи динамичность, что позволяет поддерживать нужный темп публичного выступления, делать выступление ритмичным;

- повторяющиеся слова, свидетельствующие о желании автора усилить эмоциональность высказывания и подчеркнуть его значимость. Ср.: *С такими амбициями вы пойдете далеко, очень далеко. Мне хочется, непременно хочется поздравить представителей соседнего региона с положительным результатом;*

3) использование интонационных ресурсов высказывания, среди которых наиболее употребительными являются:

– односоставные предложения с дополнительной утвердительной семантикой, свидетельствующие о стремлении

служащих разнообразить публичную речь, сделать ее эмоционально насыщенной и более убедительной. Ср.: *Я абсолютно согласна с коллегами, которые говорят, что нам придется переподготавливать учителей. Да. Придется!*;

- *вопросительные предложения (в том числе риторические)*. Ср.: *Что же мы якобы нарушаем? А несколько месяцев назад правительством на законодательном уровне было принято решение: возвратиться к формам мелкой моторики. Почему? Клавиатуру отставить, потому что она не способствует развитию, а к мелкой моторике возвратиться; Второй момент: гаджеты и их использование в раннем возрасте. Где эти исследования? Использование государственными и муниципальными служащими вопросительных конструкций привлекает и удерживает внимание аудитории, повышает эмоциональность и динамичность речи.*

Грамматические особенности административного социолекта относительно устойчивы, к примеру, по сравнению с лексическими характеристиками. Они не демонстрируют активных изменений и свидетельствуют об использовании государственными и муниципальными служащими широкого спектра грамматических средств языка, что делает речь представителей органов власти выразительной и эмоциональной.

3.3. Особенности письменной реализации языкового портрета государственных служащих

Обращаться со словами нужно честно.

Н. В. Гоголь

Формирование и динамика коммуникативной компетентности государственных служащих помимо устной речи отчетливо просматривается в речи письменной. Письменной грамотности государственных и муниципальных служащих уделяется особое внимание. Аттестационные испытания на административные должности включают в том числе диктант по русскому языку. Наиболее востребованными становятся дополнительные профессиональные программы повышения квалификации, имеющие в составе модуль русского языка и культуры речи. В некоторых органах государственной власти и местного самоуправления появились корректорские должности. Корректоры проверяют и редактируют официально-деловую переписку государственных служащих с целью устранения ошибок и недочетов. Однако проведенный анализ показывает, что, к сожалению, проводимой работы явно недостаточно.

Администрация Владимирской области проводит ежегодный конкурс «Лучший государственный служащий» и «Лучший муниципальный служащий», где участники представляют вниманию жюри авторские проекты, оцениваемые в том числе с точки зрения грамотности речи и ее правильности, точности и логичности. Финальная часть конкурса включает публичную защиту проекта, где оценивается ораторское мастерство конкурсантов.

Образовательными организациями Владимирской области (Владимирским филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Владимирским филиалом Финансового университета при Правительстве Российской Федерации) реализуется широкий спектр дополнительных профессиональных программ повышения квалификации для органов власти, в том числе «Деловой русский язык на государственной службе», «Деловой русский язык на муниципальной службе», «Делопроизводство и архивирование документов на государственной службе», «Работа с обращениями граждан и организаций», «Деловой протокол» и др. Перечисленные программы полностью или модульно посвящены русскому языку и культуре речи. Важно отметить, что государственные и муниципальные служащие заинтересованы в развитии коммуникативной компетенции, активно участвуют в обучении, делятся профессиональным опытом работы с документацией; в рамках дискуссий на интерактивных занятиях обсуждают проблемы

профессиональной речи. Процент служащих, желающих получить дополнительное профессиональное образование по направлению «Русский язык и культура делового общения», заметно увеличивается. К положительным тенденциям необходимо отнести самомотивацию представителей государственного и муниципального управления совершенствовать знания по русскому языку и осуществлять грамотную коммуникацию при реализации профессиональной деятельности.

Официально-деловое взаимодействие в системе государственного и муниципального управления в письменной форме отражено в официальных документах различной тематической направленности и юридической значимости. Трудности, с которыми сталкиваются государственные и муниципальные служащие при реализации письменной речи, могут заключаться в неграмотном изъяснении и непрофессиональном составлении документов, чрезмерном усложнении и тяжеловесности делового языка, неправильной интерпретации смысла документов при взаимодействии с гражданами, соблюдении не в полной мере корректности и этики деловой переписки.

Методом форсайт-анализа был выявлен спектр языковых трудностей, наиболее актуальных для современных государственных и муниципальных служащих. В подобных проектах важен подход предвидения коммуникативных потребностей самих носителей языка (см., к примеру, применение метода форсайт-анализа в исследовании муниципальной службы S. Sivonen, L. Pouru [Sivonen, Pouru, 2014]).

Материалы, представленные в настоящем разделе, основываются на результатах анализа, который проводился в течение 2015-2018 гг. в рамках взаимодействия с администрацией Владимирской области и включал в себя:

- сбор и классификацию наиболее типичных ошибок, допускаемых служащими во время реализации официально-деловой переписки;

- проведение форсайт-сессий и форсайт-анализа, взаимодействие с руководителями структурных подразделений администрации Владимирской области и выявление «наиболее слабых мест» в коммуникативных компетенциях государственных служащих Владимирской области;

- анализ тестирований по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации, проведенных в 2015 – 2018 годах (в частности, Владимирским филиалом РАНХиГС в рамках государственных контрактов на реализацию дополнительных профессиональных программ повышения квалификации «Деловой русский язык на муниципальной службе», а также «Работа с обращениями граждан и организаций»).

Общеизвестно, что представители органов власти в рамках своих профессиональных обязанностей несут высокую ответственность за принятые решения и их реализацию. Государственные служащие понимают необходимость совершенствования собственной коммуникативной грамотности.

Результатом проведенного нами этико-лингвистического исследования стало выявление повышенного интереса к русскому языку и образовательной потребности в указанных выше программах. С 2015 г. процент дополнительных профессиональных программ повышения квалификации, направленных на совершенствование коммуникативного вида деятельности в рамках имеющейся квалификации, продолжает расти. При реализации дополнительных профессиональных программ повышения квалификации отмечается заинтересованность представителей органов власти в совершенствовании коммуникативной компетентности, заключающейся в умении корректно выстраивать устное и письменное взаимодействие в работе с обращениями граждан и организаций, грамотно осуществлять официально-деловую переписку, обеспечивать эффективное функционирование документооборота, организовывать и проводить публичные мероприятия с соблюдением делового протокола, качественно осуществлять публичные выступления и др.

Важно отметить, что в органах государственной власти государственные служащие имеют больше возможностей для осуществления грамотной официальной переписки. Муниципальные служащие органов местного самоуправления в связи с отсутствием корректорских должностей вынуждены контролировать качество официальной документации самостоятельно. В этой связи наибольшую образовательную потребность в сфере русского языка демонстрируют именно представители органов местного самоуправления. Сами муниципальные служащие констатируют факт возникновения трудностей при реализации официально-деловой переписки и готовы совершенствовать коммуникативную грамотность для эффективной реализации профессиональной деятельности.

Как уже было отмечено выше, с 2015 по 2018 г. нами было проведено лингвистическое исследование, имевшее целью изучить коммуникативные возможности и речевой потенциал представителей государственного и муниципального управления.

Основными задачами проведенного исследования являлись следующие позиции:

а) определение специфических характеристик речи государственных и муниципальных служащих;

б) сравнение уровня коммуникативных трудностей на региональном и муниципальном уровнях;

в) обозначение некоторых тенденций языка власти в аспекте этичной коммуникации;

г) анализ профессиональной речевой деформации представителей органов власти посредством классификации наиболее часто допускаемых ошибок в официально-деловой переписке;

д) моделирование предложений по актуализации коммуникации в сфере государственного и муниципального управления.

В результате проведённого анализа нами было выявлено два противоположных фактора, характеризующих административный социолект.

С одной стороны, заметим абстрагированность системы государственного и муниципального управления, сопровождаемую иерархичностью и субординированностью общения, специфичностью использования языковых средств, к примеру, клишированностью фраз и выражений, свойственных представителям власти, подражанием речи руководителей (от непосредственного руководителя до политических лидеров) и др.

С другой стороны, система государственного и муниципального управления прежде всего сформирована для взаимодействия представителей власти и штата сотрудников, обеспечивающих это взаимодействие, с представителями различных групп гражданского общества. Поэтому языковая система государственного и муниципального управления, характеризующаяся специфичностью профессионального общения, должна соответствовать требованиям и запросам адекватного языкового развития современного российского общества, а главное, формировать этичное и качественное взаимодействие между участниками коммуникации.

При реализации исследования было проанализировано 2238 деловых писем различной содержательной направленности. К сожалению, можно констатировать проблему соблюдения норм современного русского литературного языка и недостаточную грамотность государственных и муниципальных служащих. Актуальность этой проблемы не подлежит сомнению в связи с высоким уровнем ответственности и многоаспектности последствий языковой неграмотности, которые могут проявляться в нормотворческой деятельности (написании и трактовке законов), в вопросах взаимодействия с населением и многим другим.

Наиболее часто допускаемые ошибки представлены на рисунке 5.

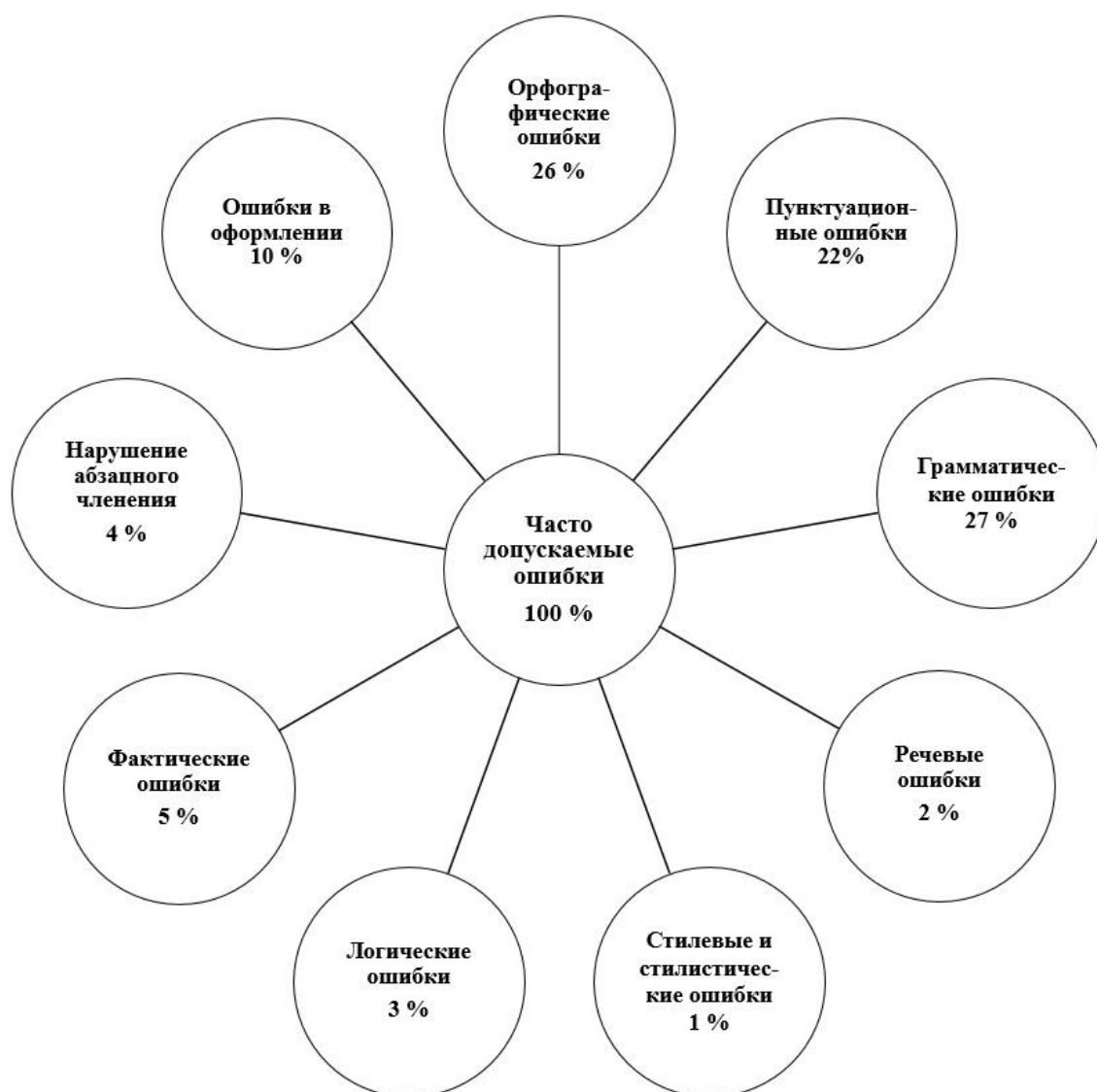

Рис. 5. Процентное соотношение наиболее распространенных ошибок

3.3.1. Орфографические ошибки

В качестве положительных тенденций административно-политического дискурса в сфере орфографии отметим следующие факторы.

1. Сокращение количества допускаемых ошибок после обучения по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации, направленным на совершенствование коммуникативной компетентности современных государственных и муниципальных служащих. При реализации дополнительных профессиональных программ проводится двойной мониторинг грамотности государственных и муниципальных служащих. Реализуется входное и итоговое усложненное тестирование. Результаты демонстрируют снижение допускаемых ошибок в конце обучения в среднем на 25 %. Положительная динамика грамотности представителей властных структур зафиксирована в каждой реализованной дополнительной профессиональной программе.

2. К положительным тенденциям в сфере орфографии отнесем стремление государственных и муниципальных служащих верифицировать правильное написание, обращаясь к орфографическим словарям и справочникам, не ограничиваясь проверкой в интернете.

3. В качестве положительного фактора отметим нарушение небольшого количества орфограмм. Более семидесяти орфограмм изучаются в рамках школьной программы по русскому языку. Результаты проведенного исследования демонстрируют незнание незначительного количества правил. В частности, нами зафиксированы нарушения семи правил в сфере орфографии.

4. Важно отметить, что большинство государственных и муниципальных служащих в рамках профессиональной деятельности занимаются вычиткой и корректировкой официальной документации, в этой связи отметим развитие профессиональной способности служащих видеть, корректировать и исправлять ошибки и неточности письменной речи.

Большой процент от общего количества недочетов составляют ошибки в области орфографии (26 % из 100%; 100% составляют все ошибки, замеченные в результате анализа 2238 деловых документов). В качестве самых распространенных можно назвать следующие: 1) написание строчных и прописных букв, 2) правописание *не* с существительными и прилагательными, 3) правописание сложных слов, 4) слитное или раздельно написание *тоже, также*, 5) правильное написание производных предлогов. Если брать во внимание возрастной критерий опрашиваемых респондентов, необходимо заметить, что у государственных служащих в возрасте от 40 до 60 лет

орфографических ошибок на 30 % меньше, чем у представителей этой профессии в возрасте от 20 до 40 лет.

Наиболее типичные орфографические ошибки представлены на рис. 6.

Несмотря на то, что правописание слова можно определить при помощи компьютерных программ или используя интернет-ресурсы (словари и справочники), наибольшие сложности возникают, когда орфограмма является вариативной (в зависимости от контекстуальных условий может быть 2 или 3 варианта орфограммы).

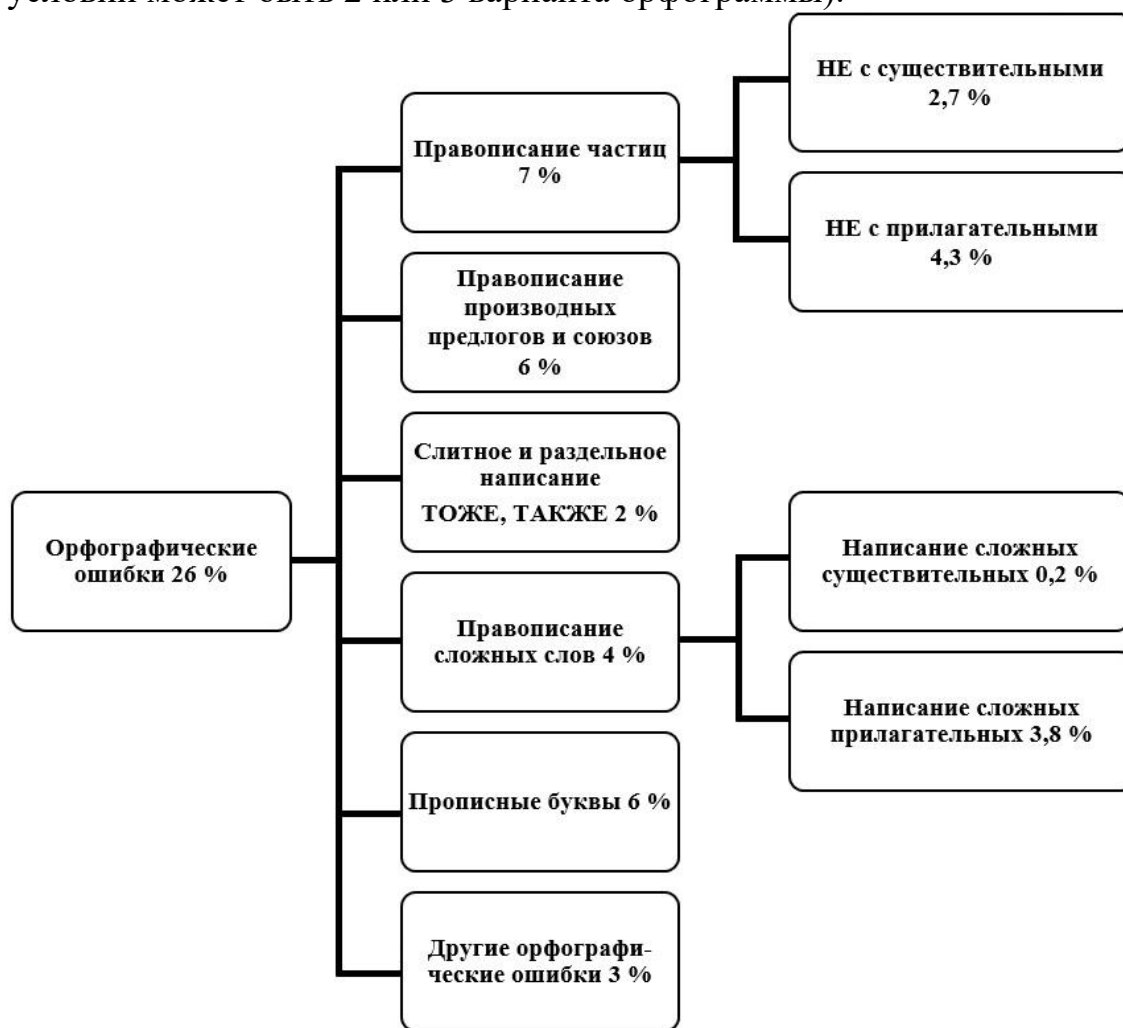

Рис. 6. Орфографические ошибки

В качестве собранных примеров ошибочного написания отметим следующие.

Правописание частиц

Правописание НЕ с именами существительными и прилагательными: *Контракт не был заключен в необходимый срок по причине *не включения организации в реестр предприятий (вместо невключения). В целях исключения технических неполадок, а также *не допущения аварийных ситуаций дирекция настаивает на проведении инвентаризации... (вместо недопущения). Нет ничего *не законного в*

предоставлении государственных услуг в нерабочее время... (вместо незаконного). ***Не желательным** аспектом нашего будущего сотрудничества может стать недопонимание условия выполнения государственного контракта... (вместо нежелательным).

Правописание сложных существительных и прилагательных: ***духовно нравственные** критерии (вместо духовно-нравственные); состояние ремонта ***фельдшерско акушерских** пунктов муниципального значения (вместо фельдшерско-акушерских); верифицировать данные в ***информационно телекоммуникационной** сети «Интернет» (вместо информационно-телекоммуникационной); проект федерального закона «Об исключении статьи 3.1. ***Уголовно исполнительного** кодекса Российской Федерации» (вместо Уголовно-исполнительного).

Правописание производных предлогов: ***Вследствии** аварии около детского садика № 5 был поврежден светофор (вместо вследствие).

Слитное и раздельное написание ТОЖЕ, ТАКЖЕ: ***Так же** поручаем открыть праздничный концерт ... (вместо также); Были устранены неполадки основного цеха, ***а так же** южных помещений, где планируется производство (вместо также); ***В тоже время**, учитывая многочисленные обращения граждан по вопросу ремонта дороги (вместо в то же время).

Употребление прописных букв: Первому заместителю ***Министра** (вместо министра) здравоохранения Российской Федерации; Государственный ***совет** (вместо Совет); Государственная Дума Федерального ***собрани**я Российской Федерации (вместо Собрания); проект ***Федерального** закона (вместо федерального); Законодательное ***собрание** (вместо Собрание); Центральный ***Федеральный** округ (вместо федеральный); ***И.О.** Губернатора области (вместо И.о.). При этом интересна двусторонняя тенденция: примеры указывают как на необоснованное употребление прописных букв вместо строчных, так и на ошибочное употребление строчных букв вместо прописных.

К статусу других орфографических ошибок можно добавить несистемные ошибки, замеченные в письменных текстах владимирских чиновников (ср.: ***празник** (вместо праздник) и др.).

3.3.2. Грамматические ошибки

В качестве положительных тенденций административного социолекта важно отметить следующие аспекты.

1. Заметно стремление государственных и муниципальных служащих к простоте и логичности изложения, что выражается посредством отказа от использования сложных синтаксических конструкций в пользу простых предложений.

2. При реализации дополнительных профессиональных программ государственные и муниципальные служащие демонстрируют знание грамматических норм и умение их применять.

В качестве наиболее часто встречающихся грамматических ошибок назовем неправильное склонение составных слов, фамилий, заимствований, географических наименований, нарушение связи между подлежащим и сказуемым, нарушение предложного и беспредложного управления. Подобного рода ошибки составляют 27 % от общего количества выявленных недочетов. Возраст составителей официально-деловых писем не имел значения при анализе грамматических ошибок. Грамматические ошибки в процентном соотношении представлены на рис. 7.

Рис. 7. Грамматические ошибки

Склонение составных существительных: *Не было *счета-фактуры* (вместо *счета-фактуры*).

Склонение порядковых числительных: *Отопления было подключено с шестого апреля *двух тысяча тринадцатого года* (вместо *шестого апреля две тысячи тринадцатого года*).

Согласование приложений, выраженных географическими названиями. Одним из дискуссионных вопросов остается соблюдение

согласования приложений, выраженных географическими названиями. В академических научных изданиях зафиксировано, что приложения «обнаруживают тенденцию к сохранению формы именительного падежа во всех случаях падежного изменения определяемого имени» [Русская грамматика, 1980]. Важно отметить, что для большинства сочетаний отсутствие изменения стало нормой. Ср.: *аэропорт Шереметьево – к аэропорту Шереметьево*. Однако в ряде случаев прослеживается тенденция к согласованию приложения с определяемым словом. Ср.: *Будет произведена замена тротуарной плитки в г. Коврове по ул. Варваринской. Вопрос по замене асфальта на пешеходном переходе ул. Ильинской и ул. Станционной будет решен при выделении бюджетных средств*. Вариативность употребления неизменяемой и изменяемой формы нарушает единообразное написание официально-деловой документации в сфере государственного и муниципального управления. По нашему мнению, вариативное формоупотребление свидетельствует о процессе динамичности грамматических норм современного русского литературного языка.

Беспредложное и предложное управление: *Более 40 % собственников получили недостоверные сведения *в части местоположении границ участков... (вместо в части (чего?) местоположения границ). В апреле 2016 года брату *заявительнице предоставлено несколько жилых помещений... (вместо брату (кого?) заявительницы). Учитывая проводимую в настоящее время Правительством Российской Федерации **работу по сокращению дефицитов бюджетов субъектов Российской Федерации, *повышению** эффективности долговой и бюджетной политики, администрация области не поддерживает представленный проект федерального закона (вместо работу (по чему?) по сокращению и повышению). Отношения в области **организации и *осуществлении** государственного **контроля** (надзора) и защиты прав юридических лиц... (вместо в области (чего?) организации и осуществления государственного контроля).*

Нарушение связи между подлежащим и сказуемым: *Департамент, рассмотрев обращение гражданки Самойловой М. И. № 31-8, *считаем* предъявленную жалобу необоснованной (вместо считает). *Дирекция партнерской компании принимают участие* в собраниях комиссии по набору менеджеров высшего звена для филиальной сети, **выезжает* на проверку строительных работ, *участвует* в разработке стратегических планов по развитию

корпорации (вместо принимает). **Те, кто *придут** позже, займут свободные места (вместо те, кто придет позже, займут свободные места). Спор – это способ коллективного решения проблемы, при котором **каждая из сторон *претендуют** на установление истины (вместо спор – это способ коллективного решения проблемы, при котором **каждая из сторон претендует** на установление истины). **Печать**, в частности молодёжные журналы, ***уделяют** много внимания вопросам культуры (вместо Печать, в частности молодёжные журналы, уделяет много внимания вопросам культуры). **Пятьдесят один строительный объект *сданы** в прошлом году (вместо Пятьдесят один строительный объект сдан в прошлом году).

3.3.3. Пунктуационные ошибки

К положительным тенденциям административного социолекта в сфере пунктуации следует отнести следующие.

1. В целом, необходимо отметить достаточно высокий уровень пунктуационной грамотности современных государственных и муниципальных служащих Владимирской области, выявленный на интерактивных занятиях в рамках дополнительных профессиональных программ повышения квалификации «Деловой русский язык на государственной службе», «Деловой русский язык на муниципальной службе».

2. Умение государственных и муниципальных служащих изменять структуру фразы при затруднениях в постановке знаков препинания.

3. Уменьшение количества пунктуационных ошибок после реализации дополнительных профессиональных программ повышения квалификации по русскому языку.

4. Необходимость осуществлять официально-деловую переписку в рамках служебной деятельности формирует привычку соблюдать нормы пунктуации при реализации электронного общения, что можно выделить в качестве положительной тенденции.

К наиболее распространенным пунктуационным ошибкам отнесем постановку лишнего знака препинания или отсутствие необходимого знака при обособлении определений и обстоятельств, выраженных причастными и деепричастными оборотами (соответственно), вводных слов, оборотов с производными предлогами. Государственные служащие средней и старшей возрастной группы одинаково часто допускают такие пунктуационные ошибки. Возникают затруднения и с формулировкой предложений с использованием таких конструкций, и с оформлением знаками препинания. Пунктуационные ошибки представлены на рисунке 8.

Рис. 8. Пунктуационные ошибки

При расстановке знаков препинания наблюдаются два нарушения: постановка лишнего знака там, где его быть не должно, и пропуск необходимой запятой.

Пропуск запятой часто наблюдается при **обособлении вводных слов**: **В частности сотруднику старшего звена неоднократно выплачивается денежная компенсация (вместо в частности, ...). *По мнению представителей руководства своевременная регуляция конфликтных ситуаций возможна и необходима (вместо по мнению представителей руководства, ...).*

Постановка лишнего знака чаще всего отмечается:

1) при **обособлении причастий, деепричастий, причастных и деепричастных оборотов**: *Пункты 12.3 и 13.5, *предлагаемого авторским коллективом проекта, противоречат Уставу Корпорации; *В представленном законопроекте, существенным недостатком является отсутствие пунктов регламентирования процесса строительства (в представленных выше примерах обособление не требуется); В ответ на обращение Ивановой И. И. *по вопросам указанным в письме, сообщаю следующее (вместо по вопросам, указанным в письме);*

2) при **обособлении оборотов с производными предлогами**: **В соответствии со статьей 14 Положения отдела социального обеспечения, необходимое оборудование может быть передано заказчику ... (обособление ошибочное). *В связи с многочисленными обращениями граждан, об удалении парковочной зоны мы вынуждены отказать компании в разрешении на начало строительства (обособление ошибочное).*

3.3.4. Логические ошибки

Важно отметить, что государственные и муниципальные служащие Владимирской области практически не испытывают затруднений в построении логических связей при реализации официально-деловой переписки. Низкий процент логических ошибок является положительной тенденцией современного административно-политического дискурса.

Логические ошибки присутствуют в официально-деловой документации представителей органов власти младшего и среднего поколения (от 20 до 40 лет). Государственные служащие старшего поколения, желая упростить структуру предложения, используют более простые синтаксические конструкции. Логические ошибки представлены на рисунке 9.

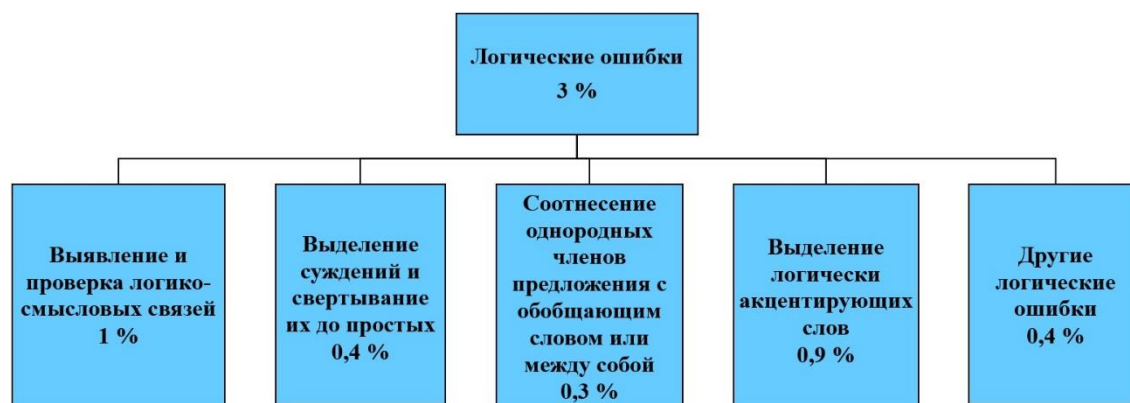

Рис. 9. Логические ошибки

Проверка логико-смысловых связей, соблюдение содержательной логики: *В связи с тем, что заявитель является отцом двух детей, оказавшийся в непростой материальной ситуации по своей вине, было принято решение об отказе в помощи (в данном примере, несмотря на содержательную прозрачность, наблюдается нарушение логико-смысловых связей). Правильный вариант: В связи с тем, что заявитель, отец двух детей, оказался в непростой материальной ситуации по собственной вине, было принято решение об отказе в оказании ему помощи.*

Выделение логически акцентирующих слов: *В октябре будущего года планируется проведение официальной встречи глав корпоративных филиалов *по вопросу обмена опытом и о возможном включении дочерней компании в корпоративную сеть (вместо по вопросу обмена опытом и возможного включения). *По вопросу обеспечению пожарной безопасности прилегающей территории и благоустройству близлежащей парковой зоны докладываю (вместо по вопросу обеспечения и благоустройства).*

3.3.5. Речевые ошибки

Положительной тенденцией письменной речи государственных и муниципальных служащих является очень низкий процент речевых ошибок (2 %). Сами представители властных структур подтверждают, что не испытывают затруднений в этом отношении. Важно отметить, что возрастной критерий государственных и муниципальных служащих, совершающих ошибки подобного рода, не является значимым. Среди речевых ошибок встречаются частые повторы типа **Необходимое оборудование при необходимости будет передано заказчику*, а также речевые недочеты следующего типа: **Исходя из вышеизложенного следует, что совместная работа представляется невозможной...* (вместо *из вышеизложенного следует, что...*). С 2016 года заявитель **регулярно направляет обращения в различные структуры разных уровней от областных до федеральных* (вместо *направляет обращения в различные структуры всех уровней*).

3.3.6. Оформление

Положительной тенденцией административного социолекта является строгое соблюдение государственными и муниципальными служащими правил оформления документации, чему способствует разработка многочисленных нормативных актов, регламентирующих процессы документооборота и архивирования документов. Ошибки в оформлении связаны прежде всего с высокой загруженностью государственных и муниципальных служащих, большим объемом письменной документации, необходимостью выполнять каждодневную механическую работу. Оформление официально-деловой документации регламентируется следующими нормативными актами: Федеральным законом от 22 октября 2004г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»; Инструкциями по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 15.06.2009 № 477; Национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.97-2016 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов»; Методическими рекомендациями, разработанными с целью создания инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти, утвержденными приказом Росархива от 23.12.2009 № 76; ГОСТ Р 630-2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов».

В деловой документации существует ограниченный круг наиболее распространенных неточностей, которые относятся к ошибкам оформления. Такие ошибки устраняются посредством дополнительной проверки документов и скрупулезной вычиткой. Они составляют достаточно большую часть – 10 % от общего количества допускаемых ошибок и присутствуют в деловой переписке всех госслужащих. Ошибки, связанные с оформлением, представлены на рисунке 10.

Рис. 10. Неточности в оформлении документов

Опечатки: *Рекомендуется обязательное сопровождение и наблюдение детей, являющихся *пострадавшим... (вместо детей, являющихся пострадавшими). В *рамках существующего законодательства Организация не может согласиться на выдвинутые стороной Заказчика условия... (вместо в рамках); Распределительные газовые сети п. *Санинонский ДОК (в И.п. Санино, то есть прилагательное Санинский). Также предлагается соотнести законопроект с требованиями *статьей 4 и 10 Федерального закона от 18.12.1997 № 152-ФЗ... (вместо статей).*

Пропуск слов: *Составить списки всех обучающихся по программам бакалавриата, *в том учащихся с приоритетными баллами по ЕГЭ (вместо всех обучающихся по программам бакалавриата, в том числе учащихся с приоритетными баллами по ЕГЭ); По вопросу организации работы МБДОУ *"Детский № 4" (вместо детский сад).*

Интегральным выводом представленной главы становится мысль о том, что, несмотря на наличие ошибок и неточностей, ведется обширная работа по совершенствованию официально-деловой переписки государственных и муниципальных служащих, подразумевающая мониторинг и контроль уровня грамотности представителей органов власти во время аттестационных испытаний, конкурсных мероприятий и ежедневной работы. Необходимость обеспечивать грамотный электронный документооборот усложняет коммуникативные задачи представителей системы государственного и муниципального управления, что особенно заметно у служащих старшего возраста.

Ограниченное количество штата, обеспечивающего работу органов местного самоуправления, и отсутствие корректорских должностей объясняют наличие у муниципальных служащих наибольшего количества ошибок по сравнению с государственными служащими. Положительной тенденцией деятельности и оценочных суждений представителей муниципалитетов является высокая заинтересованность в совершенствовании знаний по русскому языку и готовность получать дополнительное профессиональное образование соответствующей направленности.

Результатом проведенного анализа, включавшего организацию форсайт-сессий, лингвистического опроса представителей властных структур, классификацию типичных ошибок в официально-деловых документах, а также наблюдение, лингвистические эксперименты и открытые дискуссии в рамках дополнительных профессиональных программ повышения квалификации, становится вывод о достаточном уровне грамотности представителей государственного и муниципального управления Владимирской области.

Необходимо заметить, что в расширении коммуникативных навыков немаловажным является возрастной критерий представителей государственного управления. На сегодняшнем этапе можно говорить о том, что орфографические, грамматические и пунктуационные ошибки более характерны для служащих в возрасте от 20 до 40 лет. У старшего поколения возникают проблемы с абзацным членением, употреблением заимствованных и незнакомых слов и словосочетаний, установкой логико-смысловой структуры официально-делового письма. В проведенной классификации уже выделены направления, на которые стоит обратить внимание.

В качестве положительных тенденций административно-политического дискурса в сфере орфографии отметим сокращение количества допускаемых ошибок после обучения по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации на 25 %; стремление государственных и муниципальных служащих верифицировать правильное написание, обращаясь к орфографическим словарям и справочникам и не ограничиваясь проверкой в интернете в неофициальных источниках; нарушение небольшого количества орфограмм (в частности, семи орфограмм, вызывающих наибольшие затруднения у представителей органов власти). Орфографические ошибки составляют наибольший процент от общего количества ошибок, большинство из них связано с написанием строчных и прописных букв, правописанием *не* с существительными и прилагательными, правописанием сложных слов, правописанием производных предлогов, слитным и раздельным написанием союзов *тоже*, *также* и их различением с местоимениями и местоименными наречиями.

При реализации официально-деловой переписки сложности в сфере грамматики возникают на 1 % больше по сравнению с ошибками в сфере орфографии. Среди положительных тенденций выделим стремление государственных и муниципальных служащих к простоте и логичности изложения.

Положительными факторами развития грамотности представителей государственного и муниципального управления в сфере пунктуации являются умение государственных и муниципальных служащих изменять структуру фразы при затруднениях в постановке знаков препинания, уменьшение количества пунктуационных ошибок после реализации дополнительных профессиональных программ повышения квалификации по русскому языку, а также сформированность речевой привычки строго регламентировать пунктуационные нормы, что положительно влияет на качество письменной и интернет-коммуникации. Возникают затруднения с формулировкой предложений с вводными и обособленными конструкциями.

Важно отметить, что речевые и логические ошибки, а также ошибки в оформлении встречаются в письменной речи государственных и муниципальных служащих достаточно редко. Своевременная корректировка текста и внимательная вычитка документов устраняют соответствующие недочеты.

Однако вопрос профессиональной грамотности актуален и требует особого внимания со стороны сотрудников и руководства. Самим представителям государственного управления необходимо понимать, что проекты, пояснительные записки, сопроводительные письма не только составляются, но и интерпретируются чиновниками различных категорий и уровней. Большинство исследователей политического дискурса и социальной коммуникации утверждают, что одной из основных функций дискурса является создание смысла [Ropski Janusz, Podgorecki Józef, 2015, p. 173].

Поэтому проблема языка и речевой культуры государственных и муниципальных служащих, их коммуникативной компетентности продолжает оставаться крайне актуальной для современного российского общества. Для дальнейшей научной составляющей исследования важным является выяснение развития негативных тенденций официально-деловой переписки, предупреждение и устранение их причин.

3.4. Коммуникативные характеристики речи государственных служащих

Гений не делает ошибок, его промахи преднамеренные.

Джеймс Джойс

3.4.1. Стилистические особенности

Помимо письменных особенностей речевой реализации языкового портрета государственных служащих не менее актуальным является вопрос о коммуникативных характеристиках речи государственных служащих. К указанным особенностям можно отнести использование художественных средств выразительности речи, внедрение в дискурсивную практику элементов языковой игры как основного условия экспрессивности речи, а также стилевое многообразие, прослеживаемое на всех языковых уровнях.

Стилистические особенности официально-делового стиля речи в XXI веке находятся под пристальным вниманием широкого круга лингвистов. В качестве актуальных исследовательских направлений в русле данной тематики можно выделить:

- изучение жанровых особенностей официально-делового стиля речи, динамичность и открытость современной деловой речи, возможности трансформации коммуникационного пространства современного общества посредством взаимовлияния разных стилей речи (см., например, работы И. В. Бородиной [Бородина, 2014], Н. А. Замуруевой [Замуруева, 2010], Н. Р. Подзолковой [Подзолкова, 2013], А. В. Флори [Флоря, 2009] и др.);

- исследования стилистических особенностей официально-делового стиля в разных языках (см. работы Ж. Баганы, Е. Л. Куксовой [Багана, Куксова, 2016], Ж. Л. Биленко [Биленко, 2007], А. С. Костиной [Костина, 2014], И. Н. Мешковой [Мешкова, 2013], Н. М. Свиной [Свиной, 2007], Г. Г. Торотоева [Торотоев, 2007] и др.);

- изучение динамичности стилистических норм официально-делового функционального стиля, а также функционирования различных категорий, к примеру, категорий вежливости, связности и т. д. (см. работы М. Н. Гордеевой [Гордеева, 2012], Н. А. Карабань [Карабань, 2010] и др.);

- исследования используемых в официально-деловом стиле лексико-синтаксических средств выразительности речи, не свойственных данному стилю речи и нехарактерных для делового

общения (см., например, работы Л. А. Магомедовой [Магомедова, 2009], Т. Г. Поповой, Е. В. Сачковой [Попова, Сачкова, 2016]);

- аспекты этичной коммуникации в ситуациях делового общения, соблюдение этики общения при реализации деловой переписки (см. работы Х. Ш. Алимовой [Алимова, 2011], Н. А. Карабань, А. В. Дикаревой [Карабань, Дикарева, 2018] и др.);

- судебный дискурс официально-делового стиля (см. работы Ж. Баганы, Н. Л. Кривчиковой [Багана, Кривчикова, 2013], О. В. Бачалиашвили [Бачалиашвили, 2013], К. Р. Вагановой [Ваганова, 2011] и др.).

Как известно, одной из речевых характеристик, определяющих устную и письменную коммуникацию в сфере госуправления, является *официальный характер речи*. В ракурсе административно-политического дискурса, и в частности в системе госслужбы, общение всегда четко иерархично и субординировано. Официальный характер речи подразумевает подчеркнутую вежливость, эмоциональную сдержанность, соблюдение этики общения, использование нормативной и нейтральной лексики, применение клишированных фраз и выражений, подчеркивающих официальный характер взаимодействия, приоритет Вы-общения и многое другое.

В результате анализа представленных работ можно утверждать, что официально-деловой стиль сохраняет характерные для него особенности, среди которых большинство исследователей выделяют функциональную направленность регулирования отношений между людьми, государственными организациями и государством; стилевую окраску должностования; точность, недопущение инотолкования, однозначность, лаконизм; неличный характер речи; стандартизованность речи; наличие анализа и аргументации; изложение текста в стиле констатации или утверждения.

Однако большинство лингвистов сходятся во мнении, что стилистические особенности официально-делового стиля в настоящее время также подвержены изменениям. В XXI веке административно-политический дискурс, лежащий в рамках официально-деловой речи, определяется прежде всего не через письменную, а через устную форму общения. Он характеризуется смешением различных стилей речи, присутствием эмоционально окрашенной лексики, использованием неологизмов и заимствованных слов, стремлением к образности и выразительности. Все перечисленные особенности ранее не характеризовали официально-деловой стиль речи.

Представители системы государственного и муниципального управления понимают необходимость эффективной коммуникации, что способствует их желанию делать свою речь разнообразнее, обладать коммуникативными техниками и методиками влияния на собеседников. Стилистические особенности, характеризующие языковую личность государственного служащего, можно обозначить одной основной тенденцией – стремлением отойти от строго регламентированного административно-политического клишированного социолекта, сделать живую речь образнее, богаче и доступнее. В этой связи показательное использование художественных средств, обогащающих речь. В отличие от письменной формы общения в рамках устной коммуникации частотны случаи употребления различных лексико-синтаксических средств выразительности речи.

Традиционно к таким средствам относят: 1) тропы (метафора, метонимия, ирония, гипербола, олицетворение, синекдоха, литота, эпитет, антономасия, аллегория, художественный символ), 2) лексические средства выразительности речи (антонимы, синонимы, омонимы, топонимы и т. д.) и 3) синтаксические средства выразительности речи (синтаксический параллелизм, повтор, анафора, стык, градация, эпифора, многосоюзие, бессоюзие, инверсия, риторическое восклицание, парцелляция, риторический вопрос, перифраз, риторическое обращение, эллипс).

По нашему мнению, наибольший интерес вызывает изучение тропов, активно употребляемых носителями административного социолекта в устной коммуникации.

В «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило зафиксировано следующее определение термина «троп» – от др.-греч. *τρόπος* оборот – 1) слово или оборот речи, употребленные в публицистическом или художественном тексте в переносном смысле для создания выразительности, экспрессивности; 2) любая языковая единица, применяемая в художественном, публицистическом тексте, имеющая смещенное значение: метафора, метонимия, эпитет [Жеребило, 2010, с. 420].

В рамках нашего исследования, проведенного во Владимирской области, были собраны и проанализированы лексико-синтаксические средства выразительности речи, используемые в устной коммуникации представителей органов власти.

Процентное соотношение тропов в устной речи представителей органов государственной и муниципальной власти представлено на рисунке 11.

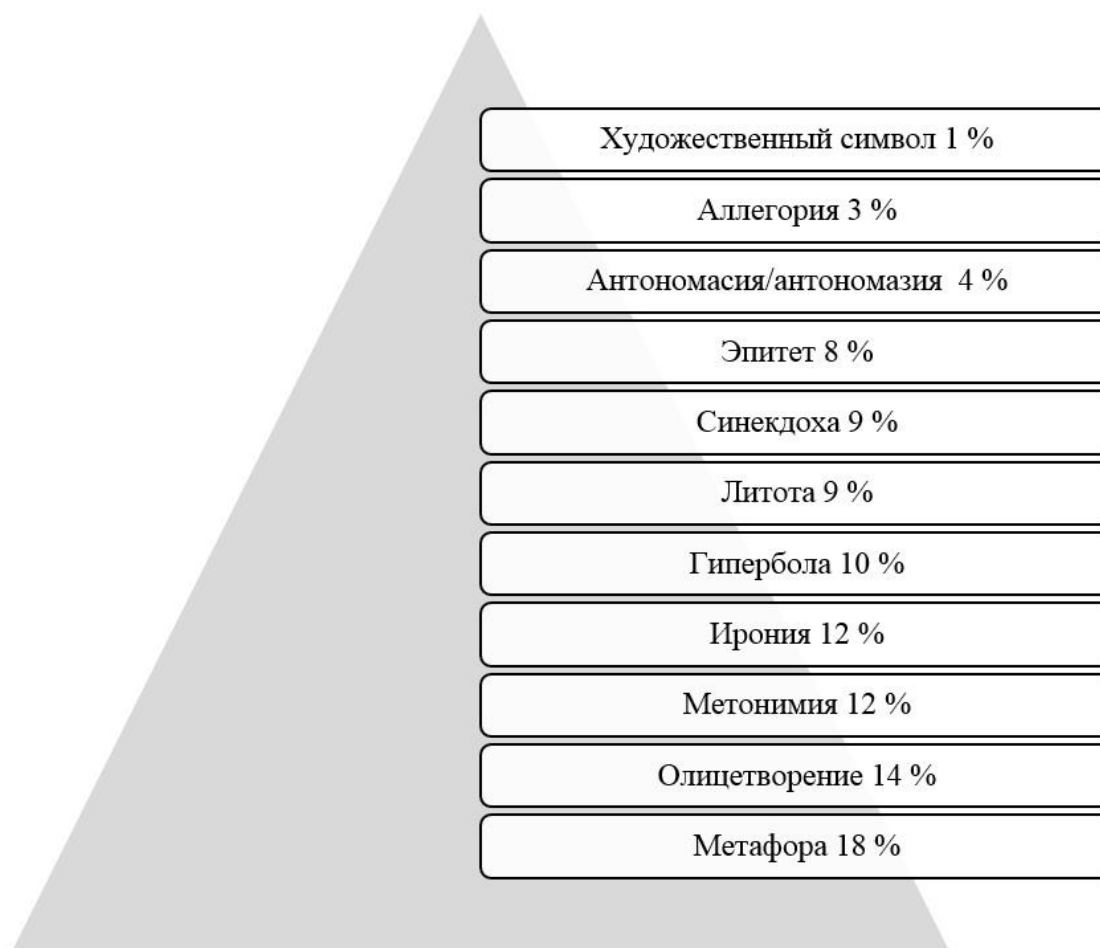

Рис. 11. Тропы административного социолекта

В качестве положительных тенденций административно-политического дискурса в области стилистики отметим следующие.

1. Стремление представителей власти к образности речи, что подтверждается высокой частотностью употребления лексико-синтаксических средств выразительности речи.

2. Креативность мышления государственных служащих, «создающих» новые устойчивые сочетания слов, ранее не свойственные официально-деловому стилю речи и административному социолекту.

3. Использование юмористических и ироничных приемов в рамках публичных выступлений и открытых дискуссий с целью привлечения и удержания внимания оппонентов и слушателей.

В качестве отрицательной тенденции прежде всего отметим нарушение норм современного русского литературного языка на всех уровнях, что приводит к снижению качества деловой коммуникации и негативно отражается на имидже представителей властных структур. Кроме того, необоснованное и частотное использование тропов вульгаризирует административно-политический дискурс, приравнивая его к бытовому общению.

Среди всего многообразия лексико-синтаксических средств, используемых в устной речи представителей государственного и муниципального управления, выделим следующие.

1. Использование художественного приема *аллегории*, составляющего 3 % от общего количества проанализированных тропов (ср.: *конкурент – лис, работодатель – курица*). *Аллегория* – в искусстве Средневековья, Возрождения, барокко, классицизма: воплощение какой-либо идеи в конкретных художественных образах и формах (скульптурах, героях литературных и живописных произведений и т. п.) [БТС, 2000]. Ср.: *Конкурент – всегда лис, даже если с вами заодно; Курица в этом случае – работодатель, и именно он несет золотые яйца. Лис – тот, кто может поступить нечестно. Курица – (контекстуальное значение) – тот, кто в итоге оказывается в невыигрышном положении.*

2. Другим используемым тропом является *антономасия*, или *антономазия*, – 4 % (ср.: *Плюшкин, Достоевские*). Антономазия – литературный приём: замена имени нарицательного собственным именем исторического лица, литературного персонажа [БТС, 2000]. Ср.: *Вы из дирекции Плюшкина не делайте, если будут ресурсы – будут и проекты. Топ-менеджеры давно играют в Достоевских, только не понимают, что грабят в итоге банк и себя. Плюшкин – скупец. Достоевский – в данном контексте пример антономазии не точен. Автор имел в виду образ героя произведения Достоевского – Раскольников.*

3. Можно констатировать частотное использование *гиперболы* – 10 % (ср.: *вся страна, правительство дрожит, война начнется, не уметь завязывать шнурки, приползти на коленях, такие ручки*). *Гипербола* – чрезмерное преувеличение каких-либо свойств изображаемого предмета, явления с целью усиления впечатления [БТС, 2000]. Ср.: *Вся страна устала от ваших девайсов; Правительство дрожит от одной мысли об изменениях; Не думаете же вы, что от вашего бездействия война начнется; Не умеете шнурки завязывать – не нужно заглядываться на большую экономику; А потом они приползут на коленях и будут просить социальной поддержки; У власти такие ручки – так считают граждане, а власть, по сути, со всех сторон скована законом и системой.* Контекстуальные задачи представленных речевых отрезков – преувеличить реальную действительность, эмоционально повлиять на публику и оппонентов. Эффект гиперболизации достигнут во всех высказываниях, однако не сохраняется стилевая точность, нарушены стилистические нормы современного русского литературного языка.

4. В качестве часто используемого приема можно выделить *иронию* – 12 % (ср.: *небольшой объем, прибыль мизерна, фундаментальность деяний, эффективность бездействия*). *Ирония* –

1) притворное восхваление, таящее в себе насмешку; 2) завышение оценки с целью ее занижения; 3) стилистический оборот, построенный на иносказании, скрывающем насмешку; используется в публицистическом, разговорном, художественном стиле [Жеребило, 2010, с. 137]. Ср.: *Ах, ну, конечно, вы думаете, что с такими небольшими объемами это не проблема (про Россию); Прибыль действительно мизерна, всего-то 15 млрд. в год; Фундаментальность ваших деяний просто поразительна; Эффективность бездействия давным-давно подтверждена европейским опытом.* Несмотря на то, что ирония не характерна для официально-делового стиля речи, можно утверждать, что данный троп часто используется при реализации публичных выступлений, проведении дискуссий и дебатов. Положительным эффектом использования иронии становится эмоциональная реакция публики. Однако, судя по представленным примерам, необходимо заметить использование лексики разной стилистической направленности, что не всегда оправдывается ситуацией делового общения.

5. Периодически в речи государственных и муниципальных служащих используется *литота* – 9 % (ср.: *икорки не поедим два года, с гулькин нос*). *Литота* – 1) троп: отрицание признака, не свойственного объекту, т. е. своего рода «отрицание отрицания», дающее в итоге формально равнозначное положительному, но фактически ослабленное утверждение; 2) троп, противоположный гиперболе; намеренное преуменьшение [БЭС, 2000]. Ср.: *Эти риски, экономические риски ничего не значат, икорки не поедим два года и все – полная экономия; Сколько вы платите рабочим? Персоналу? С гулькин нос от общей прибыли.* Примеры представлены лексемами разговорной речи. С одной стороны, разговорная лексика сближает оратора с публикой, облегчает интерпретацию сказанного, эмоционально раскрепощает слушателей. С другой – налицо снижение качества коммуникации. Панельная дискуссия политических лидеров проходит не в ракурсе административного дискурса, а снижается до бытовой, разговорной речи.

6. Одним из самых распространенных тропов, обогащающих административный социолект, является *метафора* – 18 % (ср.: *контур компании, университет отпочковался, такая шизофрения, руками делать работу*). *Метафора* – разновидность тропа, отражающая социальный опыт, имеет системный характер употребления, обладает воспроизводимостью и анонимностью [Жеребило, 2010, с. 192]. Ср.: *Часть разработок выносима за контур компании и приносима в университет. Попал в Ленинградский университет, когда он только что отпочковался; Вот такая шизофрения между представителями зала и правительством; Вы непосредственно руками всю эту работу делаете как глава проектного офиса.* Отметим контекстуальное

значение использованных метафор: *за контур* – за пределы компании, на общемировую арену; *отпочковался* – отделился; *шизофрения* – отсутствие взаимопонимания; *своими руками* – в значении самостоятельно, без чьей-либо помощи. Создание метафор с использованием нейтральной, общеупотребительной лексики обогащает устную речь, расширяет коммуникативные возможности говорящих. Однако использование стилистически сниженных лексем в метафорической функции не всегда оправдано и часто неуместно в ситуации делового общения.

7. В административно-политическом дискурсе часто используется такое лексико-синтаксическое свойство выразительности речи, как *метонимия* – 12 % (ср.: *районы, костюмы*). *Метонимия* определяется как основанное на логической смежности перенесение названия с одной реалии на другую [Жеребило, 2010, с. 196]. Ср.: *Все заявленные районы присутствуют, можно начинать пленарное заседание; Мы не можем продолжить, большинство костюмов в буфете*. Контекстуальное метонимичное значение приведенных примеров: *район* – представитель муниципального управления; *костюм* – участник мероприятия. При этом интересно отметить, что метонимия может иметь ироничный характер (*костюм*), а также может использоваться оратором ошибочно. Употребление метонимий в полуофициальной речи государственных и муниципальных служащих как средство выразительности речи приемлемо и оправданно, однако использование подобных примеров в публичных выступлениях снижает официальность речи и может поставить под сомнение уровень ее значимости.

8. Еще одним часто употребляемым тропом является *олицетворение* – 14 % (ср.: *выращивать, близорукий, залететь и обжечь крылышки, задышать*). *Олицетворение* – 1. к олицетворить и олицетворять. 2. Изображение какой-либо стихийной силы, явления природы в образе живого существа. 3. чего. Воплощение идеи, понятия, каких-либо свойств, качеств в человеческой личности. 4. лит. Приём художественного изображения; наделение животных и неодушевленных предметов человеческими свойствами (чувствами, мыслями, речью и т. п.) [БТС, 2000]. Ср.: *Этот потенциал надо выращивать; Идея является близорукой; Калужская область туда залетела и тут же обожгла свои крылышки; Задышала система раннего образования детей. *Выращивать* – способствовать развитию; *близорукая идея* – неудачная идея, не имеющая долгосрочной эффективности; *залетела и обожгла крылышки* – приобрела неудачный опыт; *задышала* – начала действовать, функционировать. Представленные примеры демонстрируют не всегда мотивированное использование тропов в деловом языке.*

9. Важным средством образности административного социолекта является *синекдоха* – 9 % (ср. *чиновник, политик, гражданин*), которую относят к разновидностям метонимии. Синекдоха выполняет функцию переноса значения по количественному признаку (то есть называет часть вместо целого) [БТС, 2000]. Ср.: *Чиновник не должен знать другого пути, кроме законного; Вам политик не груша для битья, во всем нельзя обвинять только власть; Гражданин вообще подумает: обращаться ли ему в органы власти, – результата все равно нет. Чиновник – любой представитель государственной гражданской и муниципальной службы. Политик – каждый представитель власти. Гражданин – любой представитель общества, подавший обращение или жалобу. Синекдоха допустима в административно-политическом дискурсе; она используется относительно часто по сравнению с другими тропами.*

10. *Эпитет* как лексико-синтаксическое средство периодически используется в речи государственных и муниципальных служащих для придания ей образности и выразительности; использование эпитетов составляет 8 % от общего количества выявленных тропов (ср.: *изумительный, ужасный, невразумительный, великолепный*). *Эпитет* – определение, прибавляемое к названию предмета или лица для большей художественной выразительности [БТС, 2000]. Ср.: *Изумительная реформа образования – наши дети скажут «спасибо»; Ужасная ситуация на юго-востоке страны; Невразумительный ответ тоже ответ; Великолепное развитие событий, просто стратегия будущего.* Эпитеты делают публичную речь более эмоциональной и выразительной. Вполне оправданно использование этого тропа в коммуникативной ситуации, когда оратор должен обозначить свое мнение.

11. В качестве средства образности устной речи нами был зафиксирован *художественный символ* – 1 % (ср.: *березка*). *Художественный символ* понимается как образное выражение, которое замещает «наименование жизненного явления, понятия, предмета условным его обозначением, напоминающим это явление и придающим ему новый, глубинный смысл» [Жеребило, 2010, с. 302]. Ср.: *Он по березкам соскучился – и вернулся домой.* Береза – один из ключевых символов, или концептов, России. Троп «художественный символ» достаточно редко встречается в административно-политическом дискурсе, что соответствует требованиям официально-делового стиля.

Положительным аспектом внедрения тропов в официально-деловой стиль административно-политического дискурса является повышение точности и эмоциональной выразительности речи, экономия лексических средств, усиление экспрессии и придание речи обобщающего смысла. Необходимо заметить, что при реализации

публичных выступлений, дискуссий или дебатов представители власти стремятся достигнуть коммуникативных целей посредством эмоционального воздействия на слушателей или оппонентов. В этом смысле использование лексико-синтаксических средств выразительности речи, *тропов*, становится оправданным и необходимым.

Очень важным, по нашему мнению, является креативность и нестандартность представленных примеров, демонстрирующих результаты творческого интеллектуального труда представителей властных структур. Государственные и муниципальные служащие стремятся преобразовать административный архаичный дискурс, не прибегая к заученным приемам, а применяя акт речетворчества, что свидетельствует о высокой динамичности речевой культуры.

Однако часто стремление к простоте, понятности и образности речи сопровождается использованием разговорных, просторечных, сниженных лексических единиц. Можно констатировать несоблюдение норм современного русского литературного языка на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях, что снижает качество речи и негативно влияет на коммуникативный имидж представителей властных структур.

Большинство примеров демонстрирует грубое нарушение норм современного русского литературного языка и стилистики официально-делового общения. Вышеназванный фактор способствует нарушению общей функционально-стилевой целостности речи представителей сферы государственного и муниципального управления, затрудняя ее интерпретацию.

По нашему мнению, основным критерием использования лексико-синтаксических средств в речи государственных и муниципальных служащих является уместность коммуникативной ситуации, а также соблюдение норм современного русского литературного языка на всех языковых уровнях.

3.4.2. Языковая игра как один из современных приемов реализации лингвокреативной деятельности языковой личности

По нашему мнению, в основе современного административно-политического дискурса лежит творческий процесс конструирования коммуникации, что несвойственно архаичному языку власти и официально-деловому стилю общения.

Творческое начало в речи, тем более языковое созидание или новаторство, свидетельствует о креативности мышления представителей государственного и муниципального управления, динамичности их культурного развития и совершенствовании коммуникативных навыков.

В этой связи интересным в исследовательском плане становится наблюдение за использованием языковой игры как одного из приемов реализации языковой личности государственного служащего.

Понятие языковой игры, как известно, было введено Л. Витгенштейном. В работе «Философские исследования» (1953) Л. Витгенштейн определяет языковую игру (языковые игры) как «единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» [Витгенштейн, 2010, с. 12]. Л. Витгенштейн утверждает, что наименование, просто слово или словосочетание не имеет значения вне языковой игры: «Именованье – подготовка к описанию. Именованье это еще не ход к языковой игре, как и расстановка фигур на шахматной доске еще не ход в шахматной партии. Именованьем вещи еще ничего не сделано. Вне игры она не имеет и имени» [Витгенштейн, 2010, с. 21]. Языковая игра в качестве исследовательского приоритета признается Я. Хинтикком, изучавшим теоретико-игровую семантику логики и утверждавшим, что игра существует для поиска информации о мире [Хинтикка, 1980].

Философское знание, начиная с Аристотеля, разграничившего комичное и трагичное, принимало игру как нечто характерное для человеческой природы. Г. Спенсер рассматривал языковую игру с точки зрения эволюционного подхода. И. Кант изучал взаимообусловленность искусства и игры. Ф. Шиллер видел в игре характеристику существования человека вообще. Интерес к феномену языковой игры, зародившейся в русле философского знания, в начале XXI века начинает затрагивать филологию, в частности стилистику (см., например, [Русская разговорная речь, 1983]). В парадигме русскоязычных исследований языковая игра первоначально рассматривалась как отклонение от литературной нормы на всех уровнях языка.

Современные исследования языковой игры реализуются в контексте междисциплинарных наук и касаются следующих позиций.

1. Языковая игра как основа лингвокреативной деятельности привлекает внимание современных, в том числе и отечественных, лингвистов (см., например, работы Р. А. Воронина [Воронин, 2015], Н. Н. Щербаковой [Щербакова, 2011] и др.).

2. Языковая игра в литературном и медиадискурсе чаще всего исследуется на лексико-фразеологическом и грамматическом уровнях (см., например, работы И. В. Кузнецовой [Кузнецова, 2014], Г. А. Токаревой [Токарева, 2011] и др.).

3. Использование элементов языковой игры в административном дискурсе особенно популярно в политической лингвистике XXI века (см., например, работы В. А. Масловой [Маслова, 2008], В. И. Шаховского [Шаховский, 2006] и др.).

4. Языковая игра в ракурсе взаимодействия различных культур в рамках сравнительно-сопоставительной стилистики исследуется с точки зрения ее проявления в разных языках (см., например, работы Н. Д. Миловской [Миловская, 2009], Н. А. Пьяновой [Пьянова, 2017] и др.).

Вслед за О. А. Викторовой выделим следующие функции языковой игры: а) в литературных произведениях (эстетическая, экспрессивная, поэтическая, ироническая, фиксирующая, структурообразующая); б) в разговорной речи (эстетическая, оценочная, характерологическая, языкотворческая); в) в СМИ и рекламе (эстетическая, смыслообразующая, развлекательная, экспрессивная); г) в интернет-дискурсе (ироническая, развлекательная, характерологическая, смыслообразующая, компрессивная, оценочная, экспрессивная, языкотворческая); д) в политике (экспрессивная, развлекательная, ироническая) [Викторова, 2016]. Кроме того, О. А. Викторова выделяет функции использования языковой игры в прагматических целях, к которым относит функцию привлечения внимания читателя/слушателя/зрителя, функцию воздействия на слушателя для изменений его мнения; манипулятивную функцию, функцию привлечения внимания потребителя; оценочную функцию, функцию дискредитации, профанизации, эвфемизации, иронизации (подробнее см. [Викторова, 2016]).

Языковая игра в политическом дискурсе становится новым стилем речи публичных представителей власти и подтверждается частотностью и продуктивностью употребляемых окказионализмов.

Присутствие языковой игры в устной коммуникации государственных и муниципальных служащих можно считать положительной тенденцией административно-политического дискурса, отражающей развитие творческого потенциала представителей органов власти. Использование приемов языковой игры на всех языковых уровнях в речи государственных и муниципальных служащих объясняется их стремлением к поиску

новых эффективных средств «емкого и экспрессивного выражения их эмоциональных мыслей по поводу своего Дома бытия» [Шаховский, 2006, с. 27]. Таким образом, основной целью использования элементов языковой игры при реализации устного взаимодействия представителей органов власти является достижение эффекта коммуникации и выполнение задач взаимодействия, предварительно определенных говорящими.

Игривость при реализации официально-делового общения становится «доминантой современного статусного общения, в котором рождаются вербальные упаковки (шейперы) новых контекстуальных понятий русскоязычной социокультуры» [Шаховский, 2006, с. 27].

Языковая игра делает речь наиболее эмоциональной и выполняет функцию психологической разгрузки. Языковая игра подразумевает использование юмора и иронии, последствиями которых выступают оценивание и понимание сказанного, улыбка или смех. Оратор, включающий в собственную речь элементы языковой игры, преследует цель вызвать положительные эмоции слушающих. Даже если публичная речь представителей власти затрагивает интересы стороны оппонента и опровергает чью-либо позицию, внедрение в коммуникацию языковой игры предназначается для положительных эмоций остальной части аудитории. При удачной реализации языковой игры происходит объединение присутствующих в понимании иронии или шутки, что предполагает определенную степень доверия говорящего по отношению к слушателям, а также наличие у последних необходимой интеллектуальной компетентности.

Отрицательным фактором использования языковой игры является периодическое нарушение норм современного русского литературного языка, снижающее качество административного социолекта. Языковая игра, в принципе, предполагает преднамеренное отступление от нормы. Использование элементов языковой игры, сопровождаемое нарушением нормы, обоснованное коммуникативной ситуацией, оправдано в рамках административно-политического дискурса. Но государственным и муниципальным служащим не всегда удается грамотно разграничивать ситуации общения и удачно использовать языковую игру в качестве дополнительного средства выразительности речи, в таком случае неизбежен комизм ситуации и заострение внимания слушающих на речевых недоработках оратора.

При проведении этико-лингвистического эксперимента нами был собран материал, демонстрирующий функционирование элементов языковой игры на разных языковых уровнях в речи современных государственных и муниципальных служащих.

1. К элементам языковой игры на *фонетическом уровне* отнесем частотное использование государственными и муниципальными служащими *апокопа* – речевого приема,

закрывающегося в отпадении нескольких звуков в конце слова (ср.: *замдир* – вместо заместитель директора, *бронить* – вместо бронировать). Ср.: *На замди́ров и падае́т основна́я нагрузка, они́ первые исполнители́; Успе́ть забро́нить билеты́ и гостиницу́.*

2. На морфологическом уровне выделим следующие элементы языковой игры:

- образование от слов несвойственных им грамматических категорий (ср.: *отпилотированный, запилотированный, пилотируемый кем-то от пилотный, пилот; рваность от рваный, рвать*). Ср.: *Проект, пилотируемый заместителем директора департамента; Отпилотированный в прошлом месяце проект; Я прошу прощения за «рваность», иначе я вам петь буду до конца;*

- приписывание иноязычным словам морфологических свойств русского языка (ср.: *скилы* – от *soft skills*, образование формы мн.ч. по аналогии с русскими существительными). Ср.: *Надо понимать, что развивать скилы это нормально и обязательно;*

- создание словообразовательного куста, то есть набора производных от какого-то слова [Земская, 2009] (ср.: *драйвер, драйверить, драйвить, драйвовый, драйверный*). Ср.: *Драйвить молодежные проекты необходимо. Драйверить что-то без материальной составляющей просто невозможно.*

3. В качестве аспектов языковой игры на словообразовательном уровне выделим:

- игровую аффиксацию (ср.: *антируководитель, стрессовик, сомодератор*). Ср.: *Антируководитель никогда не найдет выхода из ситуации, только дело испортит; Давайте дождемся моего сомодератора и откроем сессию; Стрессовик в этой ситуации заказчик, и он это прекрасно понимает;*

- создание окказиональных существительных (ср.: *регулятор в значении субъект, регулирующий какой-либо процесс*). Ср.: *Сегодня в качестве главного регулятора нашей дискуссионной площадки буду выступать я.*

4. На лексическом уровне элементы языковой игры включают в себя:

- использование экспрессивных лексем (эпитетов, сравнений и т.д.) (ср.: *тектонический сдвиг в значении глобальные изменения; демонизировать в значении преувеличивать отрицательные качества*). Ср.: *Происходит тектонический сдвиг парадигмы образования; Не демонизируйте чиновников;*

- использование лексем с обобщенной семантикой (ср.: *важный сюжет, эта история*). Использование слов с обобщенной семантикой становится лексическим трендом административного дискурса XXI века и, безусловно, относится к элементам языковой игры. Использование в речи лексем с расширенным значением абстрагирует

смысл высказывания; слова типа *история, сюжет, продукт, контент, проект* могут обозначать самые разнообразные понятия. По справедливому замечанию М. Н. Пановой, «список таких слов, характерных для профессиональной речи государственных служащих и ставших модными в обществе благодаря частотности их употребления в СМИ политиками, чиновниками, да и самими журналистами, можно легко дополнить и многими другими лексическими единицами, характерными для общения в сфере государственного управления» [Панова, 2015, с. 35]. Ср.: *Мы говорим о мотивации, это действительно очень важный сюжет; У этой истории финансирования не было.*

5. На фразеологическом уровне происходит *обыгрывание фразеологизмов и их целостности*. Государственные и муниципальные служащие, реализуя устную коммуникацию, изменяют традиционные фразеологические единицы, сокращают количество слов или соединяют два фразеологизма в один. Такая переформулировка фразеологизмов также является частью языковой игры. Можно выделить пласт устойчивых словосочетаний, обозначающих тождество предметов, действий и т. д. К примеру: *В одном компоте варенные* (образовано по смысловой аналогии с фразеологизмами *одним лыком шиты, из одного теста сделаны, одного дуба желуди, птицы одного полета* и т. д. [Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений, 1999]); *То есть, строго говоря, очень важно, что нас всех меряют одной линейкой* (*мерить одной линейкой – measure with the same yardstick*, в переносном смысле «гребут под одну гребенку») [Универсальный русско-английский словарь, 2006]). Использование в разговорном административном дискурсе деформированных фразеологизмов подтверждает стремление представителей органов власти выразиться наиболее образно, сделать собственную мысль точной, воздействовать на слушателей посредством узнаваемых фразеологизмов, употребленных в несвойственном для них контексте. Однако необходимо отметить, что в большинстве случаев фразеологические единицы употреблены неверно, изменена лексика и грамматика ранее устойчивых выражений, что приводит к нарушению не только стилистических, но и лексических и грамматических норм современного русского литературного языка. Ср.: *А значит, санкции получают «мимо кассы»* (*мимо кассы – разговорный фразеологизм, обозначающий неудачу, провал*); *Итак, ответ в лоб вы не можете получить* (*в лоб – без намёков и предварительных вступлений, прямо (говорить, писать, спрашивать)*) [Фразеологический словарь русского литературного языка, 2008]).

6. На уровне *сочетания лексических единиц в речи* государственных и муниципальных служащих языковая игра проявляется:

- в расширении границ словосочетания посредством внедрения в его структуру лишнего члена, привносящего дополнительное лексическое значение (ср.: *диктатура пожилых избирателей; демонстрировать такого рода ответственность; задавать единый язык; разбавить нашу панель*).

Диктатура пожилых избирателей. Диктатура – публич. властное, подчиняющее себе влияние чего-либо [БТС, 2000]. Избиратель – тот, кто имеет право на участие и участвует [БТС, 2000]. Словосочетание *избирательная диктатура* достаточно частотно и обозначает «ситуацию, когда единственным фактором, накладывающим ограничения на исполнительную власть, является стремление одержать победу на очередных выборах»; словосочетание *диктатура избирателей* является разговорным вариантом фразеологизма *избирательная диктатура*. Словосочетание приобретает новое значение посредством внедрения прилагательного *пожилой*. Ср.: *Чем вам не диктатура пожилых избирателей.*

Демонтировать такого рода ответственность. Сочетаемость глагола *демонтировать* при управлении В.п. существительного: *демонтировать (что?) мачту электропередачи, электроцит, пульт управления* [СССРЯ, 1983]. Словосочетание *демонтировать ответственность* не нарушает грамматическую сочетаемость, однако является новым с точки зрения лексической сочетаемости. Ср.: *Наверное, нам надо ответственность такого рода демонтировать.*

Задавать единый язык. Словарь сочетаемости слов русского языка фиксирует следующие возможности глагола *задавать* при управлении В.п. существительного: *задавать (что?) урок, домашнее задание, сочинение, басню, упражнение, стихотворение, перевод, задачу; задавать (что?) вопрос* [СССРЯ, 1983]. Нельзя **задать язык, задать можно темп или ритм*, правильно: *конструировать единую языковую систему, создавать единый язык и т. д.* Ср.: *Мы действительно задаем единый язык, это является основой проектной культуры.*

Разбавить нашу панель. Сочетаемость глагола *разбавить* при управлении В.п. существительного: *разбавить (что?) напиток, компанию*. Словосочетание *разбавить панель* не является грамматически ненормированным и может принадлежать к элементам языковой игры, являясь несвойственным для речи носителей современного русского литературного языка. Ср.: *Попрошу выступить эксперта, разбавить нашу панель.*

Складывать свою координацию. Сочетаемость глагола *складывать* при управлении В.п. существительного: *складывать (что?) книги, газеты, тетради, листы; складывать (что?) белье, вещи, игрушки, пожитки, одежду; складывать (что?) рубашку,*

скатерть, материю. Словосочетание *складывать свою координацию* относится к элементам языковой игры, не нарушает грамматическую сочетаемость, однако является спорным с точки зрения лексической сочетаемости. Ср.: *Складывать свою координацию таким образом, чтобы усилить конкурентную среду;*

- в качестве элемента языковой игры необходимо выделить присоединение дополнительного наречия к: а) субстантивным, б) глагольным, в) адъективным и г) адverbиальным словосочетаниям (ср.: *совсем профессионал рейтингования; очень ностальгичный; очень потрясающий; совершенно ключевой; политически проходимый; настолько погруженный, чуть-чуть по-серьезному; чуть-чуть скажу*). Подобные примеры, употребляются государственными и муниципальными служащими намеренно, являясь частью языковой игры и выполняя функцию акцентирования внимания на конкретных содержательных аспектах. Частое употребление словосочетаний подобного рода подтверждает стремление представителей органов власти оказать воздействие на аудиторию, однако в большинстве случаев использование такого приема противоречит нормам русского языка:

а) *субстантивные словосочетания: совсем профессионал рейтингования*. Словосочетание *профессионал рейтингования* употребляется в значении «имеющий опыт в составлении рейтингов». Представленное словосочетание *совсем профессионал рейтингования* противоречит нормам лексической и грамматической сочетаемости. Очевидно использование языковой игры в речи государственных и муниципальных служащих с целью акцентировать внимание на качественной характеристике субъекта деятельности. Ср.: *Давайте дадим слово совсем профессионалу рейтингования;*

б) *глагольные словосочетания: чуть-чуть скажу*. Традиционная сочетаемость глагола подразумевает взаимодействие с наречиями (скажу (как?) быстро, громко, красиво), однако представленное – это пример языковой игры, сопровождаемой нарушением норм современного русского языка. Ср.: *А это я отвлекался на то, что я чуть-чуть скажу после;*

в) *адъективные словосочетания:*

очень ностальгичный. *Ностальгичный* – тот, который ностальгирует или тот, который вызывает ностальгию. Ностальгия – [от греч. *Nóstos* – возвращение домой и *álgos* – страдание]. 1. книжн. Тоска по родине, по родному дому. 2. о чем. разг. Тоска о прошлом, о пережитом, об утраченном [БТС, 2000]. Наречие *очень* традиционно не сочетается с прилагательным *ностальгичный*. Можно ностальгировать в большей или меньшей степени, но нельзя проявить соответствующее качество в большей или меньшей степени. Ср.: *очень ностальгичная аудитория*.

Очень потрясающий. Представленный пример аналогичен предыдущему. Прилагательное *потрясающий* обозначает высшую степень качества и не требует наречия, усиливающего качественную характеристику. *Потрясающий* – 1. Производящий сильное впечатление. 2. разг. Очень большой, огромный по количеству или силе, интенсивности [БТС, 2000]. Ср.: Очень потрясающая платформа – есть от чего оттолкнуться.

Совершенно ключевой. *Ключевой* – 1. к ключ (1. К.; 1, 5 зн.). К-ое отверстие замка. 2. воен. Открывающий возможности овладения чем-л., захвата чего-л. [БТС, 2000]. Прилагательное *ключевой* имеет контекстуальное значение *основной, самый важный*. Ср.: Запрос становится совершенно ключевым.

Политически проходимый. Контекстуальное значение словосочетания *политически проходимый* – приемлемый в политике. Словосочетания подобного типа характеризуют индивидуальные речевые особенности конкретных представителей государственного и муниципального управления. Ср.: Политически проходимый маневр.

Настолько погруженный. Контекстуальное значение словосочетания *настолько погруженный* – поглощенный, увлеченный. Ср.: Быть настолько погруженной и активно разработать эту концепцию – вот Ваша главная задача;

г) *адвербиальные словосочетания:* *Чуть-чуть по-серьезному.* Наречия часто сочетаются с другими наречиями, особенно в устной речи (ср.: *у вас немного громко; пожалуйста, чуть-чуть потише*). Однако приведенные примеры относятся к эллиптическим конструкциям с пропущенным глаголом (ср.: *музыка у вас играет немного громко, сделайте, пожалуйста, чуть-чуть потише*). Словосочетание *чуть-чуть по-серьезному* является результатом проявления языковой игры и относится к усеченным контекстуально обусловленным синтаксическим конструкциям. Ср.: *А теперь чуть-чуть по-серьезному* (вместо *давайте немного поговорим серьезно*).

Все перечисленные выше комбинации слов являются примерами языковой игры, активно используемой при реализации публичных выступлений представителей сферы государственного и муниципального управления.

Необходимо выделить неудачные попытки внедрения языковой игры в устную коммуникацию государственных и муниципальных служащих. К таким примерам отнесем следующие.

1. Нарушение лексической сочетаемости слов при попытке создать экспрессивное высказывание (ср.: *несут опыт, небольшое время, получается трудность, дальше начать*). Ср.: **Есть люди, которые несут за собой позитивный опыт* (вместо *есть люди, которые извлекают из ситуации положительный опыт* или *есть люди, которые имеют позитивный опыт*); **У нас есть небольшое*

время (вместо у нас есть немного времени или у нас нет много времени); *Здесь у нас получается трудность (вместо здесь у нас возникает трудность); *Тогда можно дальше начать (вместо тогда можно продолжить); *Он показал себя в лучшей красе (вместо он показал себя в полной красе или он показал себя в лучшем виде); *А мы растянутым образом готовы получить деньги назад (вместо мы готовы получить деньги назад через определенное время).

2. Неудачным следствием применения языковой игры становится наличие в речи государственных и муниципальных служащих плеоназмов, то есть словосочетаний, содержащих излишний в смысловом отношении компонент (*самая главная суть, спасибо за огромную честь*). Ср.: *Скажу самую главную суть (вместо скажу самое главное или скажу по существу); *Спасибо большое за эту огромную честь (вместо благодарю за оказанную честь).

3. Неверное использование фразеологических единиц и речевых штампов (ср.: *спускать руки*). Ср.: *Часть из них не спускают руки и продолжают работать (вместо часть из них не опускают руки и продолжают работать).

4. Периодически в качестве экспрессивного средства выразительности речи представители органов власти используют нелитературную лексику. Подобное смешение разностильной лексики, в частности – немотивированное использование разговорной или книжной лексики, дисквалифицирует оратора в глазах аудитории и затрудняет понимание смысла высказывания (ср.: *прикрыться фиговым листом, хвост выступления, своя ветка трансформационного дерева, вкусный показ слайдов*). Ср.: *Не просто в одном месте прикрыться фиговым листом в рейтинговом отношении или в другом... (вместо, к примеру, при составлении рейтинга необходимо ориентироваться на статистические данные и другие факты); *Слышал хвост выступления предыдущего оратора (вместо слышал заключительную часть выступления предыдущего оратора); *Может быть, я смотрю со своей ветки, со своего трансформационного дерева (вместо возможно, я субъективен); *Это тема отдельной сессии с таким вкусным показом слайдов (вместо это тема отдельной сессии с хорошим показом слайдов).

5. Неудачной попыткой внедрения языковой игры можно считать *лексическую неполноценность высказывания* (ср.: *я это заострю*). Ср.: *Об этом шла речь, но я это заострю (вместо об этом уже шла речь, но я хотел бы заострить внимание на...).

6. В языковой игре достаточно регулярно используются повторы как дополнительные средства увеличения экспрессивности речи. Однако в речи государственных и муниципальных служащих часто встречается такой известный стилистический недочет, как тавтология (ср.: *определяются определенными, говорить, говоря,*

*говорить; кардинально другое). Ср.: *Правила игры определяются определенными трендами; *Что говорить, честно говоря, если говорить о том, что он действует в рамках этой стратегии; *Решение было кардинально другое.*

7. Смещение паронимов (ср.: система координаций, неправильная посылка, значимый интерес). Ср.: *Очень хорошая система координаций (вместо система координат); *Вероятно, неправильная посылка (вместо неправильный посыл); *Видим значимый интерес со стороны стран Ближнего Востока (вместо значительный интерес).

В ракурсе настоящего исследования мы считаем своим долгом обратить внимание общественности на стилистические нарушения, допускаемые представителями государственной власти в рамках административно-политического дискурса, и на необходимость их устранения посредством проведения обучающих мероприятий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интегральным выводом представленной работы является вывод о том, что языковая личность современного государственного служащего формируется посредством взаимообусловленности многочисленных экстралингвистических и интралингвистических факторов. Она динамична и лабильна, реализуется в административно-политическом дискурсе и оказывает влияние на уровень культурного развития всего российского общества.

Административно-политический дискурс, изначально регламентируемый официально-деловым стилем речи, выходит за рамки общепринятого административного социолекта, в том числе и по причине расширения коммуникативной парадигмы и внедрения третьей формы интерактивного общения – интернет-коммуникации.

Помимо традиционных стилевых особенностей речи государственных и муниципальных служащих, к которым отнесем *иерархичность общения и обязательное соблюдение субординации, Вы-общение, долженствующе-предписывающий характер изложения, стандартизованность речи, неличный характер взаимодействия, использование многочисленных клишированных фраз и выражений, доступность, четкость, логичность изложения, отсутствие инотолкований, однозначность речи*, можно выделить современные речевые тенденции, преобладающие в речи представителей органов власти и характеризующие языковую личность государственного служащего. К трендам административно-политического дискурса XXI века отнесем следующие:

1) стремление государственных гражданских и муниципальных служащих выйти за границы архаичного административного дискурса, которое выражается в процессе *стилевой глобализации, подразумевающей смешение различных стилевых особенностей* на всех языковых уровнях с целью сделать речь современной, соответствующей международным языковым стандартам, содержательно актуальной и этичной. С тенденцией к стилевой глобализации связан процесс *расширения границ словарного состава* административно-политического социолекта в связи с употреблением слов разной профессиональной и стилевой направленности, ранее находившихся в пассивном лексическом запасе (ср.: *интеллектуальный продукт, информационное проектирование, мировые практики, стратегические перспективы, фундаментирование*);

2) *европеизация* официальной речи, выраженная процессом активного *заимствования* лексики из английского и американского языков, а также *интенсивным внедрением* заимствованной лексики в активный словарный запас представителей государственного и

муниципального управления (*ср.: модератор, онлайн-симулятор, онлайн-батл, софт-скилз, тренинг, тьютер*);

3) процесс демократизации, модернизации и инноватизации языка госслужбы, подразумевающий динамичность речи представителей государственного и муниципального управления, расширение границ допустимого в формальном, содержательном и этическом плане, отражение в речи представителей российских органов власти инновационных процессов в области информационно-коммуникационных технологий, биотехнологий, экономики, политики и др.;

4) интеллектуализация и интеллигизация языка, заключающиеся в стремлении представителей властных структур придерживаться приоритета духовного, культурного и интеллектуального развития. Регрессируются процессы вульгаризации и жаргонизации административного социолекта. Современные государственные и муниципальные служащие в качестве одного из приоритетов профессиональной деятельности выделяют имиджевую составляющую государственной службы, подразумевающую в том числе сформированность системы духовных ценностей;

5) стремление государственных и муниципальных служащих к образности и выразительности речи, мотивируемое желанием грамотно аргументировать и убеждать. В этой связи в речи представителей властных структур появляются лексико-синтаксические средства выразительности речи, в том числе тропы (*ср.: Топ-менеджеры давно играют в Достоевских, только не понимают, что грабят в итоге банк и себя*);

6) на орфоэпическом уровне практическое отсутствие диалектологических особенностей в речи служащих, средний уровень орфоэпической грамотности и стремление к соблюдению акцентологических и интонационных норм. При этом круг выявленных ошибок и недочетов нуждается в обязательной ликвидации и системной качественной работе по их устранению;

7) на лексическом уровне обогащение административного социолекта за счет смешения официально-делового и разговорного стилей речи (*ср.: наладка процессов, замораживание среднего класса*); использования английских заимствований и актуального словообразования (*ср.: тайминговать дискуссионную панель*), следствием которого является функционирование большого количества неологизмов, отражающих современные общемировые политико-экономические тенденции (*ср.: отпilotированный проект*);

8) употребление нейтральных и общеупотребительных лексем в новом, несвойственном им ранее переносном значении, что расширяет сочетаемостные способности слова;

9) преобладание субстантивных (68 %) (по сравнению с глагольными (31 %) и адъективными (1%)) словосочетаний, среди которых выделяются *традиционные* и *неологичные*, ранее не свойственные административно-политическому дискурсу и официально-деловому стилю речи;

10) *неологичные* словосочетания, построенные по модели «субстантив + согласованное прилагательное или причастие», и классифицированные по следующим лексико-семантическим группам: 1) *процесс* или *результат интеллектуальной деятельности* (*компетентностное картирование*); 2) *система* (*объединенный континуум*); 3) *часть целого* (*исчерпанная ниша*); 4) *субъект деятельности* (*хаотичный управленец*). К неологичным субстантивным словосочетаниям, построенным по модели «существительное + существительное», отнесем лексико-семантические группы, обозначающие: 1) *процесс* или *действие* (*разрыв горизонтов*); 2) *границы* чего-либо (*контур геополитики*); 3) *структуру* чего-либо (*повестка обучения*). Образование таких словосочетаний свидетельствует о творческом подходе представителей власти к процессу речетворчества, а также о креативности мышления государственных и муниципальных служащих;

11) характерную особенность глагольных словосочетаний – употребление лексем, недавно вошедших в систему современного русского языка (*перезформатировать, популяризировать*). Нами выделены наиболее употребляемые лексико-семантические группы глагольных словосочетаний, помимо собственной глагольной семантики обозначающих: 1) *действие* или *деятельность*: а) *созидательную деятельность* (*перезформатировать систему*); б) *социальную деятельность* (*популяризировать вложения*); 2) *отношение к чему-либо*: а) *глаголы утраты объекта* (*сбиваться на имитацию*). Наличие в административном социолекте подобных словосочетаний подтверждает развитие тенденции к *инноватизации* речи;

12) на грамматическом уровне использование представителями органов государственного и муниципального управления *широкого спектра грамматических средств* языка для придания устной речи *образности, выразительности, доступности и понятности*. На морфологическом уровне показательным является многофункциональное использование личных и притяжательных местоимений (*Ты, Алексей Викторович, обрати на это внимание*). С синтаксической позиции на уровне словосочетания сохраняется «нанизывание» форм родительного падежа существительных (*заместитель начальника отдела*). Уровень предложения демонстрирует частотное использование: 1) элементов, осложняющих строй простого предложения: обращений (*Уважаемые друзья!*),

вводных слов (*Безусловно, это главная задача*), однородных членов предложения (*на муниципальном, региональном, федеральном уровнях ситуации не повторяются*), обособленных определений, выраженных причастиями и причастными оборотами (*Человек, имеющий фундаментальное образование, должен все понимать*); 2) структурных изменений: эллиптической конструкции (*Без этого невозможно, иначе – каменный век*) и повторов (*С такими амбициями вы пойдете далеко, очень далеко*); 3) интонационных ресурсов: монологических высказываний, вопросов, утверждений (*Чем вы хотите помочь региону?*);

13) принадлежность письменной коммуникации представителей органов власти к официально-деловому стилю речи. В качестве положительных тенденций административно-политического дискурса в сфере письменной речи отметим *сокращение количества допускаемых ошибок; стремление государственных и муниципальных служащих верифицировать правильное написание*, обращаясь к академическим словарям и справочникам. Важно отметить, что введение корректорских должностей заметно улучшает качество официально-деловой переписки государственных служащих регионального уровня;

14) показатели интеллектуализации и интеллигизации административно-политического дискурса – частотное использование государственными и муниципальными служащими приемов языковой игры (*ср.: очень ностальгичная аудитория, сборщик нашей панели*). Элементы языковой игры привлекают внимание аудитории, вызывают положительные эмоции, делают речь более эмоционально насыщенной.

Среди наиболее значимых **проблем**, которые встречаются во время устного, письменного и интернет-взаимодействия государственных служащих, выделим *отсутствие лаконичности* (отмечается 87 % опрошенных), *информационную недостаточность сообщений* (выделили 66 % респондентов), *использование художественных средств речи со словами-паразитами и с грубо-просторечными оценочными лексемами* (отметили 54 % опрошиваемых) и *недостаток красочности и грамотности речи* (выделили 79 % служащих).

К **отрицательным** тенденциям административного социолекта на орфоэпическом уровне отнесем периодическое нарушение акцентологических норм современного русского литературного языка (*ср.: Политика американского правительства по отношению к России *посуровЕла в последние десятилетия; Мы не можем игнорировать факторы затруднения *нАчавшихся переговоров, Своими *истеблишимЕнтами не пугайте союзников; Мы, конечно, *вклЮчим ваш проект в план стратегического развития до 2025 года*).

Среди *нейоративных* тенденций, проявляющихся на лексическом и словообразовательном уровнях административно-политического дискурса, отметим смешение официально-делового и разговорного стилей с использованием сниженной лексики (ср.: *Прикрыться фиговым листом*); необоснованное заимствование лексических единиц из английского языка (ср.: *скилы* от *soft* или *hard skills*); скоростное искусственное внедрение заимствованной терминологии в систему современного русского литературного языка (ср.: *фит-бэк в управлении*); создание неологизмов, нарушающих нормы современного русского литературного языка (ср.: *стартапить*).

В сфере сочетаемости слов отмечаются многочисленные *нарушения* норм лексической и грамматической сочетаемости слов, что приводит к затруднениям в интерпретации речи государственных и муниципальных служащих другими представителями общества (ср.: *исчерпанная ниша, компетентностное картирование, матричная диверсификация, объединенный континуум*).

В заключение логичным будет сделать вывод о том, что устная и письменная реализация языковой личности государственного служащего заслуживает дополнительного изучения. Эмпирические исследования в языкознании, социолингвистике, психолингвистике и когнитивной психологии подтверждают сложный характер изучения языка [Arroussi M., 2012-2013, p. 3]. Компетентностная динамика зависит от многочисленных компонентов лингвистической и экстралингвистической природы: качества школьного и вузовского образования, опыта устной и письменной коммуникации, стажа работы в качестве руководителя, языковой грамотности окружающих людей, профессиональных обязанностей, степени ответственности, публичности и др.

В качестве стратегии совершенствования коммуникативной компетентности государственных и муниципальных служащих предложим систему соответствующих мер, функционирующих на законодательном, образовательном и общественно-социальном уровнях.

1. *На уровне законодательных инициатив*, по нашему мнению, необходимо совершенствовать нормотворческую деятельность для сохранения и развития русского языка в России и за рубежом. С одной стороны, важно учитывать динамичность национального состава современной России, культурную принадлежность народов, ментальные характеристики, составляющие основу современной коммуникативной действительности. С этой точки зрения, большую роль играет существенная доработка действующего в настоящее время Закона «О языках народов РФ». С другой стороны, развитие цифровой экономики и информационно-коммуникационного пространства создает новые условия взаимодействия между обществом

и государством. В этой связи первостепенным становится вопрос об информационной безопасности.

По нашему мнению, кадровая политика в сфере государственного и муниципального управления должна регламентировать сохранение традиций русского литературного языка на законодательном уровне. Коммуникативная подготовка и аттестационные испытания представителей органов власти на предмет владения русским языком не должны быть формальными.

Не менее острой проблемой регионального и федерального масштаба, требующей регулирования на законодательном уровне, являются вопросы эффективной коммуникации современных чиновников с гражданами. Информационные ресурсы фиксируют достаточное количество прецедентов, подтверждающих непрофессиональное речевое поведение представителей сферы государственного и муниципального управления. Важным, по нашему мнению, является информирование представителей органов власти о последствиях необдуманных речевых поступков, а также разработка единой системы мер дисциплинарного взыскания.

2. Русский язык и следование классическим отечественным коммуникативным традициям занимают особое место в образовательной парадигме современной России. Дисциплина «Русский язык» является обязательной при сдаче Единого государственного экзамена. В контексте высшего образования программы бакалавриата и магистратуры гуманитарной направленности в обязательном порядке содержат дисциплины, направленные на развитие коммуникативных компетенций студентов.

По нашему мнению, в качестве комплекса мер, направленных на дальнейшее развитие речевой грамотности современных государственных и муниципальных служащих, в сфере образования правомерно назвать:

- актуализацию в программах бакалавриата и магистратуры (в том числе по направлениям 38.03.04 и 38.04.04 «Государственное и муниципальное управление») гуманитарных дисциплин, направленных на развитие коммуникативной компетенции будущих представителей органов власти (ср., например, «Русский язык и культура речи», «Технология деловой коммуникации в профессиональной сфере», «Этика делового общения», «Коммуникативный практикум» и др.). Качественная реализация перечисленных дисциплин позволит будущим государственным и муниципальным служащим: 1) соблюдать нормы современного русского литературного языка; 2) осуществлять этическое взаимодействие с гражданами; 3) вести эффективную официально-деловую переписку, 4) точно и адекватно интерпретировать полученную информацию; 5) реализовывать

незапланированное проблемное интервью и публичное выступление и мн. др.;

- совершенствование дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, включающих гуманитарные модули по русскому языку и культуре делового общения, интерактивные дискуссионные занятия с речевыми тренировками и публичными игровыми выступлениями. Благодаря повышению качества гуманитарных дополнительных профессиональных программ для государственных и муниципальных служащих планируется: 1) преодоление у обучающихся речевых барьеров, 2) снижение процента формальных и содержательных ошибок при составлении официальных документов, 3) бесконфликтное осуществление личного приема в работе с гражданами вследствие применения техник эмоциональной стабильности; 4) повышение речевого качества дискуссионных площадок и дебатов в сфере государственного управления; 5) реализация эффективного электронного документооборота и мн. др.

Отдельно отметим особую значимость участия в разработке и реализации дополнительных профессиональных программ для государственных и муниципальных служащих экспертов-практиков и руководителей структурных подразделений органов власти. Экспертное участие способствует достижению эффективного взаимодействия между работодателями и кадровым резервом и стабильному совершенствованию дополнительных профессиональных программ.

Совершенствование системы дополнительного профессионального образования для государственных и муниципальных служащих предполагает открытость информационного пространства и обмен профессиональным и исследовательским опытом с другими регионами. В этой связи полезно и актуально использовать лучшие дополнительные профессиональные программы переподготовки и повышения квалификации, разработанные для государственных и муниципальных служащих других регионов. Кроме того, по нашему мнению, необходим анализ и внедрение в систему российского образования лучших мировых практик подготовки и переподготовки госслужащих (подробнее о внедрении зарубежного опыта см., напр.: [Баранов, Тагаев, Котлярова, 2017]).

3. К *общественно-социальному комплексу* по совершенствованию коммуникативной компетентности представителей сферы государственного и муниципального управления отнесем следующие факторы:

- проведение массовых мероприятий, направленных не только на проверку уровня грамотности государственных и муниципальных служащих, но и на поддержание личной заинтересованности в

повышении навыков составления, написания, проверки и корректировки писем, в том числе реализация на площадках муниципальных образований регионов международной акции «Тотальный диктант», проведение областных и городских диктантов по русскому языку при масштабном участии представителей органов власти;

- повышение мотивации самих представителей государственной службы. В этой связи интересной кажется мысль о проведении общественных мероприятий, в которых могли бы принимать участие государственные и муниципальные служащие всех должностей вместе со своими детьми. Трудности в изучении русского языка в школьном возрасте, вызванные усложненными образовательными программами и необходимостью получить высокий бал на ОГЭ и ЕГЭ, волнуют многих граждан Российской Федерации. Привлечение интереса к грамотному и этичному общению у взрослых и детей может осуществляться совместно;

- взаимодействие органов власти с ведущими вузами страны, ориентированными на совершенствование государственной кадровой политики, в том числе в вопросах коммуникации.

4. Безусловно, большая работа предстоит и *профессиональному лингвистическому сообществу*, чья деятельность будет состоять в:

- создании и совершенствовании профессиональных лексикографических источников и кратких справочников, позволяющих быстро справляться с возникающими трудностями в письменной, устной и интернет-коммуникации;

- формировании кадровой политики, направленной на обучение специалистов-практиков в сфере корректуры деловой корреспонденции;

- открытости и эффективности взаимодействия с лингвистически неподготовленной аудиторией носителей русского языка XXI века.

Авторы с благодарностью примут все вопросы, мнения, пожелания и рекомендации по электронным адресам dr.yudina@mail.ru (Н. В. Юдина) и olya-apriori@yandex.ru (О. В. Котлярова) и обязательно учтут их в дальнейшей работе по изучению языкового портрета государственных служащих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативно-правовая база

1. О языках народов Российской Федерации: закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 // СПС «КонсультантПлюс».
3. О государственном языке Российской Федерации: федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ: ред. от 28.12.2017 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СПС «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Аганбегян А. Г. Об уроках финансово-экономического и социального кризиса в России // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 3.
2. Агранович М. Система высшего образования региона и устойчивое развитие: попытка статистического анализа / Образование и наука как факторы устойчивого развития региона: сборник докладов и материалов Всероссийского научно-практического семинара. – Тверь, 2003. – С. 101-108.
3. Алимова Х. Ш. Речевая культура делового письма // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 630. – С. 10-16.
4. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917 – 2000 гг. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М. : Краф, 2000. – 224 с.
5. Алпатов В. М. Русская латиница Н. Ф. Яковлева // Научный диалог. – 2015. – Выпуск № 3 (39). – С. 8-28.
6. Альшева Ю. С. Речевой портрет В. В. Путина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». – 2012. – № 2 (16). – С. 171-174.
7. Андросова О.Е. Лексико-грамматические особенности политического дискурса // Контентус. – 2014. – № 10 (27). – С. 22-28.

8. Ардатова Е. В. Особенности речевого портрета редактора газеты «Завтра» А. А. Проханова // *Universum: филология и искусствоведение*. – 2015. – № 8 (21). – С. 4-9.
9. Асташова О. И. Речевой портрет Н. Ю. Белых: динамический аспект // *Политическая лингвистика*. – 2011. – № 3 (37). – С. 64-68.
10. Архипова Н. Г. Речевой портрет амурского старожила / *Слово: Фольклорно-диалектологический альманах*. Вып. 2 / под ред. Е. А. Оглезневой, Н. Г. Архиповой. – Благовещенск : АмГУ, 2005. – С. 38-61.
11. Архипова Н. Г. Речевой портрет амурского старообрядца / *Слово: Фольклорно-диалектологический альманах*. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : АмГУ, 2006. – 179 с. – С. 79-104.
12. Архипова Н. Г. Речевые портреты амурских молокан / *Слово: Фольклорно-диалектологический альманах*. Вып. 5. / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : АмГУ, 2007. – 224 с. – С. 109-137.
13. Архипова Н. Г. Речевой портрет семьи старообрядцев (семейских) / *Слово: Фольклорно-диалектологический альманах*. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : АмГУ, 2009. – 229 с. – С. 73-104.
14. Ахиджакова М. П. Вербализация ментального пространства языковой личности автора в художественном тексте: на материале творчества Аскера Евтыха: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2007.
15. Бабицкая О. П. К вопросу о культурных и лингвистических аспектах глобализации // *Современные вопросы теории и практики обучения в вузе*. – 2017. – № 20. – С. 69-73.
16. Бабушкина Е. А. Речевой портрет личности: фонетические характеристики // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2012. – № 11. – С. 7-11.
17. Багана Ж., Кривчикова Н. Л. Стилистические характеристики законодательного текста // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*. – 2013. – № 6 (149). – Вып. 17. – С. 49-52.
18. Багана Ж., Куксова Е. Л. Характеристика письменных форм подстилей официально-делового стиля речи (на материале французского языка) // *Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики»*. – 2016. – № 2. – С. 22-26.
19. Баженова Т. П. Европеизация русской культуры: сущность и особенности: дис. ... канд. филос. наук. – Тамбов, 2005. – 171 с.

20. Базылев В. Н. Канон русской политической лексики Павла I (о принципах реконструкции российского исторического политического дискурса) // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1 (61). – С. 10-20.
21. Байшева З. В. Языковая личность судебного оратора Анатолия Федоровича Кони: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2007.
22. Баранов А. В., Тагаев А. В., Ивлева О. А., Котлярова О. В. Компетентностная модель сотрудника многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 4. – С. 22-27.
23. Баранов А. В., Тагаев А. В., Котлярова О. В. Система открытого образования в Республике Корея: перспективы внедрения // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 6. – С. 40-55.
24. Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. – М : Фонд ИНДЕМ, 2004. – 94 с.
25. Барциц И. Н. Федеративная ответственность: конституционно-правовые аспекты. – М. : РЭА, 1999.
26. Барциц И. Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. – М. : Изд-во МГУ, 2000.
27. Барциц И. Н. Социальная эффективность государственного управления: модели, критерии, российский опыт внедрения // Проблемы управления. – 2011. – № 1.
28. Барциц И. Н. Подготовка кадров для государственного управления: от бакалавра до доктора // Государственная служба. – 2015. – № 1 (93). – С. 40-47.
29. Бачалиашвили О. В. Некоторые стилистические особенности судебного дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им А. С. Пушкина. – 2013. – Т. 1. – № 13. – С. 116-123.
30. Бекоева Д., Тихенький Д. Компетентностная модель эффективного менеджера // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 8. – С. 114-118.
31. Белов В. Г., Парфенов Ю. А., Менумеров А. В., Чернов Д. А. Эмоциональная устойчивость как критерий эффективной деятельности государственных служащих // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2011. – № 8. – С. 28-34.
32. Белоусова А. Е. Речевой портрет через призму теории полифонии М. М. Бахтина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 14 (593). – С. 9-14.

33. Бельских И. Е., Бельских О. Е. Институализация молодежной политики на региональном уровне управления / Альтернативы развития и инновации в педагогике, экономике, праве, культурологии и социологии: сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции / под. ред. И. Е. Бельских. – Волгоград, 2015. – С. 19-26.

34. Бердашкевич А. О государственной языковой политике России 2000 // Высшее образование в России. – 2000. – № 6. – С. 60-69.

35. Беспалова О. А. Генеральный регламент 28 февраля 1720 года и его роль в становлении коллегиального делопроизводства в России в XVIII в. // Инновационная наука. – 2015. – № 10. – С. 20-25.

36. Бестолокова Г. В. Роль языковой политики в процессе межкультурного общения (на примере языковой политики в процессе межкультурного общения (на примере политики США)) / Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихолингвистический анализ / отв. ред. Т. А. Барановская. – М., 2013. – С. 262-278.

37. Бжассо А. А. Территориальный кризисконтроллинг – инструмент в системе антикризисного управления региональной экономикой // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 2-1 (79-1). – С. 716-720.

38. Биджиев А. С. Методы формирования кадрового потенциала органов местного самоуправления, в условиях развития муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2014.

39. Биленко Ж. Л. Лексико-грамматические и стилистические особенности англоязычных документов // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. – 2007. – № 39. – С. 2-3.

40. Бирюкова Г. М., Лебединова Ю. К. Профессионально-коммуникативная компетентность как имиджевый фактор российских госслужащих // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2010. – № 12 (70).

41. Боброва Л. В., Маринова О. А. Компетентностная модель как альтернатива модели квалификационной / Наука и образование в жизни современного общества: сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции: в 12 частях. – Тамбов : ТРОО «Бизнес – Наука – Общество», 2012. – С. 20-21.

42. Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 353 с.

43. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее соотношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984.

44. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию В 2 томах. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 391 с.
45. Боева К. Ю. Особенности управления системой здравоохранения на муниципальном и региональном уровнях / Интеграция Республики Крым в систему экономических связей Российской Федерации: теория и практика управления: материалы XIII международной научно-практической конференции (28 октября 2016 г., г. Симферополь) / под общ. ред. Ю. П. Майданевич. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2016. – С. 19-22.
46. Бойко Б. Л. Принципы моделирования речевого портрета носителя социально-группового диалекта (к проблеме создания речевого портрета человека на войне) // Армия и общество. – 2008. – № 2. – С. 1-11.
47. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1969.
48. Большой толковый словарь / под. ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
49. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова и др. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 790 с.
50. Бородина И. В. Речевые особенности официального юбилея: стилистические и жанровые аспекты // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 203-209.
51. Бринкер А. Г. История Екатерины Великой: в 3 т. – М. : ТЕРРА, 1996. – Т. 3. – 264 с.
52. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом дискурсе. Монография. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2006. – 215 с.
53. Будникова Н. С. Современная языковая ситуация на Украине: социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук. – М., 2006.
54. Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка: учебное пособие для преподавателей / сост. Ф. Буслаев. – М. : Унив. тип., 1858. – (Учебные руководства для военно-учебных заведений). – Со 2-го изд. загл.: Историческая грамматика русского языка.
55. Бутузов С. Ю., Нго В. А. Компетентностная модель выпускника магистратуры вузов / Проблемы управления безопасностью сложных систем: труды XXI Международной конференции / под ред. Н. И. Архиповой, В. В. Кульбы. – М., 2013. – С. 58-61.
56. Бухаров Д. В. Имидж образовательного учреждения // Человек и образование. – 2009. – № 2. – С. 15-168.
57. Бушев А. Б. Русская языковая личность профессионального переводчика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2010.

58. Бушев А. Б. Подходы к интерпретации политического информационного и публицистического дискурса / Политический дискурс в парадигме научных исследований: сборник статей международной научной конференции / под ред. канд. филол. наук, доц. Д. В. Шапочкина. – Тюмень : Вектор Бук, 2014. – 135 с.
59. Быстряков А. Я., Григорьева Е. М., Леденева В. Ю., Пономаренко Е. В., Савенкова Е. В., Должикова А. В. Интеллектуальный капитал и интеллектуальная миграция в условиях глобализации. – М., 2017. – 80 с.
60. Ваганова К. Р. Функционально-стилевые особенности розыскных документов XVIII века (на материале омских источников) // Вестник Омского университета. – 2011. – № 3. – С. 161-167.
61. Важенина И. С. Имидж и бренд региона: сущность и особенности формирования // Экономика региона. – 2008. – № 1. – С. 48-59.
62. Вайсгербер И. Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
63. Василенко И. А. Имидж России: концепция национального брендинга // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2012. – № 4. – С. 66-78.
64. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Ручкин А. В. Повышение квалификации государственных служащих в системе управления человеческими ресурсами // Экономика труда и управление персоналом. – 2016. – № 1. – С. 90-98.
65. Васильева Я. В. Петр I и создание концепции «Школы службы государству» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2010. – № 1. – С. 74-78.
66. Введенская Л. А. Словарь ударений для дикторов радио и телевидения. – М. : МарТ, 2003. – 352 с.
67. Вежбитов М. Д. По поводу нарушений некоторых акцентологических норм русского языка // Наука. Мысль. – 2016. – № 6-1. – С. 154-160.
68. Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. – Обнинск, 1995.
69. Викторова О. А. Особенности поликодовых демотивационных постеров с включением языковой игры: дис... канд. филол. наук. – Тверь, 2016. – 182 с.
70. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
71. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. – М. : План, 1996. – 304 с.
72. Винокур Т. Г. Речевой портрет современного человека / Человек в системе наук. – М. : Наука, 1989. – С. 361-370.

73. Витгенштейн Л. Философские исследования. – М. : АСТ, Астрель, 2010. – 347 с.
74. Власова М. В. Речевой портрет бывшего сельского жителя: апеллятивный аспект // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2009. – № 3. – С. 54-56.
75. Войченко В. М. Фрагмент речевого портрета современной русскоязычной женщины: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2012.
76. Воробьева М. И. Соблюдение акцентологических норм русского языка как высший уровень произносительной культуры человека / Наука и образование в жизни современного общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции в 12 ч. – Тамбов : ТРОО «Бизнес – Наука – Общество», 2012. – С. 35-36.
77. Воронин Р. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность (современные концепции языковой игры) // Научный альманах. – 2015. – № 7 (9). – С. 1352-1361.
78. Востоков А. Х. Сокращённая русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях. – СПб., 1831.
79. Габоева З. М. Речевой портрет современного телеведущего // Наука и современность. – 2011. – № 8 (3). – С. 4-8.
80. Гаврилова М. В. Некоторые черты речевого портрета первого Президента России Б. Н. Ельцина // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4 (42). – С. 17-22.
81. Газиева И. А., Шоптенко В. В., Корчагин Р. Н. Программы дополнительного профессионального образования как один их стратегических приоритетов профессионального развития // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11. – № 6. – С. 425-431.
82. Гак В. Г. Сочетаемость / Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990а.
83. Герасимов А. В. Проблемы эффективного использования человеческого потенциала в современных условиях // Политика и общество. – 2011. – № 11 (83). – С. 58-63.
84. Гарипова Ф. Х. Опыт языкового строительства в Республике: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005.
85. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / перевод и примечания А. В. Михайлова; отв. ред. А. В. Гулыга. – М. : Наука, 1977. – 679 с.
86. Голивкина Н. И. Социально-статусные факторы формирования профессиональной культуры государственного служащего: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – М., 2003.

87. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. – М. : Айрис-Пресс, 2010. – 342 с.
88. Голубева И. В. Фрагмент речевого портрета современной женщины (на материале качественно-количественного анализа конструкций, осложняющих структуру простого предложения) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Когнитивная лингвистика и дискурсивное описание языка. – 2012. – № 6. – С. 54-57.
89. Гордеева М. А. Эмоциональное выгорание государственных служащих // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 9. – С. 43-45.
90. Горчакова Р. Р. Особенности формирования корпоративного имиджа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 185-192.
91. Горшков А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учеб. Для педагогических университетов и гуманитарных вузов. – М. : АСТ, Астрель, 2006. – 367 с.
92. Горшков А. С., Бирюкова Г. М., Чжен Ж., Чжао Ш. Государственный служащий: психологическая и профессиональная компетентность // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. – 2007. – № 4. – С. 5-9.
93. Государственный язык России: нормы права и нормы языка / монография под ред. С. А. Белова, Н. М. Кропачева. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2018.
94. Гравер А. А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 3. – С. 29-45.
95. Грачева Н. В. Лексико-грамматические особенности речевого воздействия в политическом дискурсе (на примере текста оригинальных выступлений В. В. Путина) // Апробация. – 2015. – № 7 (34). – С. 21-23.
96. Гречко П. К., Краснова Г. А. Языковая глобализация и образовательная перспектива // Инновационное образование – 2011. – № 8. – С. 27-33.
97. Григорьева-Голубева В. А. Становление гуманистических ценностей педагога: в аспекте языковой личности: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – СПб., 2002.
98. Гриценко Е. С. Язык и безопасность в контексте глобализации // Власть. – 2011. – № 11. – С. 9-11.
99. Гришаева Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве: функциональный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. – Красноярск, 2007.

100. Громыко В. В. Языковая глобализация как угроза русскому языку и национальной безопасности России // Вестник Российского экономического университета им Г. В. Плеханова. – 2007. – № 2. – С. 22-28.
101. Грызина О. В. Основные аспекты изучения акцентологических норм в современном русском языке // Международный академический вестник. – 2015. – № 1 (7). – С. 20-22.
102. Гулинов Д. Ю. Языковая политика: определение и характеристики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 5 (59). – С. 7-11.
103. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию / пер. Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
104. Давыдова О. А. Формирование культуры делового общения у будущих государственных служащих: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Волгоград, 2003.
105. Данелян Е. Г. О некоторых трудностях обучения детей-инофонов русскому произношению на начальном этапе / Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сборник научных трудов. – Тверь, 2017. – С. 121-125.
106. Дарижапова М. Н. К вопросу об изучении самоотношения государственных служащих // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 5. – С. 28-33.
107. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
108. Денисова Т. А. Репрезентация концептов мужчина и женщина в языковом сознании русского народа: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2006.
109. Дзялошинский И. М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. Некоторые особенности личности и профессиональной деятельности: монография. – М. : Восток, 1996.
110. Дильман Н. В. Государственные служащие: статусные основания, менталитет и коммуникационные особенности: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Волгоград, 2004.
111. Диц Ф. К. Grammatik der romanischen Sprachen. – Бонн, 1836-1838; 5-е изд. – Бонн, 1889.
112. Дмитриева Н. Е. Социально-профессиональная адаптация государственных служащих к изменениям в институте государственной службы: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – М., 2003.
113. Дорожкина Т. Н. Учебно-творческий дискурс в сфере письменной коммуникации: формирование языковой личности человека пишущего: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2006.

114. Дулин В. В. Компетентностная модель профессии менеджера для целей профессиональной подготовки // Вестник Балтийской педагогической академии. – 2011. – № 102. – С. 12-21.
115. Дьякова В. В. Стереотипы восприятия государственных служащих в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1996.
116. Дьячков М. В. Языковая политика в современной России: факты, комментарии, заметки с рабочего стола социолога // Социолог. исслед. – 1993. – № 9.
117. Еремина С. А., Потысьева А. Н. Речевой портрет депутата Евгения Ройзмана // Политическая лингвистика. – 2005. – № 15. – С. 66-71.
118. Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. – Пермь, 1979. – 91 с.
119. Ерофеева Т. И. Опыт исследования речи горожан: территориальный, социальный и психологический аспекты. – Свердловск, 1991. – 135 с.
120. Ерофеева Т. И., Скитова Ф. Л. Локализмы в литературной речи горожан. – Пермь, 1992. – 92 с.
121. Ершова С. Е. Профессиональные особенности формирования коммуникативной культуры государственного служащего / Роль языковых средств в деле формирования положительного имиджа государственного служащего: сборник материалов круглого стола / сост. А. А. Рюкина. – М.: Академия ГПС МЧС России, 2016. – 48 с.
122. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
123. Жизнь языка в культурном социуме – 4: сборник трудов международной конференции. – М.: Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов, 2014.
124. Жикеева А. Р. Языковая ситуация Костанайской области Республики Казахстан: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2011.
125. Заборовская С. Реализация кадровой политики в системе государственных органов и органов местного самоуправления // Государственная служба. – 2015. – № 2 (94).
126. Загоровская О. В., Шестакова Е. Н. Орфоэпия: учебное пособие. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – 89 с.
127. Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / под общ. ред. С. С. Дмитриева; вступ. ст. Г. А. Веселой и С. С. Дмитриева; сост., коммент. и имен. указ. Г. А. Веселой. – М.: Сов. Россия, 1991. – 389 с.
128. Замуруева Н. А. Жанровые особенности официально-делового стиля речи // Ученые записки Орловского государственного

университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2010. – № 3-2. – С. 120-122.

129. Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. – 331 с.

130. Земская Е. А. Еще раз о языке русского зарубежья / Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сборник статей к 60-летию Ю. Н. Караулова / отв. ред. Ю. С. Степанов, Е. А. Земская, А. М. Молдован. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995. – С. 233-241.

131. Земская Е. А. Язык русского зарубежья: два полюса / Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность / отв. ред. С. И. Гиндин, Н. Н. Розанова. – М.: Научный мир, 1999. – С. 236-257.

132. Ибрагимова Д. Р. Языковой портрет императора Николая II в романе А. И. Солженицына «Август Четырнадцатого» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2014. – № 1. – С. 41-46.

133. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2002.

134. Иощенко А. С. Педагогические воззрения Екатерины II: истоки и реализация // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – № 5 (85). – С. 53-56.

135. Казарян А. Н. Специфика языковой политики в национальных регионах Российской Федерации: проблемы и противоречия // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 4 (20). – С. 137-140.

136. Кайгородов Б. В., Корникова А. И. Моделирование процесса формирования лидерских качеств будущих государственных служащих // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Педагогика, психология». – 2012. – № 3 (10). – С. 121-123.

137. Калашник Н. С. Самообразование чиновников как составляющая политики управления людскими ресурсами на государственной службе (опыт Украины) // ARS ADMINISTRANDI. – 2013. – № 4. – С. 42-52.

138. Калинина Е. Н. Государственная языковая политика Российской Федерации: технологии реализации в условиях этнокультурного разнообразия: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Нижний Новгород, 2007.

139. Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: История, современность, перспективы: дис. ... д-ра филол. наук. – Владикавказ, 2002.

140. Канева М. А. Основные направления развития системы здравоохранения на федеральном и региональном уровнях (на примере Новосибирской области) / Актуальные проблемы развития Новосибирской области и пути решения: сборник научных трудов в 2 частях. – Новосибирск, 2014. – С. 269-297.
141. Карабань Н. А., Дикарева А. В. Сетикет, или правила речевого поведения в сети интернет // Филология: научные исследования. – 2018. – № 1. – С. 31-37.
142. Карабань Н. А. Содержание и структура коммуникативной категории вежливости // Грани познания. – 2010. – № 1 (6). – С. 42-44.
143. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
144. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
145. Карнаухова Е. Е. Изменение стратегии внешней культурной и языковой политики Германии на современном этапе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1 (2). – С. 374-379.
146. Карпова Ю. Н. Формирование духовной направленности в профессиональном образовании государственных служащих средствами интегрирования религиоведения и иностранного языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Нижний Новгород, 2001. – 173 с.
147. Картушина Е. А. Многоязычие как основная стратегия языковой политики Евросоюза (на примере языковой политики Финляндии) / Языковые процессы в эпоху глобализации: материалы международного научного семинара. – М., 2016. – С. 87-90.
148. Карцевский С. О. Язык, война и революция. – Берлин : Русское универсальное издательство, 1923. – 72 с.
149. Катунин Д. А. Государственный и официальный язык в конституциях стран бывшего СССР // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 4 (8). – С. 20-29.
150. Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. – 1948. – № 2.
151. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание / отв. ред. А. В. Десницкая. – Л. : Наука, 1986.
152. Керенская С. А. Методика создания творческого портрета учителя как педагогического речевого жанра // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 6. – С. 367-372.
153. Киреева С. А., Кузина К. А. Имидж региона: теоретический аспект // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 1. – С. 233-235.
154. Кирий Н. В., Савина Н. М. Персонифицированная подготовка управленческих кадров образования на базе университета:

теоретические подходы, моделирование // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6.

155. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. – М. : Наука, 1995. – 128 с.

156. Клиновский В. А. Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века: дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2012.

157. Ключкова Р. Г. Освоение орфоэпических норм на занятиях по русскому языку // Русский язык в школе. – 2010. – № 12. – С. 17-19.

158. Ключкова Т. Н. Дополнительное профессиональное образование государственных и муниципальных служащих: проблемы и пути совершенствования // Вестник Поволжского института управления. – 2011. – № 2. – С. 14-21.

159. Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский язык. Фонетика. Учебник. Бакалавр и магистр. – 1-е изд. – М. : Юрайт, 2017. – 380 с.

160. Князьков С. Из прошлого Русской земли. Время Петра Великого: книга для чтения по русской истории в школе и дома / Репринтное воспроизведение издания 1909 г. – М. : Планета, 1991. – 712 с.

161. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. – 4-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА, Наука, 2008. – 464 с.

162. Козлова Н. П. Формирование положительного имиджа и деловой репутации компании // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия «Экономика». – 2011. – № 1. – С. 67-71.

163. Козырев В. А., Черняк В. Д. Речевой портрет современного студента: культурная грамотность // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2007. – № 9. – С. 21-25.

164. Козырев В. А., Черняк В. Д. Речевой портрет современного учителя: поиски идеала / Образование XXI века: модель новой школы: сборник научно-методических статей / под ред А. И. Дунева; МОУ «Ново-Девяткинская СОШ № 1» Всеволожского района Ленинградской области. – СПб. : Сага, 2010. – С. 37-42.

165. Колокольцева Т. Н. Речевой портрет персонажа: синтаксический аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (97). – С. 88-93.

166. Комкова О. В. Атрибутивная сочетаемость феминных и маскулинных номинаций лица: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2011.

167. Кондильяк Э. Б. Сочинения в 3 томах / пер. с фр.; общ. ред. и примеч. В. М. Богуславского. – М. : Мысль, 1980-1983.

168. Константинова В. Г. Феномен имиджа в научных исследованиях // Вестник Костромского государственного университета. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». – 2011. – Т. 17. – № 4. – С. 221-225.
169. Копыленко М. М. Сочетаемость лексем в русском языке. - М. : Просвещение. 1973. – 117 с.
170. Копылова Е. Н. Применение комплексной оценки деятельности государственных служащих при отборе в управленческую команду // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. – 2014. – № 1.
171. Корконосенко С. Г. Основы творческой деятельности журналиста. – СПб. : Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. – 380 с.
172. Коршунова Н. В. Школьная реформа Екатерины II // Вестник ЧГПУ. Педагогика и психология. – 2010. – № 8. – С. 109-115.
173. Костева В. М. К вопросу о языковой политике тоталитарных государств // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 1. – С. 120-125.
174. Костина А. С. Текст официального британского документа, обращенного к населению (на материале министерских сайтов Великобритании) // Преподаватель XXI века. – 2014. – Т. 2. – № 1. – С. 245-250.
175. Костюк М. Е. Государственная языковая политика и ее роль в механизме обеспечения национальной безопасности России: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2011.
176. Котлярова О. В. Русский язык и культура речи: учебное пособие для государственных гражданских и муниципальных служащих. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2016. – 57 с.
177. Котлярова О.В. Динамичность языковой государственной политики в диахронном аспекте // Ученые записки. – 2016. – № 2 (18). – С. 56-58.
178. Котлярова О. В., Потапова Е. П. Коммуникативная компетентность государственных и муниципальных служащих: монография. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2018.
179. Котлярова О. В. Русская языковая картина мира. Культурно значимые концепты. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2018. – 187 с.
180. Котлярова О. В. Некоторые тенденции функционирования лексических единиц в речи государственных служащих // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 3. – С. 77-81.
181. Котлярова О. В. Лексико-грамматические особенности речи представителей государственной власти. Новые тенденции // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 61-64.

182. Котлярова О. В. Новый тенденции в лексике административно-политического дискурса // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык.* – 2018. – № 2. – С. 87-97.
183. Котлярова О. В. Теория языковой личности государственного служащего в отечественной лингвистике: анализ подходов // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология».* – № 2. – С. 34-45.
184. Котлярова О. В. Языковая личность государственного служащего как объект лингвистического описания // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки».* – 2018. – № 1 (78). – С. 139-143.
185. Котова Н. С. Амбивалентная языковая личность: лексика, грамматика, прагматика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2008.
186. Кошлякова М. О. Имидж в системе массовой коммуникации // *Знание. Понимание. Умение.* – 2011. – № 1. – С. 218-224.
187. Кравченко Т. И., Нуттунен П. А. Особенности программно-целевого управления молодежной политикой на федеральном, региональном и муниципальном уровнях / *Научный поиск – 1: сборник научных трудов магистрантов.* – СПб., 2016. – С. 120-126.
188. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 232 с.
189. Крыкова И. В., Семина В. С. Великие просветительницы в культурном пространстве России XVIII века (Екатерина II и Екатерина Дашкова) // *Аналитика культурологии.* – 2007. – № 1. – С. 206-212.
190. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // *Русский язык в научном освещении.* – 2001. – № 1. – С. 90-106.
191. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
192. Кузнецов О. В. Направления модернизации ДПО государственных служащих // *Высшее образование в России.* – 2009. – № 5. – С. 145-149.
193. Кузнецова И. В. Языковая игра в библейской фразеологии разных языков // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.* – 2014. – Т. 59. – № 2. – С. 337-351.
194. Кузнецова Ю. Н. Тематическая группа «Наименования должностей системы государственной службы и управления» в русском языке»: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
195. Куровская Ю. Г. Языковая политика в странах постсоветского пространства: сравнительно-сопоставительный анализ

// Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 16-24.

196. Лазинская Л. Я. Во главе двух академий. – М.: Наука, 1978. – 144 с.

197. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М., 2004.

198. Лалетина А. О. Глобализация и языковая политика в сфере образования: опыт России и США // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1 (43). – С. 158-163.

199. Лапыгин Ю. Н., Ерашова О. В. Модели компетенций государственных гражданских служащих // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. – 2013. – № 9. – С. 189-208.

200. Ларин Б. А. О «Кипарисовом Ларце» // Ин. Анненского / Лит. мысль. Кн. 2. – Пг., 1923. – С. 149-159.

201. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города / Русская речь. Вып. 3. – Л., 1928. – С. 61-74.

202. Ларин Б. А. О словоупотреблении (в языке Чехова) // Лит. учеба. – 1935. – № 10. – С. 146-158.

203. Ларин Б. А. Об атласе русского языка и современной диалектологии // Учен. зап. Ростовского-на-Дону гос. пед. ин-та. – 1939. – Т. 1. – С. 105-116.

204. Ларин Б. А. О принципах составления атласа славянских языков / Сборник памяти Л. П. Якубинского. – Л., 1949. – Вып. 14. – С. 23-37.

205. Ларин Б. А. Рассказ М. Шолохова «Судьба человека» (Опыт анализа формы) // Нева. – 1959. – № 9. – С. 199-205.

206. Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси XV–XVII вв. / Начальный этап формирования русского национального языка: тезисы докладов конференции. – Л., 1960. – С. 3-5.

207. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. – СПб.: Художественная литература, 1973. – 288 с.

208. Ле Дык Тху. Национальная языковая личность в сравнительно-сопоставительном лингвокультурологическом описании: на материале русской и вьетнамской культур: дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2003.

209. Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 823 с.

210. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Вопросы практики перевода // Тетради переводчика. – 1975. – № 12. – С. 83-86.

211. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – М.: Издательство политической литературы, 1967 – 1981 гг.

212. Литвинцева Г. Ю. новые направления культурно-досуговой деятельности в Петровскую эпоху // Вестник Санкт-Петербургского

государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 1 (5). – С. 48-56.

213. Локота О. В., Овакимян М. А. Развитие кадрового потенциала местного самоуправления как фактор обеспечения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности муниципального образования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2017. – № 9 (88). – С. 28-33.

214. Лупанова М. Е. Екатерина II: франкофил или франкофоб? // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 55. – С. 203-209.

215. Людоговская Н. А. Русская речь в условиях процесса глобализации / Проблемы фундаментальной подготовки к школе и вузе в контексте современности: межвузовский сборник научных работ VIII Всероссийской научно-практической конференции / редактор-составитель А. Е. Новиков. – Череповец, 2017. – С. 217-219.

216. Лютикова В. Д. Языковая личность: идиолект и диалект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2000.

217. Лябухов И. В. О соотношении понятий «имидж государства» и «имидж страны» (к постановке проблемы) // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4-1. – С. 250-253.

218. Ма Т. Ю. Американская языковая личность в культурно-историческом пространстве США XX века (опыт прототипического подхода): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2012.

219. Магомедова Л. А. Авторская индивидуальность в жанрах дипломатического подстиля // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2009. – № 4. – С. 55-57.

220. Максимчук Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002.

221. Малюга Е. Н. К вопросу о языковой политике в российских нелингвистических вузах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 115. – С. 190-196.

222. Мамлина Е. А. Процесс идентификации личности государственного служащего в условиях современной России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Саратов, 2004.

223. Маркелов В. С., Чжуан В. В. Нарушение орфоэпических норм русского языка в звучащей речи китайских учащихся / Русский язык в межкультурной коммуникации: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию кафедры

практического русского языка ИвГУ / под ред. Ф. Ф. Фархутдинова. – Иваново, 2012. – С. 108-112.

224. Маркова Е. М. Демократизация русского литературного языка как ведущая тенденция его развития / Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной памяти д.ф.н., профессора Войловой К. А. / отв. ред. О. В. Шаталова. – М., 2017. – С. 204-211.

225. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24). – С. 43-47.

226. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1993. – 449 с.

227. Медведева С. Н., Екимова Н. Ф. Особенности управления региональными финансами в России на современном этапе // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2016. – № 3 (11). – С. 21-25.

228. Мельник Н. В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 200-207.

229. Менумеров А. В., Гребнева А. А., Мишуточкин С. Е. Самооценка и стиль управления у руководителей государственных служащих // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2011. – № 9. – Т. 79. – С. 102-106.

230. Мешкова И. Н. Некоторые особенности официально-делового стиля французского языка в правовой сфере // Вестник российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». – 2013. – № 3. – С. 301-308.

231. Миловская Н. Д. О языковой игре синтаксического типа на материале немецкого языкового бытового анекдота (wortwitz) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 4. – с. 68-71.

232. Мирошникова О. Х. Языковая образовательная политика университета в контексте европейской языковой политики: сборник материалов научно-практической конференции в 8 частях. – М. : ООО «Ар-Консалт», 2015. – С. 100-101.

233. Михеев Д. А. Государственные служащие Российской Федерации как социально-профессиональный слой: на материалах Республики: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Казань, 2004.

234. Мишон Е. В. Актуальные проблемы региональной экономики и территориального управления. – Воронеж, 2012. – Т. 14.

235. Морковкин В. В. Сочетаемость свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации /

Проблемы сочетаемости слов: сб. научн. тр. / отв. ред. Г. Ю. Князева. – М., 1979. – Вып. 145. – С. 129-140.

236. Морозова Т. А. Имидж города как основа его продвижения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 «Филология и искусствоведение». – 2010. – № 1. – С. 73-77.

237. Мурзинова И. А. Речевой портрет лингвокультурного типажа «британская королева» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 2. – С. 46-49.

238. Мухарямова Л. М. Язык и языковые отношения как предмет политической науки: теория и методология анализа: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2004.

239. Мыскин С. В. Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2015.

240. Назаров Ю. В. Парламентская этика в России: опыт Государственной Думы 1906-1917 годов: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006.

241. Назарова А. Ш. Российская цивилизация в эпоху Петра I: модернизационные процессы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3-2. – С. 17-20.

242. Наумов В. В. Государство и язык. Формулы власти и безвластия: монография. – М. : ООО «КомКнига», 2010. – 184 с.

243. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / Язык. Поэтика. Перевод: сборник научных трудов. – М., 1996. – С. 112-116.

244. Нерознак В. П. Языковая реформа (1990-1995) // Наука и общество: Вестник Российской Академии наук. – 1996. – Т. 66. – № 1. – С. 3-8.

245. Нестеркина Н. А. Краткосрочный курс «Портрет личности» (из опыта работы по формированию смыслового чтения) // Пермский педагогический журнал. – 2016. – № 8. – С. 159-160.

246. Никитина А. Ю. Вербально-семантический уровень языковой личности Екатерины II (на материале «Собственноручных записок императрицы Екатерины II») // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 4. – С. 248-252.

247. Никитина Е. А. Языковая политика в области графики и орфографии // Вестник Омского университета. – 2008. – № 3. – С. 72-78.

248. Никольский В. К., Яковлев Н. Ф. Основные положения материалистического учения Н. Я. Марра о языке // Вопросы философии. – 1949. – № 1.

249. Новикова Е. Н. Технологии и механизмы формирования имиджа политического лидера // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 2. – С. 19-25.

250. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009.
251. Нозимов А. А. Языковая ситуация в современном Таджикистане: дис. ... д-ра филол. наук. – Душанбе, 2010.
252. Овакимян М. А. Местное самоуправление в современной России: модернизационные и инновационные решения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2011. – № 3. – С. 18-26.
253. Овсейцева М. С. Речевой портрет ребенка и языковая игра // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 7 (4). – С. 173-177.
254. Оглезнева Е. А. Речевой портрет эмигранта (на материале речи представительницы русской диаспоры в Харбине В. П. Хан) / Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / под ред. Е. А. Оглезневой, Н. Г. Архиповой. – Благовещенск : АмГУ, 2005. – 236 с. – С. 2-16.
255. Огнева В. В., Дорохова Ю. В. Имидж государственного гражданского служащего региона как предмет социально-политического анализа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 152-163.
256. Осетрова Е. В. Речевой портрет политического деятеля / Лингвистический ежегодник Сибири / ред. Т. М. Григорьева. – Красноярск, 1999. – С. 58-66.
257. Осипова Н. В. Система непрерывного профессионального образования государственных служащих в регионе: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Пенза, 2004.
258. Павленко М. В. Духовно-нравственные основы деятельности государственных служащих в современных социокультурных условиях России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Курск, 2005.
259. Панов М. В. История русского литературного произношения VIII XIX вв. – М. : Наука, 1990. – 453 с.
260. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку / под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – 568 с.
261. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004.
262. Панова М. Н. Модные слова в речи чиновников // Русская речь. – 2015. – № 6. – С. 34-39.
263. Панфилова Е. А. Управление молодежной политикой на региональном уровне / Вузовская наука: теоретико-методологические

проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права: материалы Международного научного семинара. – Тюмень, 2015. – С. 135-138.

264. Пивкин С. Д. Самореализация языковой личности переводчика в системе дополнительного профессионального образования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ульяновск, 2012.

265. Пименов А. В. Формирование позитивного образа государственного служащего как фактора повышения эффективности государственного управления в субъекте Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Нижний Новгород, 2004.

266. Платыгин Д. Н. Социальная эффективность профессиональной деятельности государственных служащих: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – М., 2005.

267. Плотникова Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности: порождение, функционирование, узуализация нового слова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2004.

268. Погорелая Е. А. Языковая ситуация и языковая политика: русский язык в Приднестровье: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003.

269. Погорелый Д. Е., Филиппов К. В. Фесенко В. Ю. Политологический словарь-справочник. – Ростов н/Д. : ООО «Наука-спектр», 2008. – 320 с.

270. Подзолкова И. Р. Лингвостилистические и жанровые особенности официально-делового функционального стиля // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 14 (305). – С. 49-54.

271. Поладько А. В. Идеология государственного служения: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д., 2011.

272. Полное собрание законов Российской Империи. С 1649 года. Т. XXIV (1800-1801). – СПб. : Типогр. II Отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

273. Полякова О. В. К вопросу о динамике орфоэпической нормы в речи носителей русского языка XXI века (на примере речевого дискурса жителей Владимирской области) // Новая экономика и региональная наука. – 2017. – № 2 (8). – С. 99-102.

274. Пономаренко И. Н. Нормативный аспект языковой личности российского госслужащего // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66). – № 1. – С. 250-253.

275. Пономаренко И. В. К вопросу о создании группового речевого портрета современного молодого человека (на материале синтаксиса) / И. В. Пономаренко, Н. Г. Щитова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2007. – № 20 (49). – С. 165-170.

276. Понукалина О. В. Социологические методы исследования имиджа организации // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2013. – № 1 (73). – С. 39-41.
277. Попова Т. Г., Сачкова Е. В. Метафора в официально-деловом стиле // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22. – № 5. – С. 191-193.
278. Попова Э. Ю. Речевой портрет студента глазами самого студента // Политическая лингвистика. – 2006 – № 18. – С. 201-206.
279. Постникова Е. В. Создание фрагментарного речевого портрета политика-публициста на материале заголовков СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2014. – № 7 (336). – С. 187-190.
280. Потапова Е. П., Котлярова О. В. Этико-коммуникативная компетентность государственных и муниципальных служащих: учебное пособие. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2017.
281. Потебня А. А. Полное собрание сочинений / под ред. ком. по изд. соч. А. А. Потебни при Всеукраинской акад. наук. – Одесса : Гос. изд-во Украины, 1926. – 205 с.
282. Потебня А. А. Слово и миф. – М. : Правда, 1989. – 203 с.
283. Приходько К. В. Роль «электронного бюджета» в управлении финансами регионального сегмента / Общество в эпоху перемен: современные парадигмы управления: материалы международной научной конференции. – М., 2014.
284. Прокопович Е. Л. Компетентность государственных гражданских служащих в области информационно-коммуникационных технологий в условиях информатизации государственного управления // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия «Социология». – 2014. – № 13 (1). – С. 167-179.
285. Прохоров А. В. Корпоративная культура как основа имиджа университета // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4. – С. 50-56.
286. Пьянова Н. А. Языковая репрезентация игры в словаре и тексте (на материале немецкого языка) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2017. – № 21. – С. 101-104.
287. Разумова Л. В. Язык, языковая политика, культура // Гуманитарный вектор. Серия «Педагогика, психология». – 2009. – № 3. – С. 129-133.
288. Рекош К. Х. Языковая политика в Европе – Вавилоне XXI века // Вестник МГИМО Университета. Серия «Филология». – 2014. – № 3. – С. 224-231.
289. Родионова К. В. Трансформация языковой политики России в условиях глобализации // Вестник Поволжского института управления. – 2008. – № 2. – С. 27-31.

290. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1976.
291. Розенталь Д. Э., Зарва М. В. Словарь ударений для работников радио и телевидения. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 811 с.
292. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. Учебник для вузов. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1987. – 399 с.
293. Розенталь Д. Э. Прописная или строчная? Опыт словаря-справочника. Ок. 8500 слов и словосочетаний. – М., 1984; 2-е изд., стереотип. – М., 1986; 5-е изд., испр. – М., 1989.
294. Роль языковых средств в деле формирования положительного имиджа государственного служащего: сборник материалов круглого стола / сост. А. А. Рюкина. – М. : Академия ГПС МЧС России, 2016.
295. Романов Д. А. Динамика орфоэпической нормы русского литературного языка: «за» и «против» / Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н. М. Лебедева: материалы конференции. – Тверь, 2017. – С. 60-68.
296. Романова М. С. Культурно-языковая глобализация в неомедиаальной коммуникации (на примере немецких и русских чатов): монография. – Йошкар-Ола, 2009.
297. Романова Т. В. Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика // Политическая лингвистика. – 2009. – № 1 (27). – С. 109-117.
298. Рудакова С. В. Развитие лингвосоциопсихологических способностей государственных служащих в процессе повышения их квалификации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2003.
299. Ружина Л. В. влияние процесса глобализации на языковое явление лакунарности // Научный альманах. – 2015. – № 11-5 (13). – С. 363-366.
300. Русская грамматика в двух томах / под. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – 544 с.
301. Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики: доклады. – М. : ИРЯЗ, 1991. – 242 с.
302. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М. : Языки русской культуры, 2000. – 437 с.
303. Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей / РАН; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Азбуковник, 2000. – 596 с.
304. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. – М. : Советская Россия, 2012. – 248 с.

305. Салаяев В. А. Демократизация национального языка как условие формирования русского сленга в 1920-1930 годы // Социальные варианты. – 2009. – № 6. – С. 306-312.
306. Самойлова М. Н. Языковая ситуация и языковая политика в современном обществе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». – 2009. – № 1 (9). – С. 160-165.
307. Самсонова А. А. Некоторые лексико-грамматические особенности французского политического дискурса / Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы VI Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 22-24 ноября 2017 года) / под ред. Т. А. Василенко. – Новосибирск, 2017. – С. 284-285.
308. Сапралиева Д. О. Научно-организационный подход к развитию индикативного планирования в здравоохранении на региональном уровне (на примере республики Ингушетия): автореф. дис. ... канд. мед. наук. – М., 2015.
309. Свинина Н. М. Жанр деловой беседы в японском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 18. – № 44. – С. 223-228.
310. Седых А. П. Этнокультурные характеристики языковой личности: на материале французской языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2005.
311. Селезнева Е. В. Развитие акмеологической культуры государственных служащих: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2005.
312. Селиверстова О. А. Языковая политика как инструмент реализации «мягкой силы» в политическом дискурсе XXI века (на материале российских, американских и китайских СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2017.
313. Семенова Л. М. Генезис и современное состояние проблемы формирования профессионального имиджа // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 326. – С. 194-199.
314. Сивцева Н. А. А. Е. Кулаковский и проблемы языковой политики 20-х гг. XX в. в Якутии: дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2007.
315. Сидорова В. Л. Формирование эффективного имиджа вуза // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6 «Университетское образование». – 2008. – № 11. – С. 13-20.
316. Синкина А. А. К вопросу об управлении региональными финансами // Актуальные вопросы экономических наук. – 2015. – № 44. – С. 127-131.
317. Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи / Хорошая речь. – Саратов, 2001. – С. 16-28.

318. Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700-1863). – СПб. : Товарищ, Общественная польза, 1892. – 502 с.
319. Скачкова И. И. Классификация языковых политик в американской социолингвистике // Политическая лингвистика. – 2011. – № 2 (36). – С. 166-170.
320. Скачкова И. И. Языковая политика и языковое планирование: определение понятий // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 126-131.
321. Скиперских А. В. Методы политологической науки в комментариях и схемах: учебно-методическое пособие. – Елец, 2005. – 28 с.
322. Скляревская Г. Н., Ткачева И. О. Давайте говорить правильно! Политический язык современной России: краткий словарь-справочник. – СПб. : СПбГУ; М. : Академия, 2004.
323. Скляревская Г. Н. Современный толковый словарь живого русского языка. Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. – СПб., 2004.
324. Сковородников А. П. О содержании понятия «этико-речевая компетенция» // Мир русского слова. – 2012. – № 4. – С. 20-27.
325. Словарь иностранных слов современного русского языка. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
326. Словарь русского арго: материалы 1980-1990 гг. / под ред. В. С. Елистратова. – М. : Русские словари, 2000. – 687 с.
327. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. – М. : Русские словари, 1999.
328. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
329. Словарь сочетаемости слов русского языка: ок. 2500 слов / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1983. – 688 с.
330. Смирнов А. А. Социально-философский анализ влияния рефлексивной культуры на уровень развития регионального сознания государственного служащего: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2000.
331. Смирнова Т. П. Современная языковая политика Европейского союза и Российской Федерации: сравнительный анализ // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3 (45). – С. 183-186.
332. Смирнова Т. П. Основные тенденции развития европейской языковой политики и пути ее реализации // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 153-154.
333. Солдаткин А. А. Вопросы управления региональными этнополитическими процессами (на примере Саратовской области) // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2013. – № 1 (1). – С. 3-6.

334. Солнышкина М. И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2005.
335. Стародубцев М. П. Реформы образования Петра I и Екатерины II // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2012. – № 148. – С. 141-150.
336. Стаценко В. В. Фрагмент группового речевого портрета старшего дошкольника (на материале синтаксиса) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – Вып. 49. – С. 369-372.
337. Степанов А. А., Савина М. В. Компетентностная модель управленца XXI века: мастер креативного менеджмента / Развитие институтов инновационной экономики в условиях интеграции России в мировое экономическое пространство: сборник трудов по материалам международной научно-практической конференции. – М., 2016. – С. 496-499.
338. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
339. Степанов Ю.С. Языкознание / Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Дрофа, 1997. – С. 672-676.
340. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта, Наука, 2003. – 376 с.
341. Стрелков А. А. Тихая европеизация постсоветского пространства // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 12. – С. 48-58.
342. Стрябкова Ю. И. Языковая политика в молодых многонациональных государствах: на примере Центральноафриканской Республики, Камеруна и Сенегала: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2007.
343. Сундуева Д. Б. Речевые портреты соотечественников в Монголии // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2011. – № 4 (71). – С. 63-68.
344. Сухарев А. В. Этнофункциональный анализ личности Петра I в контексте развития русской ментальности конца XVIII – начала XIX века // Пространство и время. – 2014. – № 4 (18). – С. 134-143.
345. Суховеева О. И. Психологические условия профессионально-личностного развития государственных и муниципальных служащих // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 3. – С. 135-136.
346. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного

эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007.

347. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988.

348. Терентьева Е. В. Речевой портрет современного носителя донских медведицких говоров Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». – 2012. – № 2 (16). – 140-146 с.

349. Токарева Г. А. Игра слов в журналистском тексте и языковая игра в культуре постмодерна / Смысловое пространство текста: сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. Сер. «Литературоведческие исследования и журналистика» / отв. ред. Г. А. Токарева. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2011. – С. 95-102.

350. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова – М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с.

351. Томсинов В. А. Законодательство императора Павла I. – М.: Зерцало, 2008. – 308 с.

352. Торотоев Г. Г. Стилистика определительных конструкций в официально-деловом стиле современного якутского языка // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2007. – Т. 4. – № 4. – С. 59-62.

353. Торохова Е. А. О языковой политике в Удмуртской Республике // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2012. – № 2. – С. 152-158.

354. Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом. Курс лекций по теории и практике современной русской журналистики. – М.: Ладомир, 2004. – 623 с.

355. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – 799 с.

356. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковой. – СПб.: Фолио-Пресс, 2000.

357. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Складчиковой. – М., 2001.

358. Тупейко Д. В. Языковая политика в современном Марокко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 13 (184). – С. 140-144.

359. Тухватуллина Д. Н. Языковая ситуация в Республике Татарстан в контексте европейской языковой политики: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007.

360. Тхорик В. И. Языковая личность: лингвокультурологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2000.

361. Тяжков А. В. Европеизация России: проблемы и перспективы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 76-1. – С. 353-355.

362. Уварова Н. В. Гуманитаризация профессионального образования государственных служащих средствами лингвистической подготовки: дис. ... д-ра пед. наук. – Казань, 1999.

363. Улунова А. Е. Культура профессионального общения государственных служащих как культура профессиональной группы и культура личности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 1 (25).

364. Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Мостицкого [Электронный ресурс]. URL: https://mostitsky_universal.academic.ru.

365. Универсальный русско-английский словарь / Universal English-Russian Dictionary of Modern Lexicon / Т. Альбова, Е. Гайдель, М. Гиевко и др. – М. : Сова АСТ, 2006. – 1264 с.

366. Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры / Избранные труды. – М. : Языки русской культуры, 1996. – Т. 2. – С. 411-572.

367. Фёдорова В. А. Содержание понятия «имидж предприятия» // Экономика транспортного комплекса. – 2013. – № 21. – С. 26-40.

368. Фефилактова Е. А. Нравственные аспекты современной системы подготовки государственных служащих // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Педагогика, психология». – 2012. – № 1 (8). – С. 301-304.

369. Флоря А. В. Языковые особенности официально-делового стиля // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 5. – С. 278-288.

370. Фомин А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2004.

371. Фотина Л. В., Литвин И. Ю. Формирование типовых компетенций государственных гражданских служащих // Вопросы совершенствования системы государственного управления в современной России / под общей ред. Л. В. Фотиной. – М. : ООО «Макс Пресс», 2016. – С. 344-358.

372. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М. : Астрель, АСТ, 2008. – 828 с.

373. Халитов Б. Н. Языковые аспекты политического процесса: внутренние и международные измерения: на примере Каталонии: дис. ... канд. полит. наук. – Казань, 2006.

374. Халяпина Л. П. Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством интернет-

коммуникации в процессе обучения иностранным языкам: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2006. – 426 с.

375. Хамидуллина А. И. Языковая политика в постсоветском пространстве: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2011.

376. Хасанова А. Н. Особенности подготовки государственных служащих в условиях трансформирующегося общества: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Уфа, 2006.

377. Хачмафова З. Р. Женская языковая личность в художественном тексте (на материале русского и немецкого языков): дис. ... д-ра филол. наук. – Майкоп, 2011.

378. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования: сб. избр. ст. – М. : Прогресс, 1980. – 448 с.

379. Хотянова О. Б. Стилистические средства создания речевого портрета Остапа Бендера // Вестник Московского государственного университета печати. – 2015. – Вып. 2. – С. 111-118.

380. Черемушникова И. К. Проблема определения центрального понятия имиджелогии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 8. – С. 61-64.

381. Черняк В. Д. Речевой портрет носителя просторечия / Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 1994. – С. 133-138.

382. Черняк Т. В. Управление компетентностью государственных служащих (опыт Сибирской академии государственной службы) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2005. – № 5.

383. Чесноков П. В. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах: учебное пособие по спецкурсу. – Таганрог : ТГПИ, 1996.

384. Чеучева Т. М. Социокультурные аспекты языкового регулирования в современном полиэтническом обществе: на материале Республики Адыгея: дис. ... канд. соц. наук. – Майкоп, 2004.

385. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – СПб. : Издание книгопродавца В. И. Губинского, Типография С. Н. Худекова, 1910. – 1004 с.

386. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. – М. : Наука, 2006. – 254 с.

387. Чуприна М. В. Языковая политика в Республике Индия // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 293-296.

388. Чурсина Ю. Е. Ключевые особенности подготовки к ЕГЭ в контексте модернизации образования (на примере ЕГЭ по русскому языку) / Современные тенденции развития России: путь к эффективности: материалы XI Международной научно-практической конференции. – Елец, 2017. – С. 489-493.

389. Шаталова О. В. Синтаксическая характеристика языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2012.
390. Шаховский В. И. Социальная интеракция власти и народа через языковую игру // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2006. – Т. 1. – № 5. – С. 21-28.
391. Шевченко Э. В. Основные механизмы формирования и развития духовно-нравственных качеств государственных служащих: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – М., 2004.
392. Шестак Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2003.
393. Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке: публ. послание д-ру Эрнсту Генкелю, э. о. проф. зоологии и дир. Зоол. музея при Иен. ун-те Августа Шлейхера. – СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1864.
394. Щербакова Н. Н. Использование сведений об истории русского языка и языковой игре как средство воспитания лингвокреативной языковой личности // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – № 9. – С. 85-90.
395. Щитова Д. А. Интервью как способ создания имиджа // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 146-153.
396. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907.
397. Юдина Н. В. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте: монография. – М. – Владимир : Ин-т языкознания РАН, ВГПУ, 2006. – 427 с.
398. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? – М. : Гнозис, 2010. – 296 с.
399. Юдина Н. В., Кузнецова Е. А. Языковой портрет современного финансиста. – М. : Финансовый университет, 2016. – 280 с.
400. Юдина Н. В., Кузнецова Е. А. Языковая политика vs Экономическая политика современной России: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 402-415.
401. Юсупов С. А. Развитие коммуникативной компетентности государственных служащих в работе со средствами массовой информации. – М., 2002. – 165 с.
402. Язык как основа этнокультурной идентичности: материалы научно-практического семинара. – Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2007.
403. Язык. Речь. Культура: материалы XII Всероссийской студенческой научно-практической конференции, посвященной Дню

славянской письменности. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2017.

404. Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) / Культура и письменность Востока. Кн. 1. – Баку : [б. и.], 1928. – С. 41-64.

405. Яковлев Н. Ф. За латинизацию русского алфавита / Культура и письменность Востока. Кн. 6. – Баку – М. : [б. и.], 1930. – С. 27-43.

406. Яковлев Н. Ф. О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Революция и национальности. – 1936. – № 2. – С. 25-38.

407. Януш О. Б. Языковой фактор межгосударственной интеграции: дис. ... канд. полит. наук. – Казань, 2006.

408. Arroussi M. Improving EFL Learners' Communicative Competence through Integrating Cultural Insights Case study of Third Year LMD Students of English at Batna University: A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the Master degree in English (Science of language). - People's Democratic Republic of Algeria, 2012-2013.

409. Fasold R. Tense marking in Black English: a linguistic and social analysis. – Arlington : Center for Applied Linguistics, 1972. – 254 p.

410. Gumperz J. J. Speech variations and the study of Indian civilization. – AA., 1961. – P. 976-988.

411. McDavid R. The relationship of the speech of American Negroes to the speech of Whites // American Speech. – 1951. – № 26. – P. 3-17.

412. Paul G. Deutsche Grammatik. Bd. 1-5. – Halle, 1916-1920.

413. Phillipson R. Linguistic Imperialism. – Oxford : Oxford University Press, 1992.

414. Rask R. K. Samlede tildels forhen utrykte Afhandlinger. Udg. efter Forf.s Død af H. K. Rask. – Kjöbenhavn : Trykt i det Popske bogtrykkeri, 1834. – 504 s.

415. Ropski Janusz, Podgorecki Józef. Communicative competence // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 6. – Часть 1.

416. Sivonen S., Pouru L. Competence foresight in local government services KT Local government employers. – Helsinki, 2014.

Интернет-ресурсы

1. URL: <https://www.agroxxi.ru>.
2. URL: <http://change.org.ru>.
3. URL: <http://www.dairynews.ru>.
4. URL: <http://www.fedlab.ru>.

5. URL: <https://elibrary.ru>.
6. URL: <https://lenta.ru>.
7. URL: <http://medvedevu.ru>.
8. URL: minkult.inf.
9. URL: <http://mirtesen.ru>.
10. URL: <http://nazaccent.ru>.
11. URL: <http://napisat-pismo-putinu.ru>.
12. URL: <https://newsru.com>.
13. URL: <https://newtime.su>.
14. URL: <https://ok.ru>.
15. URL: <http://orfo.ruslang.ru>.
16. URL: <https://regnum.ru>.
17. URL: <https://www.rosminzdrav.ru>.
18. URL: <https://sobesednik.ru>.
19. URL: <https://studbooks.net>.
20. URL: <http://syntone.ru>.
21. URL: <http://www.trbzdrav.ru>.
22. URL: <https://ulpressa.ru>.
23. URL: <http://ustinow.ru>.
24. URL: <http://www.yugopolis.ru>.
25. URL: <https://www.1tv.ru>.
26. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/lop>.

Юдина Наталья Владимировна
Котлярова Ольга Владимировна

**ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

МОНОГРАФИЯ

Редактор: А. М. Перегудова
Корректор: Н. М. Орлова
Дизайн: А. Е. Дмитриев

Сдано в набор 18.02.2019.
Подписано в печать 07.03.2019.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 12,1. Авт. л. 11,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 471/19.

Отпечатано во Владимирском филиале федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59а,
контактный телефон (4922) 52-27-89